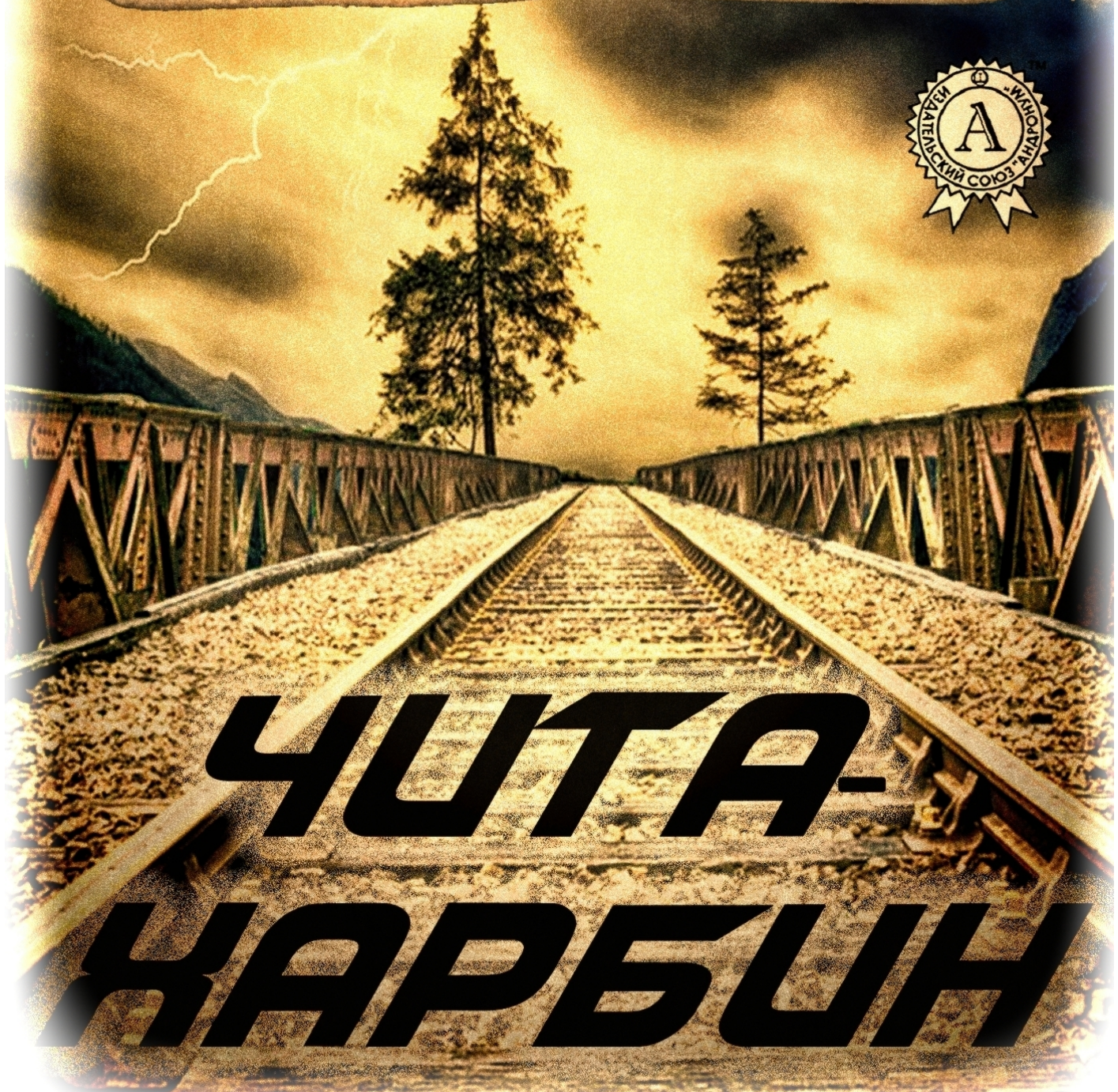

ВАЛЬДЕМАР КРЮГЕР

**ЧУТА-
ЖАРБИЦА**

Вальдемар Крюгер

Чита – Харбин

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Крюгер В.

Чита – Харбин / В. Крюгер — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-89-000366-4

Книга «Чита-Харбин» рассказывает о нелегкой судьбе потомственного забайкальского казака, уроженца Могойтуевской станицы Степана Сергеевича Нижегородцева. Счастливое детство, хаос Гражданской войны, трудные годы эмиграции в Трехречье и Харбине, возвращение на родину – вехи на жизненном пути Степана Нижегородцева, оставшемся до конца своих дней верным старинной казачьей заповеди «Душу – Богу, сердце – людям, жизнь – Отечеству, честь – никому». С. С. Нижегородцев, двоюродный брат Г.М. Семенова, выполнял особые поручения знаменитого атамана Забайкальского Казачьего Войска, что подтверждается, нигде ранее не публиковавшимися материалами из харбинского архива БРЭМ, послужившими основой к созданию этой книги. Повествование охватывает исторический период со времен завоевания Забайкалья до середины XX века и позволяет ознакомиться с бытом, укладом жизни забайкальского казачества, связавшего навечно свою судьбу с этим суровым краем, являющимся родиной бурято–монгольского народа, чьи культурные и бытовые традиции нашли отражение на страницах произведения.

ISBN 978-0-89-000366-4

© Крюгер В.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ЧАСТЬ 1	6
Предисловие	6
Легенды мудрого Бурядая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Вальдемар Крюгер

ЧИТА – ХАРБИН

Посвящается памяти забайкальских казаков, вынужденных покинуть Родину.

ЧАСТЬ 1

Предисловие

В основу книги «Чита-Харбин» положена судьба потомственного забайкальского казака, уроженца Могойтуевской станицы Степана Сергеевича Нижегородцева. Счастливое детство, хаос Гражданской войны, трудные годы эмиграции в Трехречье и Харбине, возвращение на родину – вехи на жизненном пути Степана Нижегородцева, оставшемся до конца своих дней верным старинной казачьей заповеди *«Душу – Богу, сердце – людям, жизнь – Отечеству, честь – никому»*.

Повествование охватывает исторический период со времен завоевания Забайкалья до середины XX века и позволяет ознакомиться с бытом, укладом жизни забайкальского казачества, связавшего навечно свою судьбу с этим суровым краем, являющимся родиной бурято-монгольского народа, чьи культурные и бытовые традиции нашли отражение на страницах этой книги.

Прототипами многих персонажей послужили реальные люди, имена которых большей частью изменены. Многие события описанные в книге имели место на самом деле и подтверждены архивными документами приведенными в приложении. Тем не менее немалое место занимает художественный вымысел, без которого создание этого произведения было бы практически невозможно.

Легенды мудрого Бурядая

*Я слышал однажды в бурятской степи
песню не песню, стихи не стихи.
Тихо качаясь на белом коне,
старый бурят напевал мне:
«Этой земли высока трава,
над этой травой высока синева.
Но ты, мой друг, не забудь одного:
народ – он вечно превьшше всего!*

*Дондок Улзытуев, перевел с бурятского Евгений Евтушенко. 1950-е
годы.*

У подножия остроконечной сопочки, отороченной кудрявящейся мерлушкой тальника, удивительно напоминающей своей формой бурятскую шапку-малгай¹, на берегу чуть слышно журчащей речушки, белела в ночи юрта, возле которой дымился почти потухший костер. Редкие язычки пламени всплескивались над покрытыми серым пеплом, шающими углями, отбрасывая синеватые облики на сидящего у костра старика. Его бронзового цвета лицо оттенялось белыми как первый снег седыми волосами, ниспадающими прядями из-под войлочной шапки-монголки, сливающейся в отблесках костра с силуэтом сопки в единое целое. Под глубокими морщинами на челе старца светились незатухающими углями умные глаза, наблюдающими за вечной, как бескрайняя степь, игрой огня.

Из раздумий Бурядая вырвал прозвучавший за его спиной крик испуганной птицы. Он обернулся, вслушиваясь в тишину потревоженной ночи. Ничего. Поднявшись с насиженного места, неслышно ступая олочами, промазанными на совесть тарбаганьим жиром, он повел плечами. Похолодало, дело идет, пожалуй, к утру. Взгляд привычно коснулся макушки сопки, багровеющей в лунном свете ершистыми кустиками таволожки. Кичиги²-то уж сопку миновали, светать скоро начнет, убедился в своей правоте Бурядай и удивительно легкой походкой прошел в юрту, вернувшись оттуда через минуту, неся в руках крытую синей далембой шубу. Подойдя к костру, укрыл его заботливо двух, спавших в обнимку мальчиков.

– Растите батыры, – соскользнуло с уст, и довольная улыбка расцветила его лицо.

После этого постоял немного в раздумчивости, не зная, лечь ли ему прикорнуть с часок, или же не стоит. Проспишь еще, заревой сон крепок.

Неизвестно, как выпало бы решение Бурядая, если бы из темноты не вынырнула чертом собака. Подбежав к старику, она лизнула ему руку и потрусилась к спящим ребятишкам. Не церемонясь, пес заскочил на шубу, которой Бурядай укрыл детей, и осчастливив лица обоих шершавым языком, улегся рядом. Один из мальчиков проснулся, и проведя рукой по испачканному слюной лицу, подскочив, сел, протирая заспанные глазенки.

– Спи Степа, спи, рано еще, – пробормотал заботливо Бурядай, задержав взгляд на широкоскулом лице постреленка. В деда своего, Марка Нижегородцева, друга моего сердечного, мальчик пошел. Гуран, вылитый гуран, нашего корню, забайкальского.

---

¹ Малгай (бурят.) – головной убор бурят, шапка конической формы, отороченная бархатом или мехом, которая наверху завершается серебряным навершием полусферической формы с красной бусиной (бурят. *дэнзэ*).

² Кичигами в Забайкалье называют созвездие Орион.

Мальчик, ни говоря ни слова, упал ничком на пахнувший конским потом войлочный потник, и натянув до глаз шубу, засопел носом, похоже даже не заметив, как обнял вместо друга, спавшую рядом собаку. Хотя как сказать, тоже ведь друг.

Четвероногий дружище подняв метелку хвоста, махнул ее разок-другой, и зажмурился в сладкой истоме, отдавшись во власть немудреных собачьих снов.

Вот чертушка, покачал головой Бурядай, всю ночь где-то блудил. Хоть бы волков не проспал, третьеводни³ Намжил, что пасет овец казака Шароглазова из Дуроевской станицы, толковал мне, что следы совсем недалеко отсюда видел. А Намжил врать не будет.

Мысли о волках напомнили Бурядаю в очередной раз о его безвременно погибшем отце пастухе Бадмае.

Шесть лет исполнилось Бурядаю, когда отец, надеясь на благосклонность к нему Бурхана-Будды⁴ отдал его в буддийский монастырь-дацан, как таково требовали местные обычаи – из каждой семьи один мальчик должен был стать учеником-монахом. Не всегда было так в даурских степях.

Первые сведения о распространении буддийской религии (*бурханай шажан*) среди бурят относятся к XVI веку и связаны с именем, принявшего буддизм в 1576 году, туметского правителя Алтан-хана, имевшего в своем подданстве некоторые бурятские роды. Шаманизм, определявший до этого времени культуру и образ жизни бурятского народа, продолжал однако долгое время сохранять главенствующие позиции, и лишь после продолжительной борьбы с буддизмом, вынужденным заимствовать некоторые шаманские традиционные позиции и обряды, был вынужден отойти на второй план, непокоренным.

Так, например, популярное божество *Гуджир тэнгри* (*Гуджир-небожитель*) было объявлено тождественным буддийскому божеству *Махакала*, и все признаки и функции прежнего шаманского божества были перенесены на соответствующее божество буддийского пантеона⁵.

Важную роль в распространении буддийской религии сыграли бурятские князья-тайши, покровительствующие приезжим ламам. Так, в начале XVIII века, в бурятские земли прибыли 150 лам с целью проповеди буддизма.

Другими активными распространителями учения Будды являлись монгольские племена, изъявившие желание принять российское подданство и перекочевавшие в Забайкалье в XVII веке. Одним из выдвинутых ими условий была свобода вероисповедования и отказ российской стороны от принудительного крещения новых верноподданных, какое имело место среди бурятов.

Со временем буряты обзавелись собственными ламами, посылая своих лучших сынов для получения образования в *Курень* (ныне Улан-Батор) и Тибет. К числу первых бурятских лам относится *Дамба-Даржа Заяев*. В 1734 году, отправившись в Тибет, пройдя полный курс духовного обучения, он посвятил семь лет изучению святейших шастров и религиозные постулаты, после чего вернулся на родину. Число обучающихся быстро росло, так в 1771 в Ургу было отправлено 100 бурятских мальчиков.

Если поначалу царское правительство смотрело сквозь пальцы на распространение, увеличение влияния буддийской религии среди бурят, то в начале XVIII века были предприняты первые попытки ограничения религиозных связей бурят с монголами и тибетцами. После подписания Буринского трактата (1727) пограничные караулы получили предписание, в котором, в частности, говорилось:

---

³ Третьеводни – позавчера

⁴ Бурхán – многозначное слово, имеющее хождение в тюркско-монгольской и арабской этимологии. До распространения буддизма Бурхан означал у бурят верховное небесное Божество, позже, Бурхан стал синонимом Будды.

⁵ Буддизм и Байкал // Карнышев А. Д. «Байкал таинственный, многоликий и разноязыкий» 3-е изд. (2010) <http://irkipedia.ru>

«Лам заграничных, чужих подданных, в улусы к себе ясачным инородцам не пропускать и довольствоваться теми ламами, которые после разграничения с Китаем остались на российской стороне... Если же оставшихся лам на российской стороне не довольно, в таком случае выбирать оных между собой из каждого рода по два мальчика, благоразумных и к науке охотных, хотя и сирот, или кто похочет, дабы верноподданным впредь в чужих ламах не было нужды».

Но на то ведь и издаются указы и предписания, для того чтобы их не выполнять. Или?

По крайней мере пограничная стража была не трусова десятка и продолжала руководствоваться проверенным временем принципом *«указ нам не приказ»*, и приговаривая *«за богом молитва, за казаком служба не пропадет»*, *«чево они нам пушку залиют⁶, нам что ни поп, то и батька»*, продолжали трясти, или как говорят забайкальцы *«держат за кисет»* доморощенных контрабандистов, к кою числу кстати относились и некоторые странствующие проповедники буддизма, совмещающие духовную миссию с сугубо земными потребностями.

Если уж тысячные стада, несмотря на строжайшие запреты, переходили границу, отмеченную редкими каменными насыпями-пирамидами, то для монгольского или тибетского ламы перебраться на российскую сторону не составляло абсолютно никакого труда.

Кстати, имели место и «несанкционированные» переходы буренок и сивок-бурок. За воровство скота сурово наказывали тех, кто был пойман с поличным. За неоднократный угон скота (чаще воровали у монголов) провинившегося ждало жестокое наказание плетью или даже смертная казнь. Наказания должны были больше бояться казаки, нежели буряты и тунгусы. Связано это было с тем, что то, что считалось простительным для кочевника, не видевшего в таком деянии ничего предвзвешенного (у меня еще дед воровал скот), являлось для русского казака непостыдным. Как человек «на службе», он был обязан охранять интересы государства и следить за соблюдением закона. Так, к примеру, за трехкратный угон скота с монгольской территории русского казака могли приговорить к смерти, а за такой же проступок буряты или тунгусы к ударам плетью.⁷

Так или иначе буддийские ламы несмотря на ограничения их деятельности царским правительством за довольно короткий срок, в течении одного XVIII столетия, смогли распространить свое влияние среди агинских (забайкальских) бурят.

С 1773 по царскому указу каждому роду забайкальских бурят было разрешено иметь по одному дацану – молельному дому.

Поначалу ламы проповедовали в войлочных дацанах, попросту в юртах. К числу первых войлочных дацанов в Забайкалье относится Цугольский дацан⁸, основанный в 1801 году агинскими родами *галзут, харгана и хуацай*.

Со временем из юрты вырос целый комплекс капитальных строений. Так в 1827 году было получено разрешение на строительство стационарного дацана – *Цгочен-дуган* (главный соборный храм) и *Найдан-сумэ* – дуган, посвященный 16 ученикам Будды – архатам. В 1831 году были возведены дуганы-сумэ: *Майдари* – посвященный Будде *Майтрее*, *Гунриг* – Будде *Вайрочене* и *Дэмчог* – *Идаму Чакрасамве*.

В Цугольском дацане впервые на бурятской земле были основаны классические монастырские школы *Цанид* и *Мамба* – буддийской философии и тибетской медицины. В нем же хранился единственный во всей Бурятии экземпляр Атласа тибетской медицины (до 1926 г.).

В последующие годы Цугольский дацан продолжал расти, прирастая новыми храмами – дуганами: 1845, 1864, 1887, 1911, 1913.

---

⁶ Заливать пушку – лгать, врать три короба

⁷ Н.Н. Смирнов «Забайкальское казачество», 2008

⁸ Цугольский дацан «*Дашу Чойнэлинг*» (бурят. *Сүүгэлэй дасан*) – буддийский монастырь (дацан), старейший в Забайкальском крае – основан в 1801 году. Расположен в селе Цугол Могойтуйского района Агинского Бурятского округа.

Четыре храма Цугольского дацана являлись аймачными (родовыми): *Махгал-сумэ* – рода *галзут*, Дэмчог и *Найдан* – рода *харгана*, *Гунриг* – рода *хуацай*.

В таком вот дацане с богатыми традициями, где все поражало сознание приведенного туда бурятского мальчика, от колоссального здания буддийского монастыря и до восьмиметровой статуи *Будды Майтреи* и начал свой долгий путь Бурядай, мечтая стать одним прекрасным днем настоятелем дацана шэрэтэ-ламой или на худой конец, странствующим ламой. Но увы, мечтам его было не суждено сбыться.

Злой Эрлик-хан⁹ отнял у него отца. В ту зиму обнаглели вконец волки, нападая среди бела дня на отары овец и даже табуны лошадей. И чем меньше была отара, тем труднее было ее оборонять от серых татей. А у кого меньше скота – разумеется у бедняка. Вот и получалось, где тонко, там и рвется. Пастух Бадмай относился к их числу. Два тэмээн¹⁰ и восемнадцать баранов – вот и все его достояние, которое он смог нажить за то, что в жару и холод пас многотысячные стада бурятских богачей-найонов и богатых казаков верховых караулов из приононских и верхнеаргунских станиц.

Отличии от русских, селившихся в деревнях и станицах, буряты кочевали круглый год со скотом в степи, возя с собой свой дом – юрту. Верблюды и лошади, коровы и овцы добывали себе пропитание подножным кормом. Летом стада кочевали туда, где сочнее трава, зимой – где меньше снега. На ночь скот загонялся в передвижные загоны-котоны, а то и так, стабунившись в кучу, переждал длинную зимнюю ночь, вздрагивая от раздражающего душу волчьего воя.

В ту ночь Бадмай не сомкнул и глаза. Все ближе и ближе раздавалась переключка волков, пока не стихла, что предвещало пастуху Бадмаю ничего хорошего. Волки подобралась вплотную к хлипкому загону, готовясь устроить кровавое пиршество.

Забив пулю в однозарядный штуцер, и сунув в деревянные ножны, доставшийся в наследство от отца кованый нож, бросил Бадмай прощальный взгляд на жену и детей, и шагнул из юрты, чтобы больше никогда в нее не вернуться. Вдвоем с верной собакой вступил он в неравную схватку с волчьей стаей. Бездушная темень ночи поглотила звук одинокого выстрела, блянье перепуганных овец и дикий рев заживо сжираемых верблюдов.

Лишь на рассвете решалась жена Бадмая покинуть спасительный кров юрты. Безумный крик огласил белый саван степи. Повсюду валялись растерзанные овцы, задрав кверху длинные ноги лежала полуобглоданная волками ее любимица-верблюдица, и в луже замерзшей крови, раскинув руки, ее храбрый муж Бадмай, с застывшим взглядом в хмурое, опустившееся на землю серое небо. Все, все было потеряно.

К полудню пригнали пастухи-буряты, узнавшие о горе, постигшем семью Бадмая, найденных ими в степи трех овец и одного пораненного волками верблюда. Ничем другим они помочь обезумевшей от горя вдове не могли. Жизнь кочевников никогда не была медом, а порою, ужасна.

Случившееся с Бадмаем народная молва припасала одноглазым злодеям *анахайм*¹¹, разгуливавшем якобы той зимой по бурятским улусам, затерявшимся в снегах бескрайних даурских степей.

Через две недели траурная весть достигла стен Цугольского дацана. Одним холодным февральским днем, когда беспощадные вьюги метут поземкой по безжизненным степным просторам, срывая и крутя вихрями подтаявший снег, шэрэтэ-лама принес одиннадцатилетнему Бурядаю страшное известие – у тебя не стало отца. Как не жаль было мудрому наставнику отпускать одного из своих самых способных учеников, но как узнал он, что после смерти пас-

---

⁹ Эрлик (-хан), в бурятской мифологии – владыка ада, подземного мира, высший правитель царства мертвых.

¹⁰ Тэмээн (бурят.) – верблюд

¹¹ Анахай – оборотень, бес, в виде крупного пса огненно-рыжей масти с единственным красным глазом во лбу. Согласно преданьям бурят в анахаев превращаются после смерти души насильников и убийц, либо они могут быть созданы темным чародейством колдунов и черных шаманов.

туха Бадмая остались в его бедняцкой юрте сиротами пять девчонок мал мала меньше, старшенькой исполнилось лишь восемь лет, принял мудрый шэрэтэ-лама единственно правильное решение – благословив, отправить Бурядая к матери домой, в степь. Не смогла бы она одна, без мужчины вытянуть, поставить на ноги пятерых детей.

С того самого дня кончилось детство Бурядая, шагнул он из молельни дацана в полную невзгод и лишений взрослую жизнь. Чтобы хоть как-то свести концы с концами, отдала его мать в пастухи богачу-буряту. В несносную летнюю жару, когда выгоревшая на солнце степь раскаляется так, что невозможно ступить босой ногой, и дикую зимнюю стужу, когда замерзшие на лету птицы падают камнями с неба, пас Бурядай тысячные стада богача-найона, мечтая выбиться в люди, носить не рваный лузан¹² с чужого плеча, а богатый тырлык¹³, сверкающий разноцветьем радуги, зябнуть студеными ночами не у костра из аргала¹⁴, а лежать на искусно вытканых коврах в теплой юрте из белого войлока, варить в котелке не пустую похлебку, заправленную диким луком, а кушать каждый день жирную баранину, запивая ее льющимся рекой кумысом.

Но увы, проходили год за годом, а Бурядай выросший к тому времени в статного юношу, продолжал приумножать богатство найонов, витая в несбыточных мечтах, скача по бескрайней степи, сидя в чужом седле, на чужом скакуне.

Так и остался бы Бурядай презренным сыном пастуха Бадмая, если судьба не свела бы его с Марком Нижегородцевым на военной службе.

Бурятские роды после принятия ими подданства «белому царю» платили исправно подушные подати и поставляли казаков-новобранцев для службы в отдаленных караулах на китайской и монгольской границе.

Казаки из русских готовили своих новобранцев загодя, обучая их по воскресным дням в станичных училищах и на сборах. Буряты, несколько иначе. Родившись в седле, являлись они от природы исключительными наездниками, ну а пашкой махать, да из ружья палить, урядники научат.

Когда заносчивому бурятскому князьку-тайше пришел приказ выставить новобранцев, первый выбор пал на Бурядая. У него своих баранов нет, вот и пусть служит Саган-хану¹⁵.

Так и стал волей случая несостоявшийся лама, бедняцкий сын Бурядай гордым казаком Забайкальского казачьего войска.

Уже на первом году службы сошелся он с одногодком Марком Нижегородцевым, призванным на царскую службу из Могойтуевской станицы. Марк в отличии от Бурядая происходил из зажиточной казачьей семьи ведущей свою родословную со времен основания Забайкальского казачьего войска. Казалось бы, такие разные, бедняк и богач, бурят и русский, стали Бурядай и Марк друзьями не разлей вода. Времени узнать друг друга было у них более чем достаточно. Целыми днями проводили они в разъездах вдоль монгольской границы, вылавливая время от времени контрабандистов, увешанных жестяными банчками с китайским спиртом-ханшином, и еще реже воров скота. Спирт «выливался», контрабандистов отпускали, а воришек строго судили, чтобы другим было неповадно тибрить чужих баранов. Бурядай рассказывал Марку о дацане, лучших годах своей еще такой юной жизни, Марк – о Могойтуе¹⁶, где Нижегородцевы были сила. И было это высказывание нисколько не преувеличено.

---

¹² Лузан – архаичная наплечная одежда, в виде короткой безрукавной рубахи изготовленной из войлока, сукна, холста, надевалась через голову, и при помощи ремня, продетого в оторочку нижнего края, затягивалась «под брюхо».

¹³ Тырлык – бурятская шуба, крытая сверху тканью, расшитая по груди разноцветными полосками.

¹⁴ Аргал – кизяк, сухой скотский помет. В степных районах Забайкалья аргал является основным видом топлива.

¹⁵ Саган-хан – Белый царь.

¹⁶ Не путать с одноименным поселком-станцией Забайкальской железной дороги, расположенном 100 км северней села Могойтуя Акшинского района.

Нижегородцевы, с полным на то основанием, могли относиться к числу коренных жителей Могойтуйевской станицы, основанной в 1770 году (тогда еще как Могойтуйевский караул) по распоряжению Акшинского коменданта Силкина на основании Буринского договора с Китаем, заключенного в 1727 году. Имена первопроходцев-казаков, к каким относились и Нижегородцевы, по праву вошли в богатую событиями историю Забайкальского края, являвшегося с незапамятных времен родиной бурят, тунгусов, ороحوнов, дауров и людей многих других национальностей.

Из числа русских, бурят и тунгусов формировались и первые смешанные по национальному составу казачьи части, в задачу которых входила охрана границы восточных рубежей Российской империи.

Еще в 1685 году родоплеменное объединение тунгусов князя Гантимура, приходившего родственником китайскому императору, вступило *«под руку Белого Царя»* и, по решению князя, должно было принять православие. Именно князя и мурзы сыграли решающую роль в распространении православия среди коренных народов Сибири, и, в частности, Забайкалья, действуя при этом не из высоких убеждений, а в поисках выгоды, и не в последнюю очередь для самих себя, ставя наипервейшей целью сохранение своих привилегий. Значительная часть «инородцев» была крещена принудительно, но в душе они остались верны исходящему из глубины веков зову предков, и проповедь православного священника никогда не смогла им заменить песнь шамана.

С легкой руки князя Гантимура, которого по праву можно считать одним из основателей Забайкальского казачьего войска, тунгусы и буряты стали привлекаться на военную службу.

Так весной 1760 года в пойме реки Онон собрались *«тунгусы от родов добрых»¹⁷* с семьями, имуществом и скотом. Из их числа, по указу императрицы Елизаветы Петровны, был сформирован Тунгусский пятисотенный казачий полк. Работа по формировании полка была возложена на вышеупомянутого предводителя тунгусских родов князя Павла Гантимура (крещен этим именем в церкви г. Нерчинска в 1685 г.) и секунд-майора Ивана Якобия (сын селенгинского пограничного коменданта В. Якобия). Тунгусов набирали на добровольных началах, исходя из того, что это *«люди самые ратные»*. Для стимулирования записи (перехода) в казачье сословие, добровольцев исключали (освобождали) из ясачных податей, и приводили к присяге по православному обычаю.

Так как далеко не все тунгусы поддались на уговоры священников и были «перетолмачены» в «истинную» веру, некрещенные, принимая присягу, целовали ружье.

После приведения к присяге из «новоприборных» казаков были сформированы подразделения для несения службы на пограничных караулах, в том числе и Могойтуйском. Старшими караулов были назначены откомандированные казаки (22 человека) из Якутского полка, а на местных нерчинских казаков из русских (162 человека) были возложены обязанности писарей и ефрейторов караулов. Вооружение казаков составляли ружья, пики, сабли, у некоторых (из тунгусов) луки со стрелами.

Тунгусский полк стал одной из основ формирующегося забайкальского казачества. Могойтуйский караул, в числе других сторожевых постов, в середине XVIII века играл роль охранного пункта при расселении русских по пограничным районам в южной части области. Со временем Могойтуйский караул отодвинулся от границы растущей империи и стал станичным селом второго отдела Забайкальского казачьего войска.

Первое письменное упоминание фамилии казаков Нижегородцевых можно найти в архивных документах о селении Царанхон¹⁸, основанного казаками Тунгусского пятисотен-

---

¹⁷ В сформировавшийся тунгусский казачий полк вошли роды; *Баягирский, Дулигарский* и часть *Дулигатского*.

¹⁸ Первое упоминание о селе Царанхон (в переводе с монг. Белый лебедь) относится к 1808 г. В 1972 переименовано в Новоказачинск, в настоящее время относится к сельскому поселению «Новокургатайское» Акшинского района Забайкальского края. Расстояние до с. Могойтуй 22 км.

ного казачьего полка. Первопоселенцами которого, согласно архивным данным, являлись «из казаков поселенные»: Яков и Потап Потехины, Степан Нижегородцев, пятидесятник Ефим Нижегородцев. Здесь же имеется свидетельство о выделении земельных угодий для казаков Могойтуйевского караула¹⁹.

«Исполняющего должность Верхнеудинского окружного землемера Донесение Июня 25 дня 1873 года № 108 с. Царанхон Господину Забайкальскому областному землемеру. Предписаниями поручено мне ввести во владение землями в количестве 1518 десятин казакам Могойтуйевского караула, затем и отрезать 217 десятин во владение оседлых инородцев, проживающих в Царанхонском селении. Исп. Верхнеудинского и Баргузинского окружного землемера Гудков».

В конце XVIII – начале XIX веков в селении Царанхонском²⁰ проживали: сотник Е. Нижегородцев, казаки С., Н., А. Потехины, из казаков поселенные А. Потехин, А. Бронников, Р. Нижегородцев, инородец А. Сымпилов, ясачный Е. Потехин, староста С. Базаров, переводчик инородец М. Рариндеев, старшина Ванчик, партионный сотник В. Улзуев, крестьяне А. Иванов, Б. Бронников, П. Черемный, Г. Смолин.

Фамилии Нижегородцевых и Потехиных, упомянутые выше, как и Поповы, относились к старожилам Могойтуйа, составляя, если прикрыть один глаз, чуть не половину населения Могойтуйской станицы. С самого начала население станицы, тогда еще Могойтуйского караула было смешанным – буряты и русские жили мирно бок о бок, не ища и не находя поводов для раздоров.

Свое название Могойтуй получил, как и многие другие созданные в те времена поселения, от заимствованных из бурятского языка слов, что было, собственно говоря, и немудрено. Буряты жили здесь, на берегах Онона и Ингоды, еще задолго до прихода русских. Слово «могой» в переводе с бурятского означает – «змея, змеиная падь», хотя имеется и другое мнение, утверждающее, что название села произошло от «золотое дно». Как это ни странно и то и другое толкование может быть верным. В окрестностях села водилось много змей, и недалеко от него, в долине речки *Кундулун*²¹, имелось месторождение россыпного золота.

На золото Бурядай в отличии от друга Марка был не падок, считая его исчадием ада, ниспосланного злым Эрлик-ханом на погибель людям. Во время службы произошел один случай, связавший навечно Марка и Бурядаю одной веревочкой.

Как и договаривались сослуживцы, после демобилизации поехали они вместе в Могойтуй, где Бурядай решил начать новую жизнь.

– Не дрейфь, первое время у нас будешь жить, батька у меня добрый, – настраивал Марк новосела.

Но Бурядай решил иначе. Буряту жить под деревянной крышей, как вольному соколу в клетке. На волю он хотел, в степь, чтобы ветер гулял в юрте, принося волнуящие душу запахи цветущего ургуя²² и весенних палов, а не запах перестоявшего теста и свиного пригона, чтобы перед глазами колыхалась волнистой зыбью, катилась нескончаемыми волнами привольно раскинувшаяся степь, которой нет ни конца и ни края, а не представала каждый божий день перед глазами одна и та же картина – сбившиеся в кучу разновеликие избы и судачащие бабы в пестрых платках с коромыслами на плечах.

Бытует такое мнение что человек без конца можно смотреть на огонь и текущую воду. Путешественниками уже давно было замечено, что дитя степей, испытывает такие же чувства,

¹⁹ Земли Могойтуйевского караула (позже с. Могойтуй) граничили с угодьями с. Царанхон. Расстояние между селами составляло около двадцати верст.

²⁰ Из материалов Акшинской районной библиотеки «Заметки краеведа – Истоки»

²¹ Месторождение россыпного золота на р. Кундулун известно с 1883 г., расположено в 15 км южнее пос. Тохтор в Акшинском районе Забайкальского края, до закрытия прииска в 1935 г. добыто 267 кг учтенного золота.

²² Ургуй, ургуйка – подснежник

глядя на колыбель своих предков, бескрайнюю степь, притягивающую магически его взгляд вечным таинственным движением, одновременно волнуящим и убаюкивающим. И Бурядай был одним из них, настоящим сыном бурятского народа.

Как не упрашивал его Марк пожить у него, Бурядай переночевав одну ночь уехал в степь, узнав от семьи оседлых бурят живущих в Могойтуе, что, по слухам, недалеко от Могойтуйской станицы разбили лагерь соплеменники из рода *харгана*, к которому относился и Бурядай надевавшийся купить у земляков по сходной цене десяток-другой баранов, верблюда и войлок для юрты.

Два дня провел Бурядай в седле, пока наконец увидел с полдюжины белых юрт, раскинувшихся привольно на берегу одного из притоков величавого Онона. Казалось, что стайка белоснежных лебедей вышла погостить на свежую зелень лугов, пестрящих разноцветьем цветов: синих ирисов и ярко-вишневых лилий-саранок, восково-белых ландышей и бордовых колокольчиков. На берегу, утопающего в буйной, курчавящейся зелени тальника, полыхали пламенем кусты цветущих Марьиных кореньев.

Вид юрт всколыхнул душу Бурядаю, заставил его сердце забиться в разом ставшей тесной груди трепещущим жаворонком в вышине лазурного неба. Вот она моя родина, здесь хочу я жить!

Привстав в стремях и взглядевшись в полощущееся на ветру полотнище черного вымпела, прикрепленное к шесту рядом с самой большой из лежащих перед ним юрт, Бурядай различил изображение реющего беркута. Теперь у него не оставалось абсолютно никаких сомнений, в том, что перед ним находилось стойбище бурят из рода *харгана*.

Род *Харгана* – самый крупный среди субэтноса хори-бурят²³, к которому относятся одиннадцать родов: *галзууд*, *хуасай*, *хүбдүүд*, *гушад*, *шарайд*, *харгана*, *худай*, *бодонгууд*, *хальбан*, *сагаангууд* и *батанай*.

В начале XVIII века хори-буряты (хоринцы) приняли подданство Российской империи. Каждый из одиннадцати родов получил при этом знамена от царского правительства с изображениями зверей или птиц, являющихся тотемами родов и надписями (наименованиями родов) на кириллице и старомонгольском языке. Имея одинаковую форму, флаги отличались по цвету полотнища, его обрамления, включающего три обязательных язычка по наружному краю знамени.

Так, например, у рода *галзууд* (тотем собака) знамя было ярко-красного цвета с золотым обрамлением и красными язычками. У рода *харгана* цвет полотна знамени был черным с золотым обрамлением и синими язычками. Внутри знамени был изображен синий круг, в котором расправил крылья кречет – тотем харганатского рода, наверху написано на кириллице «Харгана», внизу то же на старомонгольском языке.

Каждый род подразделялся на ветви (бурят. *хүхүүры*). Род *харгана*, вел свою родословную от *Харгана*, являвшегося согласно преданиям шестым сыном знаменитого *Хоридой-мэргэна*²⁴. *Харган* имел десять сыновей, чьи имена дали названия десяти ветвям: *Моотогон*, *Сигуудай*, *Байталай*, *Хушунун*, *Баряхай*, *Батанай*, *Тангад*, *Баатаржаан*, *Хуудай* и *Хухэ*.

Буряты, свято чтящие память своих предков, бережно хранят традиции, гордясь своей родословной. Они, как и монголы, знают ее на память как минимум до восьмого-десятого колена. Для европейца очень сложно разобраться в наименованиях десятков бурятских родов, но каждому буряту, если он услышит, что его земляк относится к роду *баряхай харган*, будет ясно, как божий день, что он имеет дело с хоринцем из рода *харган*, ветви *баряхай*.

²³ Хори-буряты (бурят. *Хори бурядууд*) – крупнейший субэтнос бурятского народа (около 400 000 чел.)

²⁴ Хоридой-мэргэн, Хори-мерген – в бурятских мифах прародитель хоринских бурят

Крикнув во все горло «Бургуй!²⁵», Бурядай, потомок славного рода *моотогон харган*, прищпорил верного коня и поскакал к юртам, радуясь предстоящей встрече с земляками.

Ласково приняли Бурядая, радуясь нечаянному гостю. Чуть не целую неделю загостился Бурядай у соплеменников, и виной тому был не кумыс и молочная водка архи. Заприметил он дочку хозяина стойбища богача Доржи, прелестную Сайнжаргал. Красоты неписаной, вскружила она Бурядаю голову, лучистый взгляд ее прекрасных глаз, краше солнца, разжег огонь страстной любви в его сердце.

Сайнжаргал, носительница столь чудесного имени²⁶, поглядывала украдкой со смущением на гостя, и была похоже не прочь заплести свои волосы в две косы и одеть безрукавку²⁷.

Одним вечером молодым людям удалось поговорить наедине, и Сайнжаргал дала обещание Бурядаю, ждать его возвращения.

Окрыленный, и одновременно удрученный, покидал Бурядай стойбище гостеприимного Доржи. Сумею ли я в срок собрать богатый калым? Без него не могло быть и речи о женитьбе.

Одно утешало Бурядая. Гнал он перед собой купленных им у Доржи тридцать овец-монголок и двух верблюдов, с притороченными на их спинах скатках войлока для их с Сайнжаргал юрты. И то, что она сама, Сайнжаргал, его невеста, катала этот войлок, было Бурядаю вдвойне приятно.

Вернувшись в Могойтуй, Бурядай поведал о своих планах Марку. Тот лишь хмыкнул, загадочно улыбнувшись, переспросил, как зовут отца Сайнжаргал. На том пока разговор и закончился. Бурядай уехал «в степь», забрать мать и младшую из сестренки, живших во время казачьей службы у его старшей сестры. Она, как и три следующие, вышли к тому времени замуж. Купленный им скот Бурядай оставил на время в табуне Нижегородцевых.

День возвращения Бурядая в Могойтуй навечно врезался в его память, став без сомнения лучшим днем всей его жизни. Марк сообщил ему, что пока тот ездил за матерью, он с отцом побывал у Доржи, и все уладил. Жидкие брови Бурядая полезли вверх. Чего, а такого поворота событий он, конечно, не ожидал. Ему было и невдомек, что Нижегородцевы давно имеют с Доржи самые наилучшие дружеские, руку на сердце, по существу говоря, деловые отношения. Пастухи-батраки богача Доржи пасли и скот казаков Нижегородцевых. В один присест сговорились Доржи и сваты, сдвинув предсвадебные обряды в один суглан. И *хуралта*, и *худа оролсохо* и *болхор абаха*²⁸, состоялись в один и тот же день. Получилось у Бурядая, почти как в русской поговорке «без меня женили», но с наилучшим для обоих молодоженов исходом.

Веселой была свадьба Бурядая, так и не узнавшего, сколько заплатил калыма за невесту его друг Марк Нижегородцев.

Не думал не гадал Бурядай, что вам так, одним днем изменится его жизнь к лучшему. Словно добрая сказка спустилась на землю, сделав в одночасье бедняка преуспевающим хозяином. Засучив рукава принялся Бурядай за работу, чувствуя себя в неоплатном долгу перед Марком. Кое-как уговорил его, что он будет пасти и овец принадлежащих Нижегородцевым, вместе со своими, купленными им у будущего тестя Доржи, обосновав тем, что тридцать овец сторожить в степи, что семьсот, нету разницы, с большой отарой даже проще управиться. В чем, собственно говоря, был Бурядай прав.

Три женщины в юрте Бурядая: мать, жена и сестра тоже не сидели без дела. Стригли шерсть и катали из нее войлок. На что мать Бурядая была большой мастерицей в этом деле, но

---

²⁵ У каждого из хоринских родов был свой клич, у рода харгана «*бургуй*».

²⁶ Сайнжаргал (бурят.) – прекрасное счастье

²⁷ Выходя замуж бурятские женщины заплетали волосы в две косы и носили безрукавку (бурят. *уужа*), являющуюся обязательным элементом костюма замужней женщины.

²⁸ Предсвадебные бурятские обряды; *хуралта* – сговор или справка, *худа оролсохо* – сватовство, *болзор абаха* – установление срока свадьбы.

Сайнжаргал творила проворными руками просто чудеса, выкладывая белой шерстью на черной и звезды, и диковинных птиц, и чаще всего реюшего беркута – тотем хоринского рода *харгана*.

Катанный войлок пользовался большим спросом – потник под верховое седло, чепрак для коня, *попонана* спину верблюда, везущего громоздкую поклажу, незаменим он и в зимней юрте кочевника, согревая в лютые морозы.

Сбытом войлока занимался Марк. Так, между делом. Как вернулся он со службы, так пошли у него дела резко в гору. Всему селу на удивление выстроил Марк на Центральной улице, так назвалась главная улица в поселке, дом под красной железной крышей с изукрашенным резьбой мезонином, смотрящий голубыми окнами с резными ставнями на станичное правление и Михайло-Архангельскую церковь, возле которой располагались два здания станичного училища, возведенные казаками методом народной стройками в 1898 и 1910 годах. В те годы Могойтуйская станица являлась одним из самых крупных поселений Акшинского уезда. По переписи 1897 года в Могойтуйе насчитывалось 229 дворов и жило 1395 человек.

Названия других улиц в Могойтуйе носили в числе прочих названия *Акатуй* и *Америка*. Как видим фантазии могойтуйцам было не занимать. Ну ладно, Акатуй печально прославился до революции своей каторжной тюрьмой, а Америка-то чем? Она до сих пор дурака валяет, ваньку-встаньку уронить пытается.

Или же ларчик открывался проще, и виноват во всем был все тот же Марк Нижегородцев, открывшей в одной половине дома лавку, где в числе прочего можно было заказать отличную американскую жнейку Маккормик. Так и просится на язык «*Купи жнейку Маккормик, получишь серп в придачу!*».

Марк Нижегородцев человек был серьезный и такой ерундой конечно не занимался. Кряжистый бородач в черной сатиновой рубахе, темно-синего крепа жилетке, из карманчика которой свешивалась небрежно цепочка серебряных часов Павел Буре, серебряной же серьгой в левом ухе, и в черного сукна шароварах с желтыми лампасами, запроваженных с напуском в начищенные до блеска лакированные сапоги, прохаживался он степенной походкой вдоль массивного прилавка, поглядывая снисходительно из-под разлтых бровей на входящих покупателей. Иной раз в лавку заглядывала, заходя с заднего хода его жена, которую Марк уважительно величал не иначе как Никитичной, бывшей под стать супругу, из староверов.

За спиной Марка на сработанных из гладко отесанных кедровых плах полках громоздились, радуя глаз товары. Чего там только не было: рулоны цветастых сатинов и молескинов, какого угодно расцветки русского ситца и синей китайской далембы, горящих жаром кашемиров и ласкающих взгляд шелков, сапоги хромовые и юфтевые, кашемировые шали и пуховые платки, чай зеленый кирпичный и сахар головами, табак маньчжурский и турецкий, блестящие зеркалом самовары и швейные машинки Зингерь, и на заказ, как уже было сказано выше, привозил Марк из пограничного города Маньчжурии и даже самого Харбина – жнейки Маккормик, веялки и конные грабли. А про потники вот совсем забыли. И их продавал Марк с большей выгодой, не забывая делиться с доходами от их продажи со своим другом Бурядаем.

Знал Бурядай отчего так поперло у Марка, знал и помалкивал. Чего воду недругам Марка на мельницу лить?

А завистников у Марка хватало. Как же без них? Там, где удача, они тут как тут. Судачили за спиной Марка, гадая, сколько у него денег. Задырное²⁹ ремесло у Нижегородцева, но доходное. Деньжат поди накопил, что черт на крышу не забросит.

Бурядаю не было до того никакого дела. Месяцами пропадал он в степи, забывая, да и не желая, навещать в село. Что там делать, сплетни да пересуды одни. И в этом был он прав.

Марк тоже крутился как белка в колесе, лишь изредка, мог он вырваться и заранее радуясь, приехать на день к другу.

---

²⁹ Задырное – хлопотное

Одним знойным летним днем, когда с самого раннего утра стоит невыносимая жара, а палящее солнце, словно раскаленное пушечное ядро, брошенное рукой *Дайчин-тэнгри*³⁰, прочертив безоблачное небо, осыпает ржавой помхой³¹-окалиной высохшую на корню траву, Марк отправился в гости к сердечному другу Бурядаю. Замерло все живое в степи, и сама степь, раскаленная как огромная сковорода, пышет сухим нестерпимым жаром, захватывая дыхание, словно с добела нагретой каменки русской бани, но настоящему гурану Марку Нижегородцеву, была такая несусветная жарница, нипочем. Что в седле ехать, что без седла, все равно на коне, ни пеши идти. Подняв голову, он поглядел на скрытое в душном матовом мареве солнце, и улыбнулся во все лицо.

– Печет ноне!

Марк пребывал со вчерашнего дня в превосходном состоянии духа. У была на то причина, и какая! Первенец родился!

Неделей раньше ездил Марк в Читу, вернувшись оттуда в приподнятом настроении, заключив там крупный контракт с интендантским управлением 2-го отдела на поставку конной амуниции, в том числе и потников под седла. Неказист потник, да дорог. Копеечка к копейке, глядишь и рублишко.

На радостях решил Марк подарить Бурядаю коня. Нет лучшего подарка для бурята или монгола, чем горячий скакун. Сказано-сделано. Рядом с жеребцом Марка, изящно переступая точеными копытами, рысила серая в яблоках, жеребая кобылица. Марк то и дело оглядывался на нее, довольный выбором. Вот обрадуется-то друг!

Еще издали заметил Бурядай подъезжающего Марка. Запасную лошадь с собой взял, зачем это?

– *Мэнде амар нүхэр!* – взмахнув рукой, на запястье которой висела искусно плетеная плетка, подарок Бурядая.

– *Сайн байна найон*³², – отвечивал с улыбкой Бурядай, поглядывая на роскошные одеяния Марка.

Марк усмехнулся. Найон, не бровь, а в глаз попал дружище мой, и продолжил разговор на бурятском, который был ему знаком с того возраста, когда ходят пешком под стол.

– *Хэр байнат*³³?

– Спасибо, бог по грехам терпит, – ответил уже по-русски расположенный пошутить Бурядай, поглядев при этом выразительно на серьгу в ухе Марка.

– Да да, – спрыгивая с коня, отвечивал тот, – бог, он все видит, да не скоро скажет, – после чего, ничего уже больше не говоря, подвел кобылицу к коновязи у юрты Бурядая, и со знанием дела привязал уздечку к средней бороздке коновязи-*сэргэ*.

Здесь необходимо небольшое пояснение. Для бурят столб для коновязи (*сэргэ*) нес в себе особую символику. Таким образом хозяин показывал – это моя земля, это мои владения. В прежние времена *сэргэ* стоял у каждой юрты. Не зря старая бурятская пословица гласит «*пока стоит сэргэ – жива семья*», поэтому никому никогда не могло прийти голову разрушить его. И кроме того, *сэргэ* был не просто коновязь, которой столбили землевладения, что у бурят при кочевом образе жизни играло второстепенную роль, он являлся олицетворением «Мирового дерева», «Древа Жизни», соединяющего три мира.

---

³⁰ *Дайчин тэнгри* – божество войны, покровитель воинов, исключительно популярный образ среди монголов, менее – у бурят.

³¹ Помха – микроскопический порошок в виде ржавой пыли, лежащей на траву в сильные засухи.

³² *Мэнде амар нүхэр!* – здравствуй друг! *Сайн байна найон* – здравствуй (мой) господин. *Сайн байна* – бурятское приветствие, которое в дословном переводе звучит как предложение чая.

³³ *Хэр байнат?* – Как дела?

Столб-*сэргэ* имел три метки-бороздки. Верхняя бороздка указывала место привязывания скакунов небожителей, населяющих Верхний мир, средняя отводилась для простых смертных, нижняя – для лошадей богов Нижнего мира, откуда уже никому нет возврата.

Кроме того *сэргэ*, в форме каменных или деревянных столбов, устанавливались на *бариса* – местах, где делалось приношение духам-*эжинам*, покровителям того или иного места, будь то огромная гора, или же отдельная скала, относящиеся к Срединному миру (земле), одухотворенному как в целом, так и во всех его составных частях.

Вообще бурятская мифология очень богата на богов и духов, населяющих во множестве Верхний, Срединный и Нижний миры.

Согласно шаманистским представлениям бурятов на небе, в Верхнем мире, обитали божества-небожители – *тэнгри*, разделявшихся на два враждующих между собой лагеря – на «западных» добрых *тэнгри*, приносящих человеку счастье, и на злых, опасных для человека «восточных» *тэнгри*.

Главный *тэнгри*, носящий звучное имя – Вечное Синее Небо (*Хухэ Мунхэ тэнгри*), имеет сына (*Эссэгэ Малаа тэнгри*), являющегося главой добрых «западных» *тэнгриев*.

Эссэгэ Малаа тэнгри, величественный старец, который живет в прекрасном дворце и имеет множество слуг. Он добрый старейшина, особо не вмешивающийся в человеческую жизнь, выражающий волю Вечного Неба и определяющий судьбу людей.

«Восточные» *тэнгри*, во главе с божеством, носящим имя *Ата Улаан*, жестоки и коварны. Именно они посылают на людей различные бедствия – эпидемии, голод засуху и другие напасти.

Жизнь *тэнгриев* похожа на жизнь влиятельных людей на земле. Они имеют жен, детей, властвуют над бесчисленными табунами лошадей и стадами скота. Зачастую *тэнгри* олицетворяли различные атмосферные явления (*Будургу Сагаан тэнгри* – божество снега, *Хухэрдэй Мэргэн тэнгри* – божество грома и молнии, *Мэндэри тэнгри* – божество града), а также различные проявления человеческой жизни (*Багатур тэнгри* – божество силы, *Ата Улаан тэнгри* – покровитель коней)³⁴.

Любопытно, что *Ата Улан* (*огненно-красный тэнгри*), являющийся предводителем недобрых «восточных» *тэнгри*, одновременно является и покровителем лошадей, так уважаемых и почитаемых бурятами и монголами. В этом есть какой-то особый, потаенный смысл, отвечающий представлениям о смысле, понимании жизни этих древних народов. Не случайно буддизм, проповедующий ненасилие, терпимость, идею непостоянства и недолговечности всего сущего, нашел в бескрайних степях Монголии и Забайкалья благодатную почву, постепенно вытеснив, точнее говоря слившись с шаманистскими, дуалистическими представлениями бурятов и монголов о окружающем их мире, где злые божества и духи занимают в повседневной жизни такое же важное место, как и их добрые контрагенты.

После той памятной встречи двух друзей, когда Марк подарил лошадь, миновал год, но как много изменилось в жизни Бурядая. Казалось, достиг он почти всего, о чем он мечтал в юношеские годы, сносая безропотно голод, холод и другие житейские невзгоды. Мечтал он о хорошей жизни, в тогдашних его представлениях о счастье – чтобы была у него красавица-жена, ел он каждый день жирное баранье мясо, запивая его искрящимся кумысом.

Сбылись его желания, осталось лишь одно невыполненным – иметь наследника. Но перехватил нить его судьбы злой *тэнгри* *Ата Улан*, навеки разрушив хрупкое счастье Бурядая. Умерла при родах его жена Сайнжаргал, следом, ни прошло и полгода, последовала ей и мать Бурядая. Похоронил их троих, жену, младенца и мать Бурядай на открытом всем ветрам степном кургане. Жившую с ним младшую сестру сосватал парень-бурят из рода *галзууд харгана*.

---

³⁴ Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск, 1987.

Не век же ей жить с братом, пора вить свое гнездо. В один единственный год остался Бурядай один как перст, как могильный камень на кургане, куда приходил он, глядя безмолвно часами в равнодушное к его страданиям серое небо, в волнующуюся зябь ковыля. Не радовала его взгляд раздольная степь, ставшая ему в одночасье злой мачехой.

Прошли годы, из наивного юноши-пастушка высек ваятель добрый бог Бурхан из бесформенной глыбы гранита непоколебимого, мудрого Бурядая, почтенного, уважаемого всеми седовласого старца, что сидит сейчас у костра, глядя с любовью на двух спящих в обнимку детей, один из которых, Степа, является внуком его верного друга Марка Нижегородцева. Более сорока лет знают они уже друг друга, спаянные навечно нерушимой дружбой, бурят и русский, казак и казак.

Души Бурядай не чаял в этих двух вихрастых пацанах. Второй парнишка, Прошка, был сыном могойтуйского казака Гавриила Рукосуева, которого все звали Гошкой.

Так и есть оно в жизни, коли беден ты – кличут, насмехаясь Гошкой, богат – навеличивают Гавриилом, да еще и по батюшке.

Прошка был на два года старше Степы, и работал у Нижегородцевых подпаском, как когда-то давно начинал свою трудовую биографию и сам Бурядай, чертомеля на ононского скотовода-найона.

Может быть поэтому и был для Бурядая особенно близок этот подросток. Глядя на него, вспоминал он невольно свои молодые годы, когда радовался он каждому куску, доставшемуся от щедрот чванливого найона.

Бурядай, как мог, старался облегчить жизнь казачьего сына, подпaska Прошки, не делая никакой разницы между обоими пацанами – внуком его состоятельного друга и сыном извечного батрака-поденщика. С радостью наблюдал он за ними, направляя умело в нужное русло неумную детскую энергию.

Рецепт был прост. Все они делали сообща. Пасли втроем овец и лошадей, собирали аргал, варили обед, а по вечерам Бурядай рассказывал мальчишкам бурятские сказки, каких он знал великое множество.

Так и вчера, рассевшись после ужина кружком у костра, подогнув по-монгольски под себя ноги, ребятишки приготовились слушать. Бурядай, попыхивая трубкой-ганзой, посмотрел в по-южному черное небо и сузив до щелочек глаза с лукавством спросил.

– Ну что батыры, спать?

Разом, как по команде встрепыхнулись воробышками мальчишки.

– Да ты что аба? – ответил за обоих Прошка, – а сказки?

– Ну хорошо. Знаете почему ушкан³⁵ зимой белый, а летом серенький? Нет? Ну слушайте тогда.

Однажды весной, когда солнце стало в обогрев, встретились два друга – снег и заяц. Оба в беленьких шубках, красавцы, жить бы да радоваться. Но не в радость снегу ясное солнышко, с неба, друзьям не разлей вода улыбающееся. Посерел снег под лучами пальцами, жалуется зайцу-беляку.

– *Что-то у меня голова заболела.*

– *Наверное, ты таешь, оттого у тебя голова и заболела, – ответил ему заяц. После чего закручинился и зайнька, сел на пенек и горько заплакал.*

– *Жалко, ох как жалко мне тебя, снег. Куда же мне теперь горемыке деваться. Спасал ты меня всю зиму, от лисы хитрой, от волка страшного. От охотника хоронясь я в тебя*

---

³⁵ Ушкан – заяц-беляк

зарывался, прятался. Как теперь жить без тебя буду? Любая ворона, любая сова меня увидит. Заклюет. Пойду к хозяину леса, попрошу его. Пусть он тебя, снег, сохранит для меня.

А солнце уже высоко ходит, жарко припекает, снег тает. Ручьями бежит с гор.

Затосковал заяц, еще громче заплакал. Услышал зайца хозяин леса, просьбу его выслушал и сказал.

– С солнцем спорить не берусь. Снег сохранить не могу. Шубу твою белую сменю на серенькую, будешь ты летом легко прятаться среди сухих листьев, кустарника и травы. Никто тебя не заметит.

Обрадовался заяц.

С тех пор он всегда меняет зимнюю белую шубу на летнюю – серую.

Притихли дети, размышляют. Первым нарушил молчание Степа, слывший большим почемушкой. Все ему интересно, все надо знать.

– Аба, а почему волк свою шубу не меняет?

Посуровело лицо Бурядай, глубже обозначились морщины, разбежавшиеся лучинками вокруг всегда таких добрых глаз. Вспомнился ему безвременно ушедший из жизни отец Бадмай, загрызенный волками. С тех пор возненавидел Бурядай серых, уничтожал, как только мог. Стрелял из берданки, догоняя на коне ловил арканом, топтал копытами горячего коня.

Степа, насколько хватает, короткого как заячий хвост, детского терпения, ждал, что ответит мудрый аба-дедушка Бурядай. Он все знает, в этом были Степа и Прошка уверены.

– Не от кого им прятаться волкам, разве что от охотника, потому они зимой и летом одним цветом – серые. Расскажу-ка я вам почему волки воют.

Было это в давние времена. Поехал молодец к тестю в гости. За третьим перевалом увидел он семерых стариков. Сидят они чинно у костра, длинными трубками попыхивают, ждут, когда мясо сварится.

Подъехал молодец к костру, молчком с коня слез, молчком трубку прикурил, в стремя ногу вставил – собрался дальше ехать. Тогда говорит ему один из стариков:

– Не велика честь молодому батору, который не поздоровавшись со старшими, прикурил трубку от их огня и заспешил в путь, забыв нашу пословицу: сваренное откушай, стариков послушай.

Смирненно выслушал молодец старика и говорит:

– Правда ваша – допустил я большую оплошность, но не от гордости и самомнения, а по неопытности своей и беспечности, за что прошу у вас прощения.

Присел юноша к костру, отведал сваренного мяса, выслушал стариковские советы и отправился дальше.

И так легко у него на душе стало, что захотелось песню спеть. Но только затянул он раздольную песню, как подхватили ее и глаза, и уши, и ноздри!

Испугался молодец, примолк и до самого конца пути рта не открывал.

Доехав до юрты своего тестя, молодец молчком переступил порог, молчком напился чаю и – к великому изумлению тестя – молчком отъехал со двора.

Дома вышла его встречать молодая жена. Но ни слова не сказал ей молодец, переменял коня и зарысил в степь – пасти свой табун.

Пасет день, пасет другой, неделю пасет, домой носа не кажет. Пригорюнилась жена. «Что бы это значило? – думает. – Мой муж никогда молчуном не был, а тут приехал из гостей – не поздоровался, уехал табун пасти – не попрощался и, похоже, не думает домой возвращаться».

Велела она оседлать себе коня и отправилась мужа разыскивать. А как нашла – пенять стала:

– Разве так настоящие мужья поступают? Возвратился из гостей и слова ласкового не промолвил, отправился табун пасти и весточки о себе не подал!

Дольше терпеть у молодца сил не хватило. Открыл он рот и тотчас же заговорил не только языком, но и ноздрями, и глазами, и ушами.

Узнав, в чем дело, жена побранила молодца за скрытность и говорит:

– Завтра на рассвете, когда наши пастушонки нагнетятся и приметятся раздувать угли, ты перешагни через него.

Так и сделал молодец. Перекинулась напасть на пастушонка. Бросился тот с перепугу на улицу, перепрыгнул через черного барана. Заблеял баран не своим голосом. Услыхали его семеро волков, пришли и съели, даже шкуры не оставили. Перекинулась напасть на семерых волков. С тех пор они и воют на семь голосов.

Сказка- ложь, давней намек, добрым молодцам урок. Уставились казачата на абу Бурядая. У него тоже ведь такая же длинная трубка, как у тех семи дедушек, которые угостили того молодца мясом и надавали ему советов. А мы вот чуть не каждый раз, когда приезжаем в степь, кушаем с абой Бурядаем и баранов, и сусликов, и ничего. Да кого ничего, вкуснятина! Что-то тут не так. Но волки то воют!

В случае чего, через барана прыгать надо, вон их сколько пасется. Сожрут еще одного, невелика беда.

А что, верно ведь рассуждают, казачата-то. Сметливые.

Следующий вопрос любознательного Прошки поставил Бурядая впросак.

– Аба, а почему тебя Бурядаем зовут? Вон сколько других имен имеется. Софрон, Иван или Архип.

– Нет таких имен у бурят. А назвал меня отец мой, который звался Бадмаем, в честь Цаган Бурядая, от которого пошли все буряты. Слушайте вот.

На реке Лене в далекие времена поселился один бурят по имени Бурядай. И звали его Цаган Бурядай, это значит Великий Бурядай, от которого началось племя бурят. У Бурядая было двенадцать сыновей и шестьдесят внуков. Харасын был самым младшим внуком Бурядая от старшего сына Хоридоя. Как младшего внука, его все баловали, а он никого не признавал и делал что хотел. Бурядай и Хоридой сильно беспокоились за Харасына, так как день ото дня он становился все непослушнее. Когда Харасын подрос и стал совсем большим, племя бурят не знало, что с ним делать, как его укротить. Вот однажды Бурядай сказал:

– На истоке Ангары среди реки лежит большой Шаманский камень. Каждое утро у того камня собираются самые красивые шаманки со всего берега Байкала. Надо отвести Харасына туда, и, может быть, шаманки помогут ему.

Хоридой послушался совета старого и мудрого Бурядая и уговорил Харасына поехать на Байкал, чтобы добыть рыбы. За три дня Хоридой и Харасын доскакали до Байкала и остановились на берегу, напротив Шаманского камня. И вот однажды на рассвете шаманки собрались и начали молиться солнцу.

Среди шаманок была одна молодая. Она выделялась своей красотой и стройностью. Увидев на берегу молодого парня, эта шаманка больше смотрела на него, чем на солнце. Харасын заметил это и, недолго думая, вскочил на коня и вплавь кинулся к камню.

Шаманок как ветром сдуло с камня, а та, молодая, – осталась. Он подъехал к ней, посадил ее на коня и привез к отцу. Вскоре они вернулись домой.

В улусах Бурядая все начали смеяться над Харасыном, что, дескать, никто не мог укротить его, а вот шаманка одна сделала мужчину теленком. Гордый Харасын сказал своим, что это не простая шаманка, а цаган шаманка, то есть великая шаманка. Никто тому

не поверил, и люди продолжали над ним смеяться. Видя такое горе своего мужа, великая шаманка сказала ему:

– Здесь нам не будет житья, уйдем отсюда туда, где нет людей. Там мы заживем спокойно. Харасын в ту же ночь вышел с великой шаманкой на берег Лены, связал два бревна, и поплыли они по реке. Дорогой они добывали себе пищу, били зверей, птиц, ловили рыбу. Плыли они много дней и вот увидели перед собой самый красивый берег Лены. Тут они остановились, построили себе юрту и занялись охотой.

Однажды Харасын пришел в юрту с пустыми руками и сказал великой шаманке:

– Одной охотой здесь не проживем, я даже мышки не встретил. Харасын и великая шаманка решили заняться скотом. Жить им стало легче, у них пошли дети. Харасын научил своих сыновей охотиться, приучил их к скоту, и начали они заниматься большим хозяйством. Сыновья подросли. В одном доме стало тесно. Харасын начал отделять своих сыновей и поселять их недалеко от Лены. Там, где поселялись сыновья Харасына, то место прозвалось Якутским, а по имени сыновей их потомки стали называть свои роды.

Внук Харасына Бэртахара удался в дедушку, он был сначала неуживчивым, но отличался огромной силой, и его боялись все потомки Харасына. Этот Бэртахара был отделен от всех якутов, и его поселили на самом севере, у устья Лены. Тут от Бэртахара народилось много поколений, и все они разбрелись по самым дальним углам страны. Вот так-то от Харасына пошел якутский народ, а от него – другие племена появились³⁶.

– Хорошее имя у тебя аба Бурядай. Можно и меня будут так звать, – спросил Степа.

– А зачем тебе? Тебя вот в честь твоего прадеда называли Степаном. Подрастешь, поймешь, что к чему. А теперь давайте-ка спать, утра вечера мудренее, завтра с утра юрту разбирать будем, дальше кочевать будем.

– Сыграй нам еще на хууре аба.

– Ладно, ладно, уговорили.

Хотя сказал он это так. После смерти жены и матери пристрастился Бурядай к игре на хууре и пению бурятских песен. Часами мог он наигрывать по памяти знакомые ему с детства мелодии и песни, которые, то чуть слышно струились нежным ручейком, то взлетали до небес вольным кречетом, символом рода харгана.

Не мешкая Бурядай сходил в юрту, прихватив с собой оттуда и потник-двоесгибник³⁷.

– Ложитесь на него, а то от земли тянет.

Плюхнувшись на животы, мальчишки приготовились слушать, ничуть не замечая густого запаха лошадиного пота, исходящего от потника.

Бурядай примерившись, взял первый аккорд, и зажмурив глаза начал играть. Чарующие душу звуки хуура потекли над засыпающей степью, как и тысячу лет тому назад.

В древности *хуур*, точнее говоря *морин хуур* являлся обязательным атрибутом в юртах кочевников. По преданию, был свой *морин-хуур* и у Чингисхана.

Морин хуур (буквально «инструмент с лошадиной головой») – двухструнный смычковый музыкальный инструмент монгольского происхождения, имеющий распространение в Монголии, в Бурятии, Туве, и Забайкальском крае.

По мнению некоторых исследователей *морин хуур* является «прадедом» современных европейских смычковых инструментов, появившихся в Европе лишь в позднем средневеко-

³⁶ Записано со слов Родиона Павловича Спиридонова, 59 лет, быв. счетовода пристани Осетрово Усть-Кутского района Иркутской области, в 1937 г. / Легенды Байкала. irkipedia.ru

³⁷ Потник-двоесгибник – сложенный вдвое войлок-

вье. В Европу *морин хуур* первым привез Марко Поло, получив его в подарок в 1275 во время посещения *Шанду* – «летней столицы» династии *Юань*.

Китайцы же, как известно народ с долгой памятью, считают, что все их смычковые инструменты пришли от кочевников. Смычковые инструменты в целом очень поздно вошли в быт оседлых народов, и поскольку использование конского волоса (как и шкуры) предполагало, что иметь такой инструмент мог позволить себе только тот, у кого была лошадь, что, опять-таки, в пору средневековья было возможно лишь у кочевых народов.

Точная дата создания *морин хуура* неизвестна. По некоторым оценкам две-три тысячи лет назад. С традиционной головкой грифа в виде вырезанной из дерева головы лошади он появился около тысячи лет назад.

Первоначально четырехугольный трапециевидный корпус инструмента был обтянут сверху и снизу кожей лошади (или верблюда), а фигурные резонаторные отверстия находились по бокам. Считается, что такой вид обработки резонаторного ящика лучше сочетается по звучанию с горловым пением, исполнением протяжных песен, героико-эпических поэм, так характерных для монгольского и бурятского эпоса.

Две струны из конского волоса, символизировали мужское и женское начало. «Мужская», изготавливалась из 130 волосков из хвоста жеребца и «женская» из 105 волосков из хвоста кобылы.

Хотя в некоторых других источниках имеются данные, что общее количество волосков от скакунов и кобылиц должно было равняться триста шестидесяти пяти, что соответствовало длине календарного года, что опять же опровергается тем, что некоторые мастера использовали при изготовлении струн лишь конский волос от белых жеребцов.

Игра на *морин хууре* требует от играющего недюжинного умения и точности, так как инструмент не имеет никаких отметок, показывающих, где брать, какие ноты. Деревянный дугообразный смычок держат в правой руке, при этом свободно висящий пучок конского волоса на смычке зажимается ладонью, что позволяет регулировать силу его натяжения во время игры и, таким образом, варьировать тембр инструмента.

Так как лошадь считается у монголоязычных народов священным животным, то *морин хуур* создавался, чтобы воздать хвалу отношениям человека и лошади и подчеркнуть единство их духа. Поэтому звук инструмента сравнивается с лошадиным ржанием или с дуновением вольного, не знающего границ ветра в степи.

Имеется несколько легенд о происхождении овечьего мифами *морин хуура*, одного из символов монгольского культурного единства, получившего в 2005 году по решению ЮНЕСКО сертификат об утверждении монгольского национального инструмента *морин хуур* в качестве сокровищницы культурного наследия человечества.

Одна из них приписывает изобретение *морин хуура* мальчику по имени *Сухэ*. После того, как злой хан подло убил любимую белую лошадь *Сухэ*, доставшуюся ему в качестве приза, дух лошади явился к мальчику во сне, и велел ему сделать из ее тела музыкальный инструмент, чтобы *Сухэ* и его любимица смогли снова соединиться. Мальчик выполнил это пожелание, создав из останков любимого коня первый *морин хуур*. С тех пор эти двое больше никогда не разлучались и не были одиноки.

Другая легенда гласит, что некий пастух по имени *Намджил*, живший в восточной Монголии, перебрался в западную ее часть в связи с призывом на военную службу. Его голос был таким звонким и так проникал в душу, что местные жители любили слушать его пение и прозвали его *Намджил-кукушка*.

Намджил влюбился в красавицу-принцессу и по окончании службы получил от нее в подарок летающего коня, дабы встречаться с ней по ночам. Вернувшись после окончания службы к родителям, он три года летал к принцессе, чтобы повидаться с возлюбленной.

В то время по соседству жила одна ревнивая женщина, которая могла разлучать пары и легко заставить людей поссориться. Она заметила необычные свойства коня *Намджила* и захотела причинить вред юноше.

Ревнивица обрезала скакуну крылья, и он умер. Горюющий пастух смастерил себе скрипку из останков мертвого друга, чтобы играть трогающие душу и полные тоски песни о своем коне.

С тех давних пор и звучит *морин хуур* над бескрайними просторами монгольских и бурятских степей, полон тоски и вольнолюбия.

Когда прозвучал прощальный аккорд и Бурядай отложил хуур в сторону, дети, дружно посапывая носами, уже крепко спали, прижавшись тесно друг к другу как родные братья.

Степе снился аба Бурядай. Он сидел на камне, рядом с прелестной шаманкой по имени Сайнжаргал и играл ей на хууре, не спуская с нее глаз. Смычок плавно скользил по струнам и божественные по красоте звуки, струились, мешаясь с животворной водой аршана, забившего из-под камня на котором сидели влюбленные – оставшаяся вечно молодой Сайнжаргал и ее верный Бурядай, почтенный седобородый старец.

Проснувшись, Степа пытался вспомнить такой прекрасный, похожий на легенду сон, чтобы поведать его абе Бурядаю, но увы, он исчез с первыми лучами утреннего солнца, испарившись росой с божественного цветка, растворившись в напоенном ароматами трав воздухе.

С раннего утра Бурядай и его помощники принялись разбирать юрту, собираясь переезжать на новое пастбище. Каждый раз, когда дети заходили в юрту, их взгляд притягивали магически две вещи – скульптура вечного Будды и лежащий у ее ног кавказский кинжал в ножнах. Проникающий взгляд и магическое спокойствие, исходящее от Бурхана-Будды, и тусклый блеск изукрашенных серебряной чеканкой ножен и холодная гладь костяной ручки кинжала, казались им пришельцами из неведомого им мира, из далекой страны за семью горами. И сегодня, войдя, они остановились как вкопанные, не спуская глаз.

– Аба, – в который уже раз задал один и тот же вопрос Степа, – а тебе не страшно было, когда ты с хунхузом дрался? Вон у него ножик какой большой был.

– Нет, нет. Казак никого не боится. Вот вы вырастаете с Прошей, тоже казаками будете.

Прошка надул важно щеки.

– А мы уже казаки!

– Ладно ладно казаки-разбойники, давайте юрту разбирать будем.

Солнце не взобралось еще горб тэмээна³⁸, как юрта перекочевала со всем ее содержимым к ключу, бившему из-под поросшего мхом камня. Степа остановился. Что-то напоминал ему этот камень, но что, он так и не смог вспомнить.

– Аба, а ключ уже давно здесь бьет? – спросил он.

– Аршан-то. Да сколь я себя помню. А чего спросил то?

– Да так.

На том этот разговор и закончился.

Аршан, в переводе с бурятского языка означает «целебный источник» и ведет свою родовую от санскритского «*рашиани*» – нектар, напиток богов. В исконном смысле, аршан это минеральный или теплый источник, имеющий целебное значение. Позже стали так называть и другие ключи с холодной, чистой водой, приписывая им целительные свойства.

Такое отношение к источникам живительной влаги имеет распространение в Забайкалье, Монголии, Китае, Алтае и Восточной Сибири.

Местоположение *аршана*, выхода целебных вод на поверхность, нетрудно определить по местам жертвоприношений «*обо*», представляющих из себя стволы деревьев с привязанными

---

³⁸ Еще до полудня

на них разноцветными ленточками. Чем больше ленточек развеивается на ветру, тем больше людей нашли исцеление, испив «напиток богов».

Обыкновенно ленточки привязываются дважды: по случаю приезда – с просьбой дать здоровье, освободиться от недуга, и при отъезде – в знак благодарности, исцеления от хвори.

Кроме того, имеет место угощение хозяина *аршана*, *эжина*, алкогольсодержащими напитками, как это делает сейчас Бурядай, плеснув из стаканчика бурятской водки-*тарасун* и выпив оставшуюся за удачу на новом месте, чтобы скот не болел, да и себе чуток здоровья не помешает.

Степа и Прошка пили ломящую зубы воду из аршана. Молоды еще для тарасуна.

Дни проведенные Прошкой и Степой с абой Бурядаем были наполнены с раннего утра до позднего вечера самыми разнообразными, казалось бы, обыкновенными, но одновременно и такими завлекательными приключениями. Вот что кажется может быть интересного в пастьбе вечно бякающих бестолковых овец? Бегут они наперегонки, срывая самые лакомые травинки, куда одна, туда же и другие.

Ан нет, вот уже манит к себе, машет рукой аба Бурядай, опять увидел, нашел что-то интересное. Сломя голову летят наперегонки сорванцы, пришпоривая голыми пятками коней. Вот тебе уже и первое состязание. Кто первым доскачет до абы Бурядая, выиграв скачку.

Прошка, обличьем русский, глаз узкий да нос плюсский, был постарше, но Степа, вылитый гуран, был более ловким наездником. Глянет кто непосвященный со стороны, скажет – во как мальчонка-бурят скачет, молодцом! Бурят он в седле родится, завсегда на скачках русского обгонит.

Подскачут пацаны, соскользнут вьюнами с потного лошадиного крупа, без седел ведь ездят, и бегом к Бурядаю, что, что, он нам на этот раз покажет и растолкует.

Для бурята забайкальская степь – родной дом с кладовой, полной-полнехонькой добра разного. Знай только время и место, будешь сыт, обут и одет.

На этот раз наткнулся Бурядай на целую плантацию дикого лука-мангира, знакомого каждому жителю Забайкалья с раннего детства. Его значение для коренных жителей даурских степей сравнимо с ролью черемши для истинного сибиряка-чалдона, не представляющего себе жизни без этого резко пахнущего деликатеса.

Лук-мангир, в отличии от черемши, не засаливают, заготавливая впрок, а употребляют преимущественно в свежем виде, используя в пищу плоские мясистые листья и молодые луковицы. Второе отличие мангира – он отрастает в течении всего лета, но лучший вкус имеет все же ранней весной. Позднее листья становятся жесткими, а луковицы приобретают горький вкус, но в высушенном виде они теряют излишнюю терпкость и обогащают в зимнее время скудный рацион кочевников на продукты растительного происхождения. Мангир, парень хоть куда – хоть похлебку заправить, хоть в колбасу добавить, вкуснятина!

Именно этим, заготовкой зимних запасов лука-мангира и решил занять Бурядай подвехавших мальчишек. Вручив им по заостренной палке-копалке, принялся Бурядай без лишних разговоров выкапывать луковицы мангира. Как раз копнул, две-три сросшихся в кучу луковички есть. Что невелики, то не беда, вкус запашистее будет.

Не мешкая дети принялись за работу. Крестьянские ребяташки с малых лет приучались к труду. На первом месте стояло не удовольствие, праздное времяпрепровождение, а привитие навыков добытчика, будущего кормильца семьи, что всячески поощрялось родителями. Детские забавы должны были приносить пользу, чему-либо учить, готовя исподволь к предстоящей взрослой жизни.

Такое отношение, понимание воспитания подрастающего поколения сохранялось во многих семьях сибирских и забайкальских крестьян и в годы Советской власти, когда слово

«крестьянин» стало к великому сожалению, поводом для насмешек, анахронизмом обесчещенного, оказавшегося вдруг ненужным прошлого, без которого невозможно будущее.

Буядай относился к людям старой закалки, познавшим лихо не понаслышке. Будучи хорошим наставником, он не читал моральные проповеди, а показывая на личном примере, увлекал за собой мальчишек.

Выкопанные луковицы складывали в одну кучку. Всякую работу сообща делать легче.

– Аба! – раздался звонкий голос Степы, – а ботву куда, выкидывать?

– Зеленую собирайте, вечером на тарбаганов охотиться пойдем. Авось пригодится.

Как услышали сорванцы о предстоящей охоте, замелькали еще быстрее их загорелые ручонки. Здорово! На охоту!

Буядай лишь усмехнулся в редкие усики. Вишь как стараются, роют как тарбаганы.

Тарбаган, как и дикий лук-мангир, относится к неотъемлемым атрибутам даурской степи, и пока троица занята приготовлением зимних запасов мангира, о нем, диком сурке Забайкалья, стоит рассказать особо. Двоюродный брат альпийского сурка, тарбаган, он же забайкальский или сибирский сурок распространен по всей степной зоне Забайкалья, в Туве, на севере Монголии и Северо-Восточном Китае (Маньчжурии).

Для коренных жителей забайкальских степей тарбаганы издревле являлись предметом промысловой охоты, снабжая питательным мясом и жиром. Оно и не удивительно. Длина тарбаганов достигает 60 см при весе до 8 кг. Далеко не все кочевники являлись обладателями тысячных табунов овец, так что добытые тарбаганы являлись для них хорошим подспорьем, особенно в летние месяцы, когда хранение мяса особенно затруднительно. Люди отважившиеся отведать тарбаганины, уверяют, что она напоминает мясо поросят, но имеет землистый привкус. Почему отважившиеся? Тарбаган, как и другие виды сурков является носителем возбудителя чумы. В былые годы потребление мяса тарбагана вызывало эпидемии, выкашившие целые роды.

Более всего ценился тарбаганий жир, имевший широкое распространение в народной медицине при всякого рода простудных заболеваниях и ревматизме. С одного тарбагана, добытого осенью, перед тем как он залегает в зимнюю спячку, можно было собрать до пяти фунтов чистого жира. Именно осенью и был главный охотничий сезон. Тарбаганы безжалостно отстреливались, их выкуривали, выкапывали из нор, уходящих до двух метров вглубь земли. Нередко количество добытых зверей исчислялось сотнями. Шесть-десять добытых зверьков давали пуд жира, цена которого колебалась в зависимости от спроса и предложения, доходя до шести – восьми рублей за пуд. В то время цена коровы составляла около тридцати рублей, так что понятно, почему приходилось тарбаганам расстаться со своими шкурками, из которых шили зимнюю одежду для простолюдинов: штаны, рукавицы, шапки и шубы (*ергачи*). Тарбаганий жиром мазали сапоги и другие изделия из кожи, сберегая их таким образом от вредного воздействия влаги. Кроме того, тарбаганий жир, как кстати и медвежий, имеет одно очень важное свойство – не замерзает даже в самые сильные морозы. Может быть этим и объясняется, почему мишке и «тарбагашке» не холодно спать. По крайней мере степные туземцы и охотники-орочоны из глухой сибирской тайги утверждали, что в тот год, когда летом первые из них много ели мяса жирных тарбаганов, а последние – медвежатин, то зимою, в самую стужу, они не колели³⁹; если же ели мало или совсем не ели, то зимою холод для них был весьма ощутителен⁴⁰.

Так что была неудивительной присказка Буядая *«кушай больше тарбаганины, зимой мерзнуть не будешь!»*

---

³⁹ Колеть – мерзнуть

⁴⁰ Александр Черкасов, «Из записок сибирского охотника»

Тарбаганы живут колониями и очень любят ходить друг к другу в гости. От природы они неуклюжи, и поэтому всегда начеку. Вылезет такой бравый молодец из норы, станет столбиком, осмотрится, все ли в порядке. Да вон, однако сват из норы вылез, пойду проведаю. Захваченному врасплох во время беседы «со сватом» тарбагану приходится спасаться бегством. Родственники к себе в нору не пускают. Запусти, потом не выживешь, а то еще и на сватью глаз положит. Своих бы кровных на ноги поднять, чтобы лисица или волк не сожрал.

А врагов у тарбагана много. И хищные звери, и птицы, и ненастье. Остерегаясь наводнения, тарбаганы устраивают себе норы на возвышенных местах. И если все же во время сильного ливня нору начнет подтоплять, тарбаган спасает свое подземное жилище, всеми имеющимися средствами, буквально, не щадя живота своего, затыкая вход объемистым седалищем или даже ложась на лаз снаружи. Была не была, бог не выдаст, волк не съест. Волки, лисицы или вот к примеру ушлый пес Бурядая рыскают в такую погоду, когда добрый хозяин собаку на улицу не выгонит, в надежде поймать тарбагана на подтопленной норе. Убежать он сможет, волк или собака в два счета его прижучит.

А пес у Бурядая был пройдоха еще тот. Не родился еще тот человек, который его обдурит. А про баранов и говорить нечего.

Без него, имеется ввиду барбоски, был Бурядай как без рук. Баран животное упрямое, куда один ломанулся, хоть даже и в речку, туда и все. Нох-нох, так звали любимца Бурядая знал свое дело на отлично. Пастухи приучали собак с малого возраста к их роли защитника отары, выращивая среди овец. Те привыкали к запаху собаки, щенки – к невыделанной овчине. Вырастая собаки становились поводырями и заступниками, не щадящих жизни ради бякающих сестер и братьев. Так как кушать родственников не позволяло соответствующее рангу воспитание, а есть все же хотелось, Нох-нох был вынужден искать пропитание, став по совместительству охотничьей собакой.

Некоторых пойманных тарбаганов он съедал сам, другими, когда был сыт, делился с хозяином. Принесет, положит возле юрты, бери, кушай дорогой, для друга ничего не жалко.

Заметив недюжинные способности четвероного друга, стал Бурядай брать его с собой на охоту, ловить подранков. Роль собаки на охоте на тарбаганов незаменима. Тарбагану, что волк, что собака, одна редька. Завидя четвероногих недоброжелателей, он сидит возле входа в нору и свистит, предупреждая «сватов» о грозящей опасности, зная, что он всегда успеет юркнуть в нору, оставив волка или собаку с носом. Если же охотник едет один, без собаки, он не ждет, пока грохнет выстрел, и будет уже поздно спасать продырявленную шкуру. Такое поведение типично и для других промысловых зверей, избегающих встреч с человеком с ружьем.

И ведь чувствуют же бестии, хоть ворона, хоть тот же тарбаган, когда им грозит опасность. Будет ехать путник без ружья, тарбаган и ухом не поведет, будет лежать на бутане⁴¹ в десятке сажений от проезжающей повозки. Хитрец!

Ближе к вечеру, после того как спала самая жара, Бурядай и два даурских орленка, выехали на охоту. Раскаленная за день степь млела под лучами катящегося к западу огромным тележным колесом солнца. В обжигающем воздухе витали щекочущие ноздри пряные запахи дикого клевера, донника и шалфея. Вдали, за Ононом, виднелись, маня к себе желанной прохладой, затянутые сиреневым маревом отроги Могойтуйского хребта. Выгоревшая на солнце трава пятнела белесыми плешинами солончаков и лишь только один ковыль, казалось, радовался несносной жаре, горя на солнце золотистыми метелками среди высушенного суховеями разнотравья.

Бурядай, покачиваясь в седле в такт шагам лошади, напоминал китайского болванчика, и казалось ничто не сможет его вывести из состояния душевного равновесия. Но вот раздался тревожный посвист тарбагана, и его словно подменили. Ожил курилка, задымилась торчащая

---

⁴¹ Бутан – бугорок вырытой земли над тарбаганьей норой.

во рту неизменная трубка-ганза, расправились морщины на широком бронзовом лбу, зоркий взгляд из-под полуопущенных век ощупал степь. А вот он шалунишка-тарбаган, а вон еще один, и еще. Засуетились и могойтуйские пацаны, заерзали тощие задницы на широких лошадиных спинах. Одно дело видеть тарбагана проезжая ходом мимо, совсем другое на охоте.

Четвертый участник представления, пес Нох-нох, не одного тарбагана съел и знал, что от него требуется. Когда засвистел тарбаган, заметивший первым грозящую сородичам опасность, пес не сорвался с места и не побежал дуриком к нарушителю благоговейной степной тишины. Совсем наоборот, он сел и уставился умными глазами на хозяина. Ну, что скажешь старина, начнем?

Почти неуловимый жест Бурядай и его верный друг Нох-нох в мгновение ока преобразился. Его час пробил, спектакль «*Нох-нох и тарбаган*», в котором ему предстояло сыграть главную роль начался.

Бурядай и его юные спутники спешили. Им предстояла для начала роль зрителей, как, впрочем, и самому виновнику торжества – тарбагану. Оставив двух лошадей, на которых приехали сорванцы на месте, Бурядай, держа наизготовку бердану, в сопровождении обоих мальчишек, прячась за ведомого в поводу коня Бурядай, двинулись маленькими шажками к колонии тарбаганов. Садящееся солнце озолотило уморенную зноем степь, отбрасывая тени от взобравшихся на бутаны, стоящих столбиками тарбаганов. Зверьки пересвистывались, и явно не торопились прятаться в норы. Следующее, что увидели Степа и Прошка поразило и рассмешило их.

Нох-нох не бросился к тарбаганам, а начал бегать, выписывая казалось беспорядочные круги и замысловатые пируэты, то и дело падая на спину, катаясь по земле, ползая, и даже дрыгать лапами. Прошка и Степа прыскали от смеха, глядя на проделки четвероного проказника. Потешно-то как!

То-же самое, наверное, испытывали и тарбаганы, приставая на задних лапках и вытягиваясь в струнку, наблюдали они с интересом за актером, не замечая, как лошадь, со спрятавшимися за ней людьми, подбиралась к ним все ближе и ближе. Один из тарбаганов «с галерки», гонимый непреодолимым любопытством, даже перебрался поближе, что не ускользнуло от внимательного взора Бурядай. Срежу его вторым выстрелом.

Нашарив патрон в сшитом из сыромяти подсумке, Бурядай, лязгнув затвором загнал патрон в ствол берданы и осторожно выглянул из-за крупа лошади. Конь Бурядай, привычный к грохоту стрельбы, даже присел, когда бердана опустилась на седло и замер в ожидании выстрела. Лучших сошек для упора было и не сыскать. Три пары настороженных глаз следили за ближайшим из тарбаганов, в то время как Нох-нох, упиваясь своей ролью продолжал театральное представление. Бурядай, зажав в руке второй патрон, поведя стволом, поймал тарбагана на мушку и немедля ни секунды, выстрелил. Тарбагана буквально снесло с бутана.

– Попал! – закричали разом мальчишки, Бурядай же, не мешкая перезаряжал винтовку, надеясь сбить и зрителя с «галерки». Забавно вихляя толстым задом, он бежал к спасительному убежищу, когда остальные тарбаганы, уже попрятались по норам.

Нох-нох сорвавшись с места, подбежал к убитому тарбагану и обнюхал его. В это же время прозвучал следующий выстрел, достигший цели. Бежавший тарбаган, споткнувшись, перекульнулся через голову, и поднявшись, судорожно передвигая коротенькими ножками, из последних сил поспешил к норе.

– Нох-нох! – закричал Бурядай, и собака бросилась стремглав наперерез раненому тарбагану. Но увы. Тарбаган успел свалиться мешком в лаз, и главному актеру достался в качестве трофея лишь жалкий пучок шерсти, вырванный из подштанников зрителя с галерки.

Неистово лая, Нох-нох возмущался неблагодарностью. Надо же так, смотреть-смотрел, а как что, сразу в нору.

Но Бурядай было так просто тарбагану не провести. Подбежав к норе, он засунул в нее крепкую палку, с прикрепленным на конце заостренным крючком. Еще дорогой, спрашивали его Прошка со Степой, зачем тебе аба эта палка. Спину царапать, смеялся, отвечая Бурядай.

Пошарив в норе, Бурядай наткнулся на что-то мягкое. Ага, попался голубчик!

Возбужденно галдя и лая, четверка охотников о десяти ногах, толпилась возле лаза в нору, из которой торчала палка, зацепившаяся крючком за тарбагана. Бурядай, присев на кукурки, потащил осмотрительно наружу. Вот уже показались из глубины измочаленные подштанники тарбагана, пострадавшие при оплате за представление. Чем ближе был зверек к выходу из норы, тем упорнее было оказываемое им сопротивление. Бурядай уже ухитрился ухватить его за задние ноги, как тарбаган, зацепившись когтями, согнувшись коромыслом упервшись при этом спиной, застопорился в норе, ни взад ни вперед.

И тут знал Бурядай, как себе помочь. Потянув за ноги, он затем слегка приопустил, предоставив тарбагану мнимую возможность забраться поглубже в нору, и в тот момент, когда тарбаган решил воспользоваться ею, вытянул его резким рывком наружу. Следующее произошло очень быстро. Палкой, той самой, с крючком, по носу, готово.

Довольные удачной охотой, тронулись в обратный путь. Через полчаса Бурядай и его спутники достигли место их ночного бивака, занявшись безотлагательно приготовлением припозднившегося ужина. Уже скоро сизый едкий дымок от разгоравшегося аргала, потянулся полоской, пробираясь сквозь открытый дверной полог в юрту. Хорошо будет спать, мошкары не будет, мелькнуло в сознании Бурядая, занимающегося разделкой тарбаганьей тушки.

Длинный летний день катился под скатку⁴². Пурпурно-красный диск солнца исчезал в сиреневом мареве, колышущемся кисейным покрывалом над разморенной зноем степью. Вечерняя заря-заряница окрасила каравайцы сливающихся с горизонтом сопок румяной поджаристой корочкой, напоминая о желанном ужине. Проголодавшиеся за день Степа и Прошка следили за ловкими движениями рук Бурядая. В мгновение ока один из тарбаганов был выпотрошен. Насадив печень и сердце на ружейный шомпол берданы, Бурядай протянул его Прошке.

– Жарь пока осердие, хучь первую со Степой охотку собьете⁴³. Тарбаган-то еще не скоро сжарится.

Второго приглашения мальчишкам не потребовалось. Не прошло и четверти часа, как сжарившееся мясо было чистенько обглодано и блестящий от вытопившегося тарбаганьего жира шомпол был водружен на место.

Нох-нох тоже не терял времени даром. Бурядай и не заметил, как тот, руководствуясь принципом собачьей солидарности оттащил в сторону второго тарбагана, верно решив, что хозяину и его малолетним друзьям хватит и одного. Бурядай лишь только покачал головой. Как завел себе Дульсинею из соседнего бурятского улуса, став главой собачьего семейства, словно подменили. Одним словом – отец.

– Ну иди, иди уже, ждет ведь, – обратился к псу усмехающийся в усы Бурядай. Нох-нох вильнул благодарно хвостом, и взяв в зубы тарбагана, отбыл восвояси.

Ох и пройдоха же этот Нох-нох, носящий столь странную собачью кличку. Как крикнет, подзывая его Бурядай, «Noch, noch!»⁴⁴ можно подумать, что загулявший пруссак или баварец заказывает кельнеру очередную кружку такого вкусного немецкого пива.

На самом деле ларчик открывался совсем иначе. В бурятских улусах Прибайкалья вплоть до начала XX века животным не давали кличек, исключение составляли лошади, занимающие

---

⁴² Под скатку (катиться) – заканчиваться (день), перемещаться вниз по склону (какой-либо предмет).

⁴³ Сбить охотку – утолить первый острый голод (или желание, чаще всего на что-либо съестное)

⁴⁴ Noch, noch! (нем) – еще, еще!

особое место в жизни кочевников. Буряты называли их по масти и возрасту, например: *Донон-Хэер* – четырехлетний гнедой скакун.

Владельцы животных пользовались различными подзывными словами. Так например, кошек подзывали – пш-пш, коров – о-о-о, а собак – нох-нох (от бурят, *нохой* «собака»). Так что «посч – нох», никакой это ни озорной гуляка на берегах благословенного Рейна, а самый что ни на есть трезвый барбоска, имевший счастье родиться там, где дует ветер Баргузин с не менее благословенного Байкала.

Всякое правило, как это водится, имеет свои исключения. Были они и при наделении кличками. Так, например некоторые охотничьи собаки звались *Хэрмэиэ* (от бурят, *хэрмэ* – «белка» + *суфф.* – *шэ.*)

Решил и Бурядай оделить своего любимца отличающей от его собратьев кличкой. И хотя Нох-нох ловил одних лишь тарбаганов, назвал он его *Булгнаниэ* (от бурят. *булган* – соболю). Но Нох-нох похоже раскусил уловку своего доброго хозяина, и упорно игнорировал «*ясачный псевдоним*», пока Бурядай не сдался и стал его звать привычной слуху кличкой «Нох-нох». Так что прав был Аристотель, заметив «*Привычка- вторая натура*», действует она для нас и наших четвероногих друзей.

Между тем костер прогорел и положенные в него камни раскалились добела. Заморившие червячка дети ожили, выполняя очередное поручение деда Бурядая, ценившего житейскую мудрость «*безделье – родитель (вытворяемых) глупостей*».

Всю свою сознательную жизнь трудился Бурядай не покладая рук, не надеясь на помощь извне, не завидуя чужому благоденствию и мнимому счастью, не представляя себе, как можно жить, насыщаясь плодами, выращенными чужими руками. Претило ему такое, и этому учил он Степу и Прохора. Не было ему абсолютно никакой разницы, что один из них являлся внуком его лучшего друга, ставшего волей судьбы его хозяином, а другой являлся сыном извечного поденщика, имея несчастье родиться в бедной семье, в какой вырос сам Бурядай, познав с малых лет горькую нужду, научившись ценить то небольшое, чем он владел.

Вот и сейчасгодились собранные листья лука-мангира. Мелко порубленные, резко пахнущие листья мангира, растерли пацаны на плоском камне, смешав их с зернистой солью. Получившимся грязно-зеленым месивом натерли изнутри осмоленного на костре и выпотрошенного тарбагана, из которого Бурядай искусно удалил все кости. Степа и Прошка, отерев испачканные руки о штанишки, внимательно наблюдали за дедушкой. Бурядай выстелил выкопанную у костра ямку слоем травы, насыпал туда слой раскаленных камней и прикрыл их следующим слоем травы. После этого взял выпотрошенного тарбагана и подал его детям.

– Держите за ноги, да растягивайте пошире.

Набитого зашпиевшими камнями тарбагана положили на приготовленное ложе, укрыв его слоем травы, снова раскаленных камней и в последнюю очередь засыпали горячей золой. Все, теперь можно и чаю попить. Пока горел костер да начинали тарбагана луком-мангиром, настоялся и вскипевший зеленый чай. Щепотку соли в манерку. Жаль только, что без масла, постный.

То-же самое сказал Бурядай и о жарящемся тарбагане.

– Худоватый ишо. Но ничего, к осени жиру нагуляет.

Сказанное естественно относилось к его более везучим собратьям, успевшим удрать с галерки.

За хлопотами по приготовлению ужина троица и не заметила, как сияющее расплавленным золотом тележное колесо солнца провалилось в пучину лежащей на степь покрывалом, по-южному темной ночи. Вечерняя заря полыхнула на западе прощальным багрянцем, окрасив снизу редкие облачка, рассыпавшиеся белоснежными барашками на темно-голубом бархате вечернего неба. Рожком пастушка засеребрился набирающий силу молодой месяц. Щедрая рука сеятеля разбросала по небосклону мерцающие звезды, и там, где сыпанула погуше,

пролег светлой полосой Млечный путь. А в остывающей от дневного зноя траве, стрекочут без умолку неугомонные цикады, и откуда-то из глубины засыпающей степи вторит им перепелка, «*фить-пирю, фить-пирю*», а сидящим у костра людям слышится, «*спать пора, спать пора*».

Урчащий желудок Бурядая напевал однако несколько отличающуюся от оригинала мелодию – «*есть пора, есть пора*». Оно было и немудрено, весь день не было во рту и маковой росинки, а «постный чай» без масла лишь только раззадорил аппетит. Попыхивая мерцающей светлячком трубкой-ганзой, он ощупал ладонью перемешанные с землей угли костра, определяя готовность жаркого из тарбагана. Степа и Прошка не медля, в точности повторили его жест. Чтобы не делал дедушка Бурядай, были они тут как тут.

– Готово аба? Можно кушать?

– С часок подождать надобно.

Чтобы скоротать время до ужина, Бурядай решил рассказать детям несколько сказок, каких он знал великое множество. Первая сказка этого вечера называлась «*Баргу и Булагчин*⁴⁵». Бурядай прокашлялся от першившего в горле дыма, не от табака разумеется, а от затухающего костра, и начал рассказывать.

На той стороне Байкала, к Ангаре и Енисею, тысячу лет назад жило одно небольшое племя бурят. У них был свой вождь, прославленный охотник Булагчин. Всю жизнь он водил свое племя вокруг Байкала по крутым горам и гольцам, по таким труппам, что теперь никакой человек не пролезет. У Булагчина был младший брат, звали его Баргу. Однажды все племя остановилось на берегу напротив Ольхона.

– Аба, – перебил Бурядая Степа, – а кто такой Ольхон?

– Ольхон то, это остров посередине Байкала.

– И большой он? – не унимался малый.

– Ну как тебе сказать, – протянул Бурядай, не бывавший на Ольхоне, явно выигрывая время.

Он и на батюшке Байкале побывал всего-то один единственный раз, во время военной службы, сопровождая полковника Вострецова, искавшего излечения своей жены у одного бурятского шамана. В тот раз пробыли они неделю, проживая в верстах семи от священного озера. Несколько раз ездил Бурядай к озеру со своим другом Марком Нижегородцевым, восхищаясь каждый раз видом Байкала, то смиренным, аки божий агнец, стерегущий на зеркальной поверхности воды стада братцев-белоснежных облачков, то разгневанным великаном, гонящим крутые волны, разбивающиеся о крутой, скалистый берег. Навечно врезалось в сознание Бурядая первое свидание с озером. Его чарующая красота, нежащая глаз синева, сливающаяся с бездонным небом, обителью доброго бога, покровителя всех бурят и монголов Бурхана. Велик Байкал, не зря его величают священным морем. Ну а коли велик, то и быть большому острову, рассудил, не мудрствуя лукаво Бурядай.

– Большой Степа остров Ольхон, – добавив для убедительности, – шибко большой.

– А ты знаешь про Байкал сказку? «Расскажешь нам?» – теперь спросил Прошка.

– Расскажу. Но сначала, эту до конца дослушайте.

Ну вот, сказал Баргу своему старшему брату.

– До каких пор мы будем лазить по валежнику и бурелому таежному? Давай выйдем в степь и там заживем спокойно.

Старший брат Булагчин осердился на слова младшего брата и сказал ему.

---

⁴⁵ Записано со слов С. В. Климова, 59 лет, рабочего судоверфи пос. Листвянка, родом из села Кадуй Нижнеудинского района Иркутской области, в 1936 г. / Легенды Байкала. irkipedia.ru

– Если не хочешь охотиться, то кочуй на Аларь и питайся там мышами. Степи скудные, ты пропадешь там с голоду. Баргу не послушался Булагчина, подговорил послушных себе людей и за неделю откочевал в степь. Степь в то время называлась аларью. Баргу развел скот, целые табуны коней, и зажил припеваючи. Булагчин не знал, как там в степи устроился его брат, сердце у него болело, и каялся он – зачем ему надо было угонять от себя брата. Через несколько лет, не имея никаких слухов о Баргу, Булагчин послал гонца в степи, чтобы разыскать брата. Когда гонец вернулся, то рассказал, что аларцы⁴⁶ живут в довольстве, ни в чем не нуждаются, что между народом его племени царят мир и благодать. Булагчин не поверил ушам своим и решил навестить брата. Не доехал он до брата один день езды и видит, что степь вся черным-черна от разного скота. «Видать, верно говорил гонец мой», – подумал Булагчин и начал объезжать стада. Целую неделю объезжал он табуны коней, гурты коров и овец. Всех не объехал, надоело ему трястись в седле, и направился он к юрте родного брата. Баргу его принял с честью и радостью. Посмотрев на богатство брата, Булагчин решил вывести своих охотников из тайги в степь. Он поселился недалеко от брата, племя которого к тому времени уже называли аларцами, племя Булагчина потом прозвалось булагатами⁴⁷.

Рассказывая сказку о Булагчине, вспомнился невольно Бурядаю его четвероногий друг Нох-нох. Именно в честь благородного соболя, давшего название племени удачливых охотников-соболятников булагатов, решил назвать он его, но увы, не прижилось. Пора бы уже ему вернуться с побывки, только успел подумать Бурядай, как Нох-нох вынырнул из темноты ночи, как черт из табакерки. Легок на помине, или я сорочьи яйца ел, усмехнулся Бурядай, и потрепав пса за загривок, спросил.

– Ну как сбегал то, расскажи нам. Обрадовались тарбагану?

Громкий лай Нох-ноха расколол ночную тишину, улетев испуганной птицей в спящую степь.

– Ладно, ладно, уймись ты, шалопут, просухарил полночи-то с девицей своей. Самому то хошь досталось, – при этих словах Бурядай пощупал отвисший живот ластящегося к нему пса, – ну иди спи уж вечерошник непутевый, или вон ложись и слушай, про Байкал сказку то.

Нох-нох примостился у ног хозяина, широко зевнул и закрыв глаза, приготовился слушать.

В старые времена могучий Байкал был веселым и добрым. Крепко любил он свою единственную дочь Ангару.

Красивее ее не было никого на всем белом свете.

Днем она светла – светлее неба, ночью темна – темнее тучи. И кто бы ни ехал мимо Ангары, все любовались ею, все славили ее. Даже перелетные птицы; гуси, лебеди, журавли спускались низко, но на воду садились редко говоря при этом.

– Разве можно светлое чернить?

Старик Байкал берег дочь пище своего сердца.

Однажды, когда Байкал заснул, бросилась Ангара бежать к юноше Енисею.

Проснулся отец, всплеснул гневно волнами. Поднялась свирепая буря, зарыдали горы, попадали леса, почернело от горя небо, звери в страхе разбежались по всей земле, рыбы нырнули на самое дно, птицы унеслись к солнцу. Только ветер выл да бесновалось море-богатырь.

---

⁴⁶ Алары или аларские буряты – этнотерриториальная группа в составе бурятского этноса. В настоящее время основными районами расселения аларов являются Аларский (бурят. *Алайрай аймаг*) и Нукутский (бурят. *Нүхэдэй аймаг*) районы Иркутской области, входящих в состав Усть-Ордынского Бурятского округа.

⁴⁷ Булагаты (бурят. *Булагадууд*) – этническая группа (племя) в составе бурятского народа. Название племени происходит от бурятского слова «булган» – соболя. Предки булагатов являлись замечательными охотниками на соболей, шкурки которых высоко ценились, являясь таким образом источником благосостояния булагатов.

Могучий Байкал ударил по седой горе, отломил от нее скалу и бросил вслед убегающей дочери.

Скала упала на самое горло красавице. Взмолилась синеглазая Ангара, задыхаясь и рыдая, стала просить.

– Отец, я умираю от жажды, прости меня и дай мне хоть одну капельку воды...

Байкал гневно крикнул.

– Я могу дать только свои слезы!..

Сотни лет течет Ангара в Енисей водой-слезой, а седой и одинокий Байкал стал хмурым и страшным. Скалу, которую он бросил вслед дочери, назвали люди Шаманским камнем. Там приносились Байкалу богатые жертвы. Люди говорили: «Байкал разгневется сорвет Шаманский камень, вода хльнет и зальет всю землю».

Только давно это было, теперь люди смелые и Байкала не боятся...

Пораженные бессердечьем Байкала, наказавшего родную дочь, дети притихли, размышляя над рассказанным. Аба Бурядай такого бы никогда не сделал, решили справедливо они. Жаль, что у него нет дочери, тогда мы могли бы быть и его внуками. Хотя нет, он нас и так зовет своими внучатами, добрый аба Бурядай.

– Ну что притихли батыры? Знаете, как появился тарбаган? Нет, ну слушайте.

В давние-давние времена жил здесь один богатый найон, который был отличным охотником. Ни в степи, ни в падах, ни в окрестных горах ни один зверь ни мог укрыться от его верного глаза. Однажды этот богатый найон был приглашен на свадьбу, куда были приглашены много-много гостей, даже сам верховный небожитель Бурхан, был на этой свадьбе.

После того как найон подкутил, не мог он не похвалиться перед гостями своим умением стрелять без единого промаха. Никого я не боюсь на всем земном свете, любого уложу с одного выстрела, бахвалился хвастливый найон.

Долго терпел Бурхан, верховное божество всех бурят и тунгусов, нескончаемую болтовню кичливого задаваки, после чего сказал ему – умерь свой пыл, не хвастай, есть на белом свете существо, которое должны уважать и бояться все, живущие на этой земле, и перед которым он, самодовольный найон ничем не должен хвастать, и это существо, я, небожитель Бурхан, властелин мира.

Но найон не внял словам Бурхана и продолжил свой спор с богом. Тогда Бурхан осердился, взмахнул рукой, и словно из ниоткуда появилась стремительная, словно выпущенная из лука стрела, ласточка. Вот тебе мое испытание, попробуй попади в нее, сказал Бурхан. Тогда ты сможешь говорить со мной на равных, если же ускользнет ласточка, накажу я тебя так, чтобы никому nepовaдно было говорить перечить богу.

Засмеялся ему в лицо найон, не испугавшись Бурхана, понадеясь на свою необыкновенную меткость, на твердую руку, не знающий промаха верный глаз.

Сгрудились гости, утихли, ждут чем же закончится спор Бурхана с найоном.

Найон же схватил свое не ведавшее промаха ружье, бросил его на сошки, сождал реющую ласточку, выстрелил и попал пулей ей по хвосту, выбив срединные хвостовые перья, так что хвост у ласточки сделался вилкой.

Бог осердился пуце прежнего, закричал на найона и наказал его так: «Будь же ты тарбаганом, живи только коротким летом, всю долгую зиму же спи, не наслаждайся жизнью и не пей воды». А ласточке повелел быть с раздвоенным хвостом, за то что она не сумела увернуться от пули.

Степа притих, что-то припоминая, обратившись затем к Бурядаю.

– Аба, а у тарбагана тоже губа двойная. И еще он усатый, – здесь Степа хотел еще добавить, «как ты аба», но все же промолчал. Негоже то дедушку с тарбаганом сравнивать.

Бурядай усмехнулся. Гляди, заметил сорванец.

Степа не унимался, желая получить интересующий его ответ. Дед Бурядай он ведь все знает, что ни спроси.

– Это ему Бурхан сделал, губу такую, да аба?

Но на этот раз не знал ответа и мудрый Бурядай. Как говорится, на всякого мудреца довольно простоты.

– Ладно *нуган ури*⁴⁸, давайте-ка будем вытаскивать тарбагана из норы, а то кушать хочется.

А жаркое из тарбагана получилось – пальчики оближешь. Что и делали Бурядай, Степа и Прошка, поглощая тающее во рту сочное мясо.

На тревожащие сон запахи, или может сочные звуки трапезы, проснулся Нох-нох. Подняв лобастую голову, он втянул ноздрями аромат жареного мяса, перебиваемый запахом сгоревшей в жару шерсти тарбагана и поднявшись с ложа, поспешил отойти в сторону. Ну и запахок, скажу я вам, хоть святых выноси. Мнение его осталось неразделенным.

– Вкус-ня-ти-на! – проговорил по слогам Прошка, – попрошу дома мамку такое же сделать.

Бурядай лишь ухмыльнулся. Тебя мамка с этим сусликом поди и на порог не пустит.

Некоторые казаки из русских людей брезговали почему-то степным деликатесом, предпочитая ему свинину или баранину. А где ты баранов на каждый день напасешься, а тут вот оно мясо тарбаганье с бутана тебе насвистывает, в котелок на тагане просится. Как похолодает десятка два тарбаганов еще добуду, всю зиму с мясом в ус дуть не буду, решил Бурядай.

Старожилы забайкальских степей каждую осень запасались впрок тарбаганиной, используя при этом различные методы охоты. Один из них, подходом, с обученной тарбаганьей собакой, был частично описан выше. Некоторые охотники прячутся за собакой, которая нарочно вертится выюном перед ним, отвлекая на себя внимание тарбагана.

А самые искусные умельцы скрадывают тарбаганов на открытых местах, без собаки и лошади⁴⁹. Заметив животное, они начинают к нему ползти, волоча за собой берданку, но не прямо, а повторяя уловки охотничьих собак, выделявая при этом уморительные проделки. Они то валяются на спине, перекатываясь с боку на бок, подымают кверху то ноги, то руки, надевая на них шапчонку или шубенку, подкидывая ее другой раз даже кверху, и с каждым новым трюком, подбираясь ближе и ближе к посвистывающему зрителю. Тарбаган очень любопытен, и стоя столбиком на бутане разглядывает проделки шутника-охотника, не зная, чем же закончится театральное представление. Хлопок выстрела, и любознателька становится трофеем заезжего актера.

Другие охотники имитируют поведение диких зверей, скрадывая их на бутанах около их нор. Тарбаганы оставляют свои убежища, выходя на кормежку, ранним утром и поздним вечером. Хищники; волки и лисы, беркуты и тарбазины, притаившись за каким-нибудь укрытием, будь то камень или кустик, стерегут, когда тарбаган покинет нору. Стоит ему удалиться на несколько саженей, как они вихрем налетают на несчастное животное, убивая его на месте. Черные степные орлы-тарбазины хватают тарбаганов когтями и взмыв вверх, бросают добычу на землю, и падают следом на нее камнем вниз.

Охотники залегают в саженях десяти от выхода из норы, и обязательно за ветром, чтобы тарбаган не смог их учуять. Здесь нужно запастись терпением. Зачастую охотник лежит часами

---

⁴⁸ Нуган ури (бурят.) – сын, мужское потомство

⁴⁹ При описании методов охоты на тарбагана использованы материалы книги А. Черкасова «Из записок сибирского охотника».

и возвращается к лагерю не солоно хлебавши. Хитрец-тарбаган, или же заметил его и спрятался, или вовсе решил в этот день посидеть в норе на диете из-за подскочившего холестерина. Но это конечно же шутка.

Тарбаганье мясо ценится из-за высокого содержания жира. Поздней осенью, перед тем как тарбаган залегает в зимнюю спячку, треть его живого веса составляет жир, который так ценится кочевниками. Поэтому они очень редко жарят мясо над открытым огнем, справедливо считая такой способ приготовления пищи незначительным, потому что от сильного жара выкипает, сгорая в костре, почти весь жир, а им-то и дорожит кочевник.

Тарбаганов кстати готовили раньше и другим способом. *Очистив животное от внутренностей и шерсти, из нутра вынимают очень искусно все кости и вместо них начиняют обезображенный труп животного раскаленными камнями. Отверстие проворно зашивают и катают будущее жаркое по траве до тех пор, пока не испечется*⁵⁰.

Весьма любопытно, что способ приготовления тарбагана в земляной яме удивительно напоминает *пачаманку* инков из Южной Америки, но о запеченной морской свинке знает полмира, а о живущем в даурских степях хитреце-тарбагане, почти никто. А жаль.

Мы еще вернемся к нему, старожилу Даурии, тарбагану, несколько позже, а пока, отлистнем несколько столетий назад, к тому времени, когда русские казаки-землепроходцы пришли на берега Аргуни и Онона.

Что привело их сюда? Ответ вмещается в одном единственном слове – серебро.

В XVII веке, как это ни странно звучит, в России не было собственных разведанных месторождений серебра, так необходимого для чеканки монет. Дело доходило до того, что царское правительство скупало иностранные монеты, нидерландские риксдаальдеры и немецкие талеры и перечеканивало их в российские ефимки. До ввода в обращение бумажных денег (этого синонима инфляции), рождением которых (812 г.), как и бумаги (105 г.) мы можем быть благодарны Поднебесной империи, России оставалось ждать еще сто лет (1768 г.).

Все сырье для изготовления серебряных монет, ювелирных изделий и посуды ввозилось в Россию из-за границы. Такое положение дел не могло ни в коем разе соответствовать интересам набирающего силу Российского государства и требовало решений для устранения возникшей зависимости.

Указом от 10 декабря 1719 года Петра I ввел горную реглалию и объявил, так называемую «горную свободу», гласящую *«Соизволяется всем и каждому, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях, искать, плавить, варить и чистить всякие металлы, минералы, земли и камень; если владелец не имеет сам охоты строить завод, то принужден будет терпеть, что другие в его землях руду и минералы искать, копать и переделывать будут, дабы благословение Божие под землею втуне не осталось. От рудокопных же заводов и прилежного устройства оных земля обогатится и процветет и пустыи и бесплодные места многолюдством населятся»*.

С этого времени в России начались активные поиски и разработка собственных серебряных месторождений. Попытки разведать залежи серебра на Урале и северо-востоке России не принесли желаемого результата. По слухам, месторождения серебра имелись в «*даурской земле*», на реке Шилке. Эти слухи подстегивали сибирских воевод для дальнейшего поиска пути за Байкал к желанному серебру. Без устали снаряжали они новые и новые казачьи отряды, желая выслужиться перед царем.

Во время проведения экспедиций казаки, верные своей тактике, закладывали на стратегически важных местах, таких как устья рек, опорные пункты-остроги, продвигаясь года от года все ближе к заветному серебру, истинной цели их походов. При этом казацкие отряды

⁵⁰ Александр Черкасов, «Из записок сибирского охотника».

действовали одновременно из двух направлений, из Енисейского и Братского острогов они продвигались на восток, из Якутского острога, следуя берегом Витима, на юг.

Цель предпринимаемых экспедиций недвусмысленно изложена в наказе якутского воеводы *«чтобы, укрепясь в их стране, быть ближе к забайкальскому серебру»*. Под *«их страной»* подразумевались земли верхоленских и приангарских бурят.

Главными опорными пунктами для достижения поставленной цели служили Братский острог (основан в 1631 г.) со стороны Енисейска и Верхоленский острог (1640 г.) со стороны Якутска, положившие конец независимому существованию бурят⁵¹.

После основания Верхнеленского острога в устье р. Куленги, живущие там приангарские и верхнеленские буряты *«были очень стеснены и проявили большое напряжение для уничтожения онога»*.

Доведенные до отчаяния жестокостями и притеснениями местного управителя Ивана Похабова, приангарские и верхнеленские буряты, убив казаков, разосланных Похабовым для сбора ясака, ушли к монголам.

Воевода Яков Тургенев, сменивший Похабова⁵², послал людей для сбора ясака вверх по Иркуту, Китой и Белой, но они никого из *«ясаиных людей»* не нашли.

Такие случаи насилия над бурятами, когда их обирали до нитки, и их ожесточенной ответной реакцией, с нападениями и сожжением острогов, были далеко не единичны. К 1660 году «подъясачная» территория севернее Байкала практически обезлюдела. Многие из бурят, поняв невозможность устоять против русских, число которых возрастало год от года, перестали принимать участие в набегах на остроги и стали подумывать о том, как им избавиться от русских другим путем, переселением за Байкал, к монголам. Особенно сильно это движение началось с 1655 года⁵³.

В 1660 году монголы забрали остальных бурят, еще оставшихся в приангарских районах⁵⁴.

Показательны слова, какими российский исследователь Иоганн Эбергард Фишер⁵⁵ охарактеризовал деятельность Ивана Похабова и ему подобных, во время завоевание Сибири: *«Когда бы имъ согласіе, разсудокъ и умеренность таковы жъ были знаемы, как ограбленія, разореніе и смертоубійство, то могли бы они ожидать долговременного продолженія своего правительства»*⁵⁶

Конечно, можно сказать – каково время, таковы и нравы, таковы и его герои. Но не стоит судить мерками нашего, далеко не идеального времени.

Двадцать пять лет боролись буряты и тунгусы за свою независимость. Напрасно. Бурятским и тунгусским князьям стало ясно, что, противостояние русским не принесет им желаемого результата – избавление от незваных пришельцев из-за Большого камня. Они ни покорились, а выбрали для себя более выгодный вариант, сулящий им, их родам, возможность

---

⁵¹ Н.Н. Смирнов «Забайкальское казачество», 2008

⁵² Иван Похабов, после жалоб на него инородцев, был снят за злоупотребление властью, смог однако избежать суда, сбежав из-под стражи, во время ночевки у Шаманских порогах на Ангаре/История Сибири, часть первая, стр. 81, Санкт-Петербург, 1889 г.

⁵³ История Сибири, часть первая, стр. 75, Санкт-Петербург, 1889 г.

⁵⁴ История Сибири, часть первая, стр.202, Санкт-Петербург, 1889 г.

⁵⁵ Иоганн Эбергард Фишер (нем. *Johann Eberhard Fischer*; 10.01.1697 – 13(24). 09.1771) – российский историк и археолог немецкого происхождения, академик Петербургской академии наук.

⁵⁶ Сибирская история съ самага открытія Сибири до завоеванія сей земли российскимъ оружіемъ. Соч. Иоганна Эбергарда Фишера. С.-Петербургъ. 1774 года. При Императорской Академіи Наукъ

остаться на земле их предков, обрета в лице русских сильного покровителя, способного защитить от порабощения монгольскими ханами, данниками которых являлись буряты и тунгусы многие сотни лет.

Монголы же, извлекли для себя урок – никогда не затевай драки с русскими. Себе дороже обойдется. Или как написано об этом в «Истории Сибири»:

«Продолжительные и ожесточенные враждебные действия русских против верхнеленских и ангарских бурят, завершившиеся выселением последних за Байкал, надо думать, много способствовали легкому захвату забайкальских земель. Самый факт переселения бурят доказывал монголам силу русских, чем разумеется содействовал развитию в них желания избежать столкновений с русскими людьми, что и проявилось с первых же встреч монголов с русскими⁵⁷».

Все последующие годы между русскими и монголами не возникало крупных конфликтов, даже наоборот. Монгольские ханы, находившиеся под гнетом маньчжуров, были заинтересованы в установлении дипломатических и торговых связей с Россией. Они старались избегать серьезных столкновений с русскими и не препятствовали присоединению к России забайкальских бурят и тунгусов.

Буряты и тунгусы же, приняли верное решение, выбрав для себя из двух зол меньшее. В противоположность им, другой древний народ – енисейские кыргызы, являвшиеся злейшими врагами бурятов, предпочли бороться за свободу до конца, и в итоге, после ста лет войны с русскими, потеряли все, и были вынуждены откочевать в горы Тянь-Шаня, где кыргызы основали новое государство – сегодняшний Киргизстан.

Девять русских экспедиций за Байкал (1638, 1640, 1643 (третья и четвертая), 1644 (пятая и шестая), 1648, 1649, 1652), с наказами *«чтобы на новых народов наложит ясак»* и места около Байкала точно описать, а *«а что главнейше было предметом, золотыхъ и серебряныхъ искать жил»* потребовалось для того, чтобы открыть, найти наконец дорогу к заветному металлу.

В 1676 году *«в пяти днях пути от Нерчинска»* на реках Алтаче, Мунгаче и Тузьяче, впадающих в Аргунь, было найдено серебро.

В 1704 году у первого открытого в России месторождения серебра заработал серебряноплавильный завод, первоначально называвшийся Аргунским. Начало разработок серебряных рудников⁵⁸ ознаменовало собой расцвет Нерчинской каторги увидевшей за годы ее существования многих знаменитых людей – декабристов и петрашевцев, народовольцев и участников польского национально-освободительного движения (восстания 1831, 1863). К числу ее узников принадлежали знаменитый Н.К. Чернышевский (1864-71) и безвестный А. Алексеев, один из первых узников Нерчинской каторги, проведенный в ее мрачных застенках 46 лет, стрелявшая в Ленина (или нет?) эсерка Фани Каплан (1907-17) и бессарабский Робин Гуд Григорий Котовский (1911-13), прошедший путь от уголовного преступника до овечьего легендами красного комкора.

В сознании российского общества сложилось негативное представление о Забайкалье, ассоциируемое в первую очередь с царской каторгой, что в корне неверно.

Забайкалье, это прежде всего его прекрасная природа и замечательные люди, живущие на его бескрайних просторах. Далеко не все из них, или их предки, пришли сюда по доброй воле, этого никто не оспаривает. Но к востоку от Урала этим никого не удивишь.

---

⁵⁷ История Сибири, часть первая, стр. 78, Санкт-Петербург, 1889 г.

⁵⁸ В настоящее время село Нерчинский Завод – административный центр Нерчинско-Заводского района Забайкальского края.

Серебро, казаки и каторга – истоки русского Забайкалья. Ища серебро, казаки нашли там себе родину, ну а каторга притащилась старухой следом, гремя крюкой-кандалами.

Первые служилые люди, верстаные в казачью службу, появились в Забайкалье около 1639 года. К концу XVII века енисейскими и якутскими казаками были основаны первоначальные остроги, ставшие форпостами стремительно растущей Российской империи.

С середины XVIII века к охране границы стали активно привлекаться иррегулярные воинские формирования, сформированные на добровольной основе из коренных жителей Забайкалья – бурят и тунгусов (эвенков).

Так, например, в 1764 году численность казаков- бурят составляла 2400 человек, сведенных в состав четырех полков, созданных на родовой основе и носящих соответственно название своих родов: *Ашебагатов*, *Цонголов*, *Атаганов* и *Сортолов*. Впоследствии их стали именовать – 1-, 2-, 3-и 4-й Бурятские полки. Четырьмя годами раньше, в 1760 году из тунгусов (эвенков) князем Гантимуром был сформирован один полк пятисотенного состава, ставший с 22 солдатами Якутского полка и 162 нерчинскими конными казаками основой забайкальского казачества.

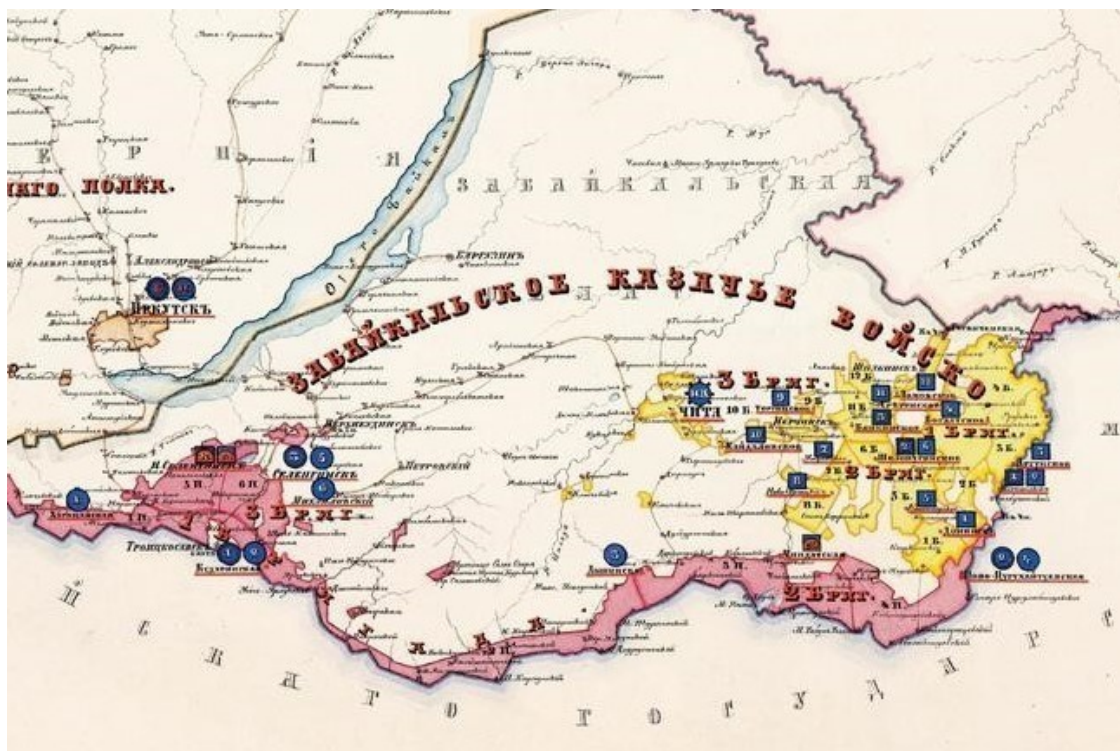
С самого начала одной из уникальных особенностей формирующегося Забайкальского казачьего войска, заключалось в том, что наряду с потомственными казаками, составлявших меньшинство, его основу составили выходцы из переселившихся в Забайкалье крестьян и представителей коренного населения.

Другой отличительной особенностью забайкальского казачества, являлось то, что наряду с православием, часть казаков из бурят исповедовала буддизм.

Российское правительство могло полностью положиться на верность и добросовестность бурятских и тунгусских казаков, доверив им охрану и оборону границы. Так, например, в 1755 году буряты-хоринцы обязались по первому извещению о нарушении границы выставить дополнительное ополчение в 2500 человек, и в случае крайней надобности они были даже готовы пожертвовать своей жизнью для защиты интересов России, которую они считали уже Отечеством.

Все это являлось плодами взвешенной национальной политики, проводимой русским правительством после завоевания Забайкалья. Так 6 марта 1783 года Екатерина II подписала указ о принятии мер к более тесному сближению с инородцами и предоставлению к производству в чины тех из них, кто окажется достойным.

Такое отношение «русских варваров» к покоренным народам Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока, не идет в никакое сравнение с колонизацией «цивилизованными» европейскими странами Америки и Австралии. Американские индейцы и австралийские аборигены, частью физически истреблены, частью загнаны в резерваты или проданы в рабство, могли бы лишь позавидовать такой участи. В Сибири, Забайкалье и на Дальнем Востоке никогда не было крепостного права, царящего ко времени покорения земель к востоку от Урала в европейской части России.

Карта Забайкальского казачьего войска.

Темно-розово окрашено расположение трех конных бригад вдоль границы «Цинского государства», включавшего в себя сегодняшнюю Монголию. Желтым цветом выделено размещение пеших бригад.

Для защиты восточных рубежей 17 марта 1851 приказом императора Николая I, по инициативе и по проекту генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева (с 1858 именовался Муравьевым-Амурским) было образовано Забайкальское казачье войско. «Щит Забайкалья от возможных посягательств Китая», как назвал Забайкальское войско граф Муравьев, первоначально формировался из сибирских казаков, бурятских и тунгусских отрядов, а также крестьянского населения (перешедшего в казачье сословие), проживающего в приграничных районах Забайкальского края.

В 1851-72 годах Забайкальское казачье войско делилось на 3 пеших (казаки долин рек Газимур, Ингода, Онон и Унда) и 3 конных бригадных округа, каждый из которых подразделялся соответственно на 4 батальонных или 12 сотенных округов.

В 1872 Забайкальское казачье войско разделено на 3 военных отдела⁵⁹: 1-й – на юго-западе Забайкальской области (центр – город Троицкосавск), 2-й – на юге (город Акша), 3-й – на востоке (город Нерчинск), в 1898 образован 4-й отдел – на юго-востоке (село Нерчинский Завод).

Костяк 1-го и 2-го отдела, так называемых «верховых караулов» составили коренные казаки и инородцы (буряты и тунгусы), служившие раньше в конных бригадах, дислоцированных вдоль границы. Казаки этих отделов выделялись высоким уровнем благосостояния, обусловленным благоприятными условиями для разведения скота в степной и лесостепной зоне.

⁵⁹ Список станций Забайкальского казачьего войска см. приложение 1.1

3-й отдел был сформирован из пеших батальонов, набранных из крестьян и части городских казаков. 4-й отдел был сформирован в 1898 году из «оказаченных» крестьян, являвшихся потомками бывших нерзаводских каторжан, расселенных на землях вокруг истощенных серебряно-свинцовых рудников и таежных охотников нижнего течения Аргуни.

Казаки 3-го и в особенности 4-го отдела, получивших название «низовых караулов», с самого начала были поставлены в невыгодное экономическое положение по сравнению с казаками-старожилами из «верховых караулов». Отведенные им земельные угодья были не так обширны и плодородны. Из-за больших лесных массивов, занятие скотоводством являлось весьма затруднительным, или даже в некоторых таежных станицах 4-го отдела (например станица Уровская) практически невозможным. Тем не менее они несли такие же повинности, платя подати и снаряжая за свой счет сынов на казачью службу.

Эта была одна из бомб замедленного действия, которой будет суждено взорваться в Гражданскую войну. Коренные казаки первых двух отделов относились неприязненно к «оказаченным» крестьянам из 3-го и в особенности 4-го отделов, ставя себя на ступеньку выше.

Другой причиной расслоения забайкальского казачества на два непримиримых лагеря, был земельный вопрос, но об этом несколько позже.

Первоначально, на первых этапах завоевания Забайкалья, казаки, влачившие нищенское существование, получали от царской казны денежное и хлебное довольствие. Так например в 1644 году было послано жалованье 114 нерчинским казакам, несшим службу в Даурских острогах за 6 лет службы (1659–1664 гг.) в размере 1380 рублей и, кроме того, «26 половинок гамбургского сукна разных цветов на кафтаны, по 4 аришина на человека; холст в 1000 аришин; 1000 сажень сетей для рыбной ловли и 1200 рублей для покупки хлеба».

Такое положение дел было очень накладно и местные воеводы пытались исправить положение, пытаясь наладить снабжение продовольствием на месте.

Первый опыт русского хлебопашества в Забайкалье, в Даурии, оказался однако весьма плачевным. Дауры, населявшие до середины XVII века долину реки Шилки, относились к числу тех немногих коренных народов, кто занимался земледелием по левому берегу Аргуни. Пришедшие сюда русские казаки встретили даурские селения с хорошими деревянными домами и полными закромами хлеба, бобовых и других культур. Дауры держали много скота и домашней птицы, их женщины носили шелковые одежды.

На требование русских, перейти под власть русского царя и платить ясак, дауры, платившие дань маньчжурам, ответили отказом. В ответ последовали захват даурских селений, взятие в заложники (аманаты) знатных людей, жестокое обращение с населением, захваченных женщин казаки распределяли между собой. Не в состоянии оказать достойное вооруженное сопротивление, малочисленным, но превосходящим по вооружению и в особенности по выучке казакам, дауры, бросая дома и несжатые поля, бежали за Аргунь под защиту маньчжуров.

Бежал за Аргунь и впоследствии прославившийся, как один из основателей Забайкальского казачьего войска, князь Гантимур, относящийся к даурским князьям рода *Баягир*. Убедившись, что русские хотят сделать его своим данником, он перекочевал со своим родом в Манчжурию.

Все попытки казаков убедить дауров вернуться обратно не увенчались успехом, и они были вынуждены сами взяться за чапыги плуга. Гантимур же, выждав время созревания хлеба и произвел нападение на Нерчинский острог (1654), вытоптал и сожгя весь хлеб, он обрек казаков на голодное существование.

Прошло еще двадцать пять лет, прежде чем на берегах Шилки, возделываемых когда-то даурами, заколосились опять поля. С назначением Федора Войекова воеводой Нерчинского воеводства (Нерчинский острог был вновь отстроен) возобновилось занятие земледелием. Новый воевода поставил своей первостепенной задачей – самостоятельное обеспечение

гарнизона продовольствием за счет забайкальской пашни. До этого времени снабжение, в том числе и хлебом, производилось из России, и обходилось государственной казне очень дорого.

В 1681 году были сделаны пробные посевы хлеба. Уже первые труды окупились сторицей. С одного пуда семенного зерна удалось собрать: 13 пудов пшеницы, 12 пудов ячменя, 7 пудов овса, 17 пудов гречихи. Именно гречиха, с легкой руки воеводы Воейкова станет в будущем одной из популярных зерновых культур, из высеваемых в Забайкалье. Знаменитые гречневые блины – *колоба*, будут украшать стол забайкальцев в будни и праздники.

Выращивать хлеб в условиях короткого забайкальского лета, то, что до этого удавалось даурам, так и не вернувшимся обратно на родину их предков, получилось и русских казаков. Год от года росли их успехи, и уже скоро стало немисливо видеть пади и елани без чернеющих вороним крылом двойных паров, без щетинящихся дружными нежно-зелеными всходами прямоугольников возделанной пашни.

Радующая глаз картина посевов имела однако и червоточинку. Уже давно канули в лету те времена, когда казаки на сходках выбирали своих походных атаманов. После многочисленных реформ казачья вольность сократилась до размеров заячьего хвоста. Выборными оставались лишь должности поселковых и станичных атаманов и должности (казначеев и доверенных лиц, помощников атамана) не выше станичного управления.

Должности атаманов отделов и казачьих офицеров, особенно среди высшего состава, занимали назначенные сверху люди, имеющие мало общего с богатыми традициями казачества. Ввиду хронической нехватки местных кадров, выходцев из казачьей среды, в Забайкальском войске на эти посты назначались армейские офицеры. Так на 1 января 1904 года доля генералов, штаб- и обер-офицеров Забайкальского казачьего войска среди представителей невоискового сословия составляла 53,5 % (для сравнения в Донском казачьем войске менее 1 %).

В результате реформ 1857–1858 годов, в сторону их увеличения штатов управления, Забайкальское казачье войско получило во владение земли, принадлежащие русским, бурятским, тунгусским казакам; крестьянам, проживавшим по пограничной линии и зачисленным в казаки, а также земли Забайкальского городского полка и станичных казаков Верхнеудинского округа. Офицерам и казакам выделялось: штаб-офицеру – 400 десятин; обер-офицеру – 200; казаку – 30; церковному притчу – 99 десятин.⁶⁰

Офицеры пользовались наделом пожизненно. Такое неравенство в распределении земельных участков вызвало недовольство среди рядовых казаков, так как основной источник их дохода был с земли. С большего надела, естественно, был и больший доход. Неравномерное распределение земли ставило рядового казака в финансовую зависимость от казачьей верхушки.

Кроме вышеперечисленного происходило расслоение непосредственно среди казачьей общины – на бедных и богатых казаков, вставших в годы Гражданской войны соответственно на сторону красных или белых.

Казачья жизнь никогда не была малиной. Казаки несли сторожевую службу и в случае войны должны были принять на себя первый удар врага. Испокон веку расплачивались они за свои привилегии, явные и мнимые, кровушкой. Много пролили они ее, много было в казачьих станицах вдов и калек.

В первые годы становления России на забайкальских просторах казаки жили со скотоводства, охоты, рыбной ловли, ну и с того, что «бог пошлет». Ну что тут поделаешь? Кровь Сеньки Разина, будь она..., во веки веков благословенна.

Пашенное дело среди казаков эпохи завоевания Сибири было не развито. Причины на то – частое перемещение с места на место, кочевой образ жизни, переводы по месту службы

---

⁶⁰ Н.Н. Смирнов «Забайкальское казачество», 2008

из острога в острог. После установления границ Российской империи стали оформляться станции, казаки перешли к оседлому образу жизни, и были приучены заниматься земледелием, ставшем со временем основным источником их доходов.

Именно приучены. К началу XX века казаки не получали за службу денежного или провиантского довольствия, а лишь выделенный им земельный надел, продолжая нести при этом бремя воинской повинности. Если уж совсем по-русски, быть казаком в то время означало – и пахать и мечом махать.

Хотя некоторые потомственные казаки из «верховых караулов», родившиеся и выросшие в Забайкалье, так и не взялись за чапыги плуга, живя с доходов получаемых от занятия скотоводством.

Мужики-переселенцы, обращенные по инициативе графа Н. Муравьева в казаков, принесли в забайкальские степи культуру земледелия, прибросив ее к особенностям местных условий. Резко континентальный климат с жарким засушливым летом и малоснежной суровой зимой являлись далеко не идеальными условиями для возделывания зерновых культур. Озимые вымерзали из-за незначительного снежного покрова, позже срока посеянные яровые попадали под засуху или могли быть выбиты градом. В Забайкалье довольно часто случались ливневые дожди с сильными грозами. Ко всем прочим неудобствам относился очень короткий вегетационный период, чреватый тем, что хлеб не успевал вызреть. Говоря современным языком, Забайкалье являлось, и является, зоной рискованного земледелия. Посеять-то посеешь, а уберешь ли, так это еще бабушка надвое сказала.

Но русский мужик находчив, и не звался бы мужиком, если бы он не смог найти выход из любого, казалось бы безвыходного положения.

Сея на нескольких, разбросанных по округе участках, хлебороб избегал того, что весь хлеб могло выбить градом. Выбило на одном – вырастет на другом. Не созрел хлеб на корню, тоже не беда – досохнет в суслонах. Пашни распахивали на южных склонах, неспроста именуемых в Забайкалье – солнепеками. На солнепеках земля оттаивает раньше на две-три недели чем в «сиверах⁶¹», что позволяет раньше приступить к севу.

Это всего лишь три небольших примера из арсенала находчивого забайкальского земледельца.

В отличие от Сибири, где мужики, раскорчевавшие для себя участок тайги, становились полноправными хозяевами отвоеванной у леса пашни, или по крайней мере считали себя таковыми, в Забайкалье в казачьих поселениях получила развитие другая система землепользования. Полученные из кабинетных земель угодья принадлежали казацкой общине. Каждый казак исправно платил причитающиеся на его пай (земельный надел) подати, что однако далеко не означало равноправия в использовании земельных ресурсов. Богатые казаки, имеющие по несколько пар лошадей и быков, распахивали большие участки залогов⁶², давших название система полеводства – залежная, малоимущие же казаки с одной лошадежкой не могли с ними тягаться, оставаясь с носом.

При такой системе землепользования хлебороб пользовался распаханном участком несколько лет и после того, как урожай снижался, забрасывал его, распахивая новый залог. Такая система землепользования была возможной в Забайкалье благодаря наличию свободных площадей пригодных для возделывания зерновых культур и низкой плотности населения.

Распаханные залогов «двоили», т. е. перепашивали на два раза. Первый раз пахали в начале лета, когда появлялось время после завершения посевных работ. За лето пашня «затягивалась⁶³» пыреем и острцом, служивших при осенней перепашке паров «зеленым удобрением».

---

⁶¹ Сивера – северные склоны сопок

⁶² Залог (или залежь) – целина или заново распаханная пустовавшая несколько лет пашня.

⁶³ Затягивалась – зарастала

Обыкновенно распаханый участок использовался не более пяти лет, после чего забрасывался и служил в качестве сенокоса или пастбища.

В первый год землепользования, по пару, высевалась наиболее требовательная к плодородию пшеница (от 1 до 2 лет), затем 2–3 года овес или ярица (яровая рожь). Последней в севообороте была всегда гречиха. Связано это было с тем, что гречиха хорошо «родила» и на истощенных почвах, и кроме того, гречиха засоряла почву из-за легко осыпавшихся семян. Цветение гречихи длится до одного месяца, следствием этого является неравномерное созревание и потери во время уборки. Как махнул косой или серпом, ударил по сухому стеблю, так посыпались наземь драгоценные зерна.

Но и здесь нашли выход земледельцы, скашивая гречиху в сырую погоду⁶⁴. Досушил в снопах, обмолотил, будешь всю зиму кушать гречневые блины-колоба от пуза, правда без ароматного гречишного меда.

Гречиха является отличным медоносом, но очень любопытен тот факт, что многие жители Забайкалья того времени считали пчел за «вредных мух» наносящих ущерб хлебным посевам и даже огородным культурам. Понимаешь ли, садятся на огурцы, заразу разносят.

Доходило до того, что некоторые ловили пчел и посадив их в спичечный коробок, приносили к соседу-пчеловоду, с требованием «не распускать этих вредных строк⁶⁵». Отведав медовухи истец обыкновенно менял свое мнение и понимал пользу пчел при опылении растений.

Обязательной культурой возделываемой на каждом крестьянском огороде был маньчжурский табак. У каждого казака в поселке висели на чердаке связки-папуши сушившегося табака. Почти все казаки были заядлыми курильщиками, а некурящие, так сказать, мелко крошив, «прятали» щепоть табака, кладя за щеку. Ух и хитрецы!

К ним относился и отец Степы, казачина с ухарскими, шильями закрученными кверху усами. Лихо заломленная набекрень, выдавшая не один дождь фуражка, с выцветшим на солнце желтым околышем, наборный казачий ремень, ноги, выгнутые колесом, о коих говаривал их хозяин во хмелю *«адали воротина, хучь эргена прогоняй⁶⁶»*, просторные штаны из синей китайской далембы ниспадают на добротню промазанные тарбаганьим жиром ичиги, перехваченные ниже колен ремешками из сыромяти, украшенных на концах медными колечками, начищенными до блеска куском кирпича, вот он казак Забайкальского войска Могойтуйской станицы Сергей Маркович Нижегородцев, нареченный в честь своего славного прапрадеда Сергея Нижегородцева Первого, относящегося к основателям тогда еще Могойтуйского караула. Три мужских имени были у Нижегородцевых в почете: Марк, Степан и Сергей. Четырех сынов подарила жена Анисья Сергею Марковичу – старший звался Михаилом, второй Степаном-Степой, пропадавшим день и ночь напролет в степи у абы Бурядая, потом шел Сергунька, окрещенный именем отца и его славных прадедов – Сергеем Сергеевичем Нижегородцевым, ну и младшенький, годовалый бутуз Александр Сергеевич, чуть ли не Пушкин.

Отец Степы пребывал в наиотличнейшем расположении духа. Тому были веские причины. Посевная закончилась в этом году рано. Весна выдалась дружной, враз согнав снег на солнепеках, оголив чернеющие вороновым крылом двойные пары. Запахло в Могойтуйе, будоража истосковавшуюся душу землелашца знакомым с детства щекочущим духом цветущего ургуя, расцветившего синими заплатами покрытые прошлогодней бурой ветошь⁶⁷ склоны сопки. Медовый аромат исходящий от мохнатых желтовато-серых котиков вербы мешался с терпкой гарью весенних палов, пряным ароматом зацветающего багульника и смолистым запахом просыпающейся из зимней спячки тайги, всем этим непередаваемым словами весен-

⁶⁴ В сырую погоду созревшая гречиха почти не осыпается

⁶⁵ Строками именуют в Забайкалье диких пчел.

⁶⁶ Как ворота, хоть барана прогоняй

⁶⁷ Ветошь – пожелтевшая, высохшая на корню трава

них букетом, несомого ветерком с расsvеченных розовыми покрывалами багульника отрогов Могойтуйского хребта, синеющих за спящим подо льдом Ононом.

Четыре недели жил Сергей Нижегородцев с сынами на таежной заимке в Рысьей пади. От зари до зари трудились они не разгибая спины в поле. Зачин делали в конце апреля, когда в Рысьей пади и окрестных сиверах еще лежал снег и еще только набухали почки, когда заканчивали, сея последней гречиху, степь, черная после весенних палов покрылась сплошным разноцветным ковром из цветов и береза манила в баню шепчущей на ветру зеленой липкой листвой.

Пела душа Сергея, когда он поглядывал на подросших сыновей. Старший Михаил, в свои неполные четырнадцать лет, коренастый крепыш, перепыхивал на двух парах быков делянку прошлогодних паров. Хоть и двойной был пар, но ползучий пырей пророс шильями прошлогодней теплой осенью, оставь так, задушит пшеницу цепкой удавкой из корневищ. Второй сын, Степа, одиннадцати лет, боронил следом за старшим братом на двух конях. Весной оно как, полежит пахота день, не разобьешь комки потом молотком. А так шло как по маслу. Михаил пашет, Степан успевает боронить и пахоту брата, и за сеющим на соседнем участке пашни отцом, заделывая семена в землю. Отец шагает равномерной поступью, проваливаясь по щиколотку в мягкой пашне, раскидывая из висящего на плече рогожного мешка верной рукой сеятеля рассыпающееся китайским веером золотистое зерно. Всякая работа в поле важна, а сеятеля вдвойне. Не то взойдет пшеничка, полосками, пусто-густо, только семена погубишь. Поэтому и сеяли всегда умудренные опытом хлеборобы.

Третий сынок, любимец семьи Сергей Сергеевич, тоже не сидел без дела. Погонял неспешно переставляющих ноги быков, тянущих с кажущейся неохотой, а может и нет, поскрипывающий деревянный плуг. Звонкий голос шестилетнего пацана «Цоб, Мишка, цобе!» взлетал птахой в синее-синее небо. Задорно малому помогать братьям и отцу. Перебежав от Мишки к Степе, хватался на минуту-другую за вожжи, после чего скакнув воробышком, перебирался на деревянную борону, пытаясь удержаться на ее решетчатой спине. Борона, шеперясь железными зубьями, прыгала по неровностям пахоты, пытаясь сбросить балансирующего наездника. Сергей старший, крутнув кверху поникшие усы, улыбнулся во все лицо масляным блином. Казак растет! Коли на бороне устоит, то и конь не сбросит. Верно, Сергей Маркович!

– Серьга! Беги костер поправь! Чаевать пора! – слышится голос Сергея, и вот уже ноги в руки припустил Сергей Сергеевич к заимке, выполнять указание отца.

За черноусой пшеницей-кубанкой, посеянной по подработанному двойному пару, сеяли ярицу и овес по перелогу⁶⁸, последней гречиху по старой земле⁶⁹. По сырцу⁷⁰ Нижегородцевы не сеяли даже в худые годы. Сколько посеешь, столько и пожнешь, так чего же семена впустую тратить.

Обыкновенно Нижегородцевы управлялись с посевом к началу июня, а нынче еще и май не кончился, а семена в земле, да и какой!

В тот самый день, когда закончили сев, пошел мелким ситничком теплый дождь, затянув густой кисейной сеткой заросшие вековыми елями пади и засеянные елани. Нет лучше погоды для хлебопашца управившегося с весенне-полевыми работами. Окинет он довольным взглядом мокнущие пашни, утрет со лба мозолистой ладонью капли дождя перемешавшиеся с соленым потом и скажет с расстановкой *«Бог даст с хлебушком нонче будем. Щас после дожжика как на дрожжах все попрет!»*

И верно, не пройдет и недели, как зазеленеют покрывшись густой щеткой всходов поля, радуя глаз сеятеля. Хорошо посеял, без огрехов, не стыдно будет перед посельщиками.

⁶⁸ Перелог – земля после первого съема урожая, или кратковременная залежь – участок земли, бывший прежде под пашней, оставленный без обработки на несколько лет для восстановления плодородия почвы.

⁶⁹ Старая земля – зябь, вспаханная по после двух съемов урожая.

⁷⁰ Сырец – весновспашка, т. е. земля вспаханная в год посева.

Нежданно-негаданно подвалившая удача (раненько отसेялся) подвигла Сергея Нижегородцева на землеробские подвиги. Давно он уже положил глаз на просторную елань покоящуюся версты две выше их заимки в Рысьей пади. Лежала она на отшибе от Могойтуя, можно было даже сказать у черта на куличках, радуя каждый год телят и жеребят Сергея Нижегородцева зеленым остречным сеном. Рос на залитой солнцем елани острец, первая трава Забайкалья⁷¹ просто на славу. Словно голубое море колыхался он волнистой зыбью, перевитый кудрявой вязилью и расцвеченный желтыми маками да синими гребешками дикого клевера.

Когда-то давным-давно, по рассказам старожилов, была на той елани пашня Сергеева прапрадеда, служившего пятидесятником Могойтуевского караула. В пади, где было позже построено зимовье заимки, убил он одной зимой осторожную рысь. С тех пор и стала именоваться падь Рысьей.

Кремневка, из которой удачливый пращур спустил желтоглазую рысь с сосны, а может и лиственницы, никто про то за давностью времени уже и знал, передавалась из поколения в поколение у Нижегородцевых по наследству старшему сыну.

Как это водится с фамильными преданиями, с годами дикая кошка-рысь выросла в размерах почти до амурского тигра-амбы, заходившего, опять же согласно преданьям и в эти места. Как бы то ни было, желтовато-пятнистая шкура рыси висела с кремневкой на стене у деда Марка, являясь местом паломничества любознательных внуков и подгулявших казаков, проверяющих на ошупь качество полинявшего меха. Хорошие бы унты получились!

Облезшая шкура рыси и кремневка с облупившимся от времени прикладом по решению деда Марка должны были одним днем стать наследством младшего сына Сергея Нижегородцева. Тому сам бог велел, кому как ни Сергею Сергеевичу владеть этой семейной реликвией. Если у вас в голове перепуталось с Сергееями, то вы далеко не одиноки.

Сергей, который Маркович, мечтал о другом. Распахать старую залежь, надеясь получить с нее отличный урожай пшеницы-кубанки. Ох и сыпанет, пудов триста с десятины!

Так и сказал Сергей, поведав о своем истовом намерении отцу. Марк внимательно выслушал, погладил аккуратно расчесанную на две половины посеребренную сединой черную бороду и соглашаясь с сыном, немного поправил. Триста не триста, но двести пудиков верных, после чего загадочно улыбнулся и повел наследника в поднавес, где хранились привезенные им из Харбина ручные веялки и конные жнейки. Среди сверкающих лаком собратьев выделялся красным пятном новенький железный плуг.

– Эмиль Лихард⁷², двухномерной! – выпятив колесом грудь в расстегнутом до увесистого живота сюртуке с желтыми петлицами на отворотах, украшенному двумя рядами светлых орленых пуговиц, выдал на-гора с явной ноткой гордости в голосе Марк, представляя новинку.

Брови Сергея полезли от удивления кверху и остановились в положении без четверти двенадцать.

Да брат, это тебе не рогалюха⁷³, смастеренная из корявой даурской березы. Могут ведь люди.

Марк, довольный произведенным эффектом, открыл каталог и принялся растолковывать сыну, как да что.

– Вон энтим колесом, – показал он на правое по ходу плуга, – глыбину ставить. А которое слева катится, для опоры значит, чтобы плуг ровно шел.

– А энто что, – указал Сергей на предплужник, маленький плужной корпус располагавшийся перед основным корпусом.

---

⁷¹ Трава-острец, один из видов злаковых произрастающих в Забайкалье, чрезвычайно ценная в питательном отношении и дающая превосходное сено

⁷² Фабрика земледельческих машин и орудий «Товарищество Эмиль Липгарт и К^о» выпускало до 1918 года различную сельскохозяйственную технику. В настоящее время фирма ОАО «Щуровский цемент», Московская область, г. Коломна.

⁷³ Рогалюха – соха

– Дерноснимь.

– Ааа, – протянул протяжно Сергей, – ясенько. Дерн срезает.

– Вот и вименно, – добавил Марк, оглаживая свою роскошную бороду.

Сергей за неимением растительности на подбородке, тербил усы. Да, знатная штука, ничего не скажешь. И колеса вон для борозды придумали, и отвалка, и лемех сменный. Сколько он интересно стоил, спросить тятю разве.

Марк опередил.

– Ну что ндравится? Забирай! Мне сыну ничего не жалко! – после чего, уже вполголоса добавил, – отпашешься, Гришке Потехину дай, пушай тоже порадуется.

Сергей закряхтев согласился. Ясенько мол, еще тот не родился, который тятю через игольное ушко протянул. Хитер, ох хитер. За год-два по двугривенному с казаков денежки за плуг вернет. Хотя мне-то какое до того дело, мне платить не надобно, ну и ладушки.

Марк и на самом деле собирался давать местным мужикам плуг в аренду, взимая плату за день по полтиннику. Как будто бы и немного, а насбиывается.

Недельку казак попахал, потом обливаясь – у Марка баран в хлеву заблеял, а через месячишко, глядишь, и корова замычит. А плугу чего ему сделается, он ведь железный. Манеркой кумекать надобно, постукивая себя по голове, приговаривал хитренько улыбаясь Марк.

– Целик⁷⁴ подымать три пары быков надо. Две не потянут двухномерной⁷⁵, – сказал голосом знатока Марк, – так что бери еще пару моих, а то разжирели на вольных хлебах.

То было не в бровь, а в глаз. Давно сошли мозоли от чапыг плуга на руках Марка, понявшего суть жизни. Деньги трудом землепашца не заработаешь, горб – да. Пару быков держал скорее по старой привычке. Что за двор без них, да и коровам не скучно. Кавалеры.

Настроение Сергея улучшалось от минуты к минуте. Сначала получил от тяти новенький с иголки плуг, а теперь вот сулит еще и пару своих быков. Да, денек удался!

Все еще не веря нечаянному счастью, Сергей, робко спросил.

– Дак, тятя, а когда плуг да быков взять-то можно?

– Забирай сразу, чего тут долго телиться.

Через четверть часа пара крутобоких быков, пережевывая лениво жвачку, покачивая рогами с накинутыми на них волосяными налагычами⁷⁶ катили играючи блестящей свежей краской плуг по пыльной деревенской улице. Рядом с ними вышагивал важной походкой Сергей с заломленной набекрень фуражке с начесанным на козырек роскошным чубом, раскланиваясь чинно с сидящими на лавочках стариками провожающих взглядом чудо невиданной техники.

И хотя Сергей жил совсем неподалеку от отца, на той же улице, каких-то десять домов выше, этого хватило, чтобы весь Могойтуй узнал, что «Марк Нижегородцев купил сыну аглицкий плуг, двухномерной, марки Лихарт». Сергею было наплевать, что треплют языками поселщики. Лихарт так Лихарт, по мне што ни поп, то и батька, лишь бы пахал глыбже.

Подъехав к родному подворью, Сергей остановился, окинув довольным взглядом свой дом под крытой железом шатровой крышей. Шесть больших окон, зеркально блестя, смотрели на улицу радуя взгляд разноцветьем на подоконниках. Любила его Анисья цветы, как и другие женщины в Могойтуе. Что казаку добрый конь, то его женке красивая герань. Красные и розовые герани горели светлячками, прекрасно сочетаясь с небесной голубизной свежоокрашенных филенчатых ставень и резных наличников. Из-за забора, сработанного из толстенных тесанных плах, вставленных в пазы листовых столбов, виднелись тесовые крыши добротных

---

⁷⁴ Целик – целина, непаханая земля

⁷⁵ Плуг с двумя корпусами

⁷⁶ Налагычи – повод, одевается быкам на рога

сараев и амбаров. Все было сделано по-хозяйски, на века. А как же иначе. Тут в грязь лицом ударить никак нельзя!

Таковыми же добротными были остальные дома по всей улице. Жили в них сплошь одни родственники; Нижегородцевы, Потехины и Поповы, относящиеся к старожилам Могойтуя.

Улыбнувшись в усы, Сергей отворил парадные ворота, открываемые лишь по случаям выезда в город, какие выпадали очень редко, да и то лишь в зимнюю пору. Для будних дней, составлявших всего ничего триста шестьдесят дней в году, были предназначены воротца из жердей на заднем дворе, где завозились солома и сено, снопы и дрова. Там же, выстроившись в ряд, находились хозяйственные постройки. Среди них возвышался «батькой» объемистый сеник, громоздившийся над стайкой для коров. Душистое сено попадало из сеновала через люк прямо в кормушки буренкам. Для телят, козлят и другой новорожденной живности имелось рубленое из бревен зимовье. Земляной пол, сложенная из дикого камня печь, сплетенные из таловых прутьев клетушки и мордушки для поросят и ягнят, чтобы мамку ища мордочками в горячую печь не сунулись. Все по-хозяйски, с доглядом. А как же иначе. Нижегородцевы мы!

Чуть дальше, у омета прошлогодней соломы, крытые драньем повети, где выстроились рядком телеги и сани, немного особняком стоят кошева с красной суконной полостью и подресоренная бричка, вдоль стен развешаны на деревянных костылях седелки, хомуты и другая конская упряжь, обильно смазанная дегтем. Под крышей сушатся оглобли и черенки, там же висят гирляндой березовые веники. Сама баня чернеет крышей в огороде, рядом с колодцем. Во всем чувствуется хозяйская рука, нет даже хватка, являющаяся плодом смекалки, помноженной на трудолюбие. Под лежачий камень вода не течет, учил Марк своих детей, так же, как и свое время учил его отец, нашедший вечный покой на деревенском погосте Могойтуя.

Проведя быков на задний двор, Сергей поспешил в дом, обрадовать хозяйку хорошей новостью. Взойдя на выкрашенное охрой крыльцо, он отворил дверь в сени, откуда пахло запахом свежеепеченного хлеба. Дверь в дом стояла отворенной. Анисью застал он в кути. В прилипшей к телу красной бумазеевой кофточке хлопотала она возле русской печи, вынимая из чела румяные пшеничные калачи, раскладывая их на расшитый петухами наквашонник⁷⁷.

Сергей залюбовался на минуту женой, глядя на ее ловко снующие руки и ладный стан. Красавица она у меня, лебедушка, не расперло ее, как вон других баб, идут по улице, с боку на бок переваливаясь, утка не утка, торба не торба.

Только сейчас заметила хлопочущая у печи Анисья вошедшего мужа.

– Чего гляделки-то повылупил, словно рубль серебряный на дороге нашел? – заругалась она, недовольная и в тоже время польщенная вниманием мужа. Все бы обнимался до миловался, а как глянет совратитель окаянный, аж в груди млеет.

На этот раз не спешил Сергей обнять жену за стан. Потянув за руку, повел во двор, показать привезенный от отца плуг.

Но увы, реакция Анисьи была более чем сдержанной. Какая-то железяка красная, на черта рогатого обличьем смахивает. Машинку бы швейную Зингерь мне привез, вот это да! А то надоело к свекровке бегать.

Ничуть не удрученный мнимым безразличием Анисьи, Сергей прогудел.

– Матушка, завтрось утречком баньку истопи, залог со Степой пахать поедем.

– Чаво ты бухтишь, каку еще баньку, до покоса еще как до турецкой пасхи.

– Вот и я говорю, – упорствовал на своем Сергей, – стопи, зачин на елани делать будем.

– Вишь ты богохульник какой, – взвинтилась богобоязненная Анисья, – не бывать тому, совсем рехнулся. Вечерось стоплю, мойся коли хошь, но один, без меня, сразу тебе говорю.

⁷⁷ Наквашонник – полотенце, которым накрывают посуду для теста (квашню)

Зная, что жену не переспорить, Сергей согласился, пойдя на попятную. Вечерось, так вечерось⁷⁸.

Думаю, здесь необходимо небольшое пояснение. В Забайкалье существовала традиция в день начала основных полевых работ, к коим относились сев, сенокос и уборка хлебов, топить утром баню. После помывки молились усердно при зажженных свечах, прося вспоможения у Господа Бога и лишь затем выезжали в поле делать зачин. При этом день «зачина» ни в коем разе не являлся праздником или воскресеньем.

Эта была лишь одна из немногих земледельческих традиций. Так, например при посеве конопли зарывали в землю вместе с семенами несколько яиц. В засуху приглашали священников на молебен и ходили с иконами по полям. Накануне Родительского дня накрывали на ночь столы, насыпая тонкий слой муки и утром проверяли, не приходил ли родитель.

При уборке хлеба оставляли небольшую полоску несжатой «Волосу⁷⁹ на бородку». Эта языческая традиция ведет свою родословную из глубины веков.

Анисья знала, в какой день насыпать муки на стол и когда стопить баню. Сказано вечерось, значит вечерось. Сбросив с себя в предбаннике пропотевшую лапотину⁸⁰, Сергей долго и ожесточенно парился, витая в мыслях о завтрашнем дне. От души напарившись, облачился свежее, прокатанное вальком нижнее белье, сшитое Анисьей из синей китайской дрели. Вечером все домочадцы долго пили чай в горенке, пропахшей ароматом мяты, развешенной пучками по стене, и даже Степа страдавший плохим настроением, угнетавшим его целых полдня, уминал один за другим такие любимые им колоба.

Следующим утром сговорился он пойти с Прошкой рыбачить карасей. Когда приехал отец, привезя плуг, Степа сидел на предамбарье⁸¹, налаживая нехитрую рыбацкую снасть – нестроганный таловый прут, леса из конского волоса, поплавок – гусиное перышко, грузило – камушек и лишь один крючок был покупным. Игрянки, так звали деревенские сорванцы крючки, можно было купить в лавке у Марка Нижегородцева.

На днях, или как говорили гураны-забайкальцы «надысь», нагрязнули в лавку к деду Марку внучонок Степа с закадычным другом Прошкой в надежде разжиться китайским леденцом на палочке. Баловал казалось такой скупой Марк своих внуков.

Тот день врежется в память Прошки на всю его оставшуюся жизнь. Марк только что вернулся из города, накупив всякой всячины, от кашемировых платков с кистями до уже известного нам плуга всемирно известной марки «Липгартъ». На радостях подарил он внучонку Степе мечту каждого деревенского пацана – новенькую с иголки казачью фуражку. Не осталось от него незамеченным лицо Прошки – вот повезло же Степе с дедом, мне бы такого деда или хотя бы фуражку!

И что вы думаете? Подозвал Марк его к себе, и сняв с полки, натянул казацкий картуз с желтым околышем на оторопевшего пацана. Прошка вначале не мог поверить своему счастью. Это на самом деле мне? Сунув еще по леденцу, Марк шлепнул тяжелой ладонью по прилавку. Все, бегите на улицу. Не отвлекайте.

Весь день шеголял Прошка в новенькой фуражке, и спать бы лег в ней, если бы не заругалась мать.

Разряженный, в такой же как и друга Прошки фуражке с желтым околышем, в голубенькой сарпинковой рубаше в беленький горошек и синих дрелевых штанах, пошитых матушкой из материала купленного у контрабандиста Лехи Разуваева живущего в грязном переулке, пригнувшегося окурком к Акатуевской улице, расположился Степа на предамбарье, распутывая

---

⁷⁸ Утрось – утром, вечерось – вечером.

⁷⁹ Волось или Велесь – божество в древнерусском языческом пантеоне, «скотий бог», бог удачи и плодородия, покровитель сказителей и поэзии.

⁸⁰ Лапотина – одежда

⁸¹ Предамбарье – место, бревенчатая пристройка перед амбаром

узлы и петли в лесе. Младший братишка Сергунька ухитрился достать с вышки⁸² лежащую там снасть и поучился забрасывать, пытаясь попасть крючком-иглянкой в поросячье корыто. Спутав, положил на место. Не я мол это, так и было. За этим занятием, распутывать лесу, и застал отец сына.

– Ты куда это лыжи наострил? – осведомился он безо всяких там цацек, которым учили в поселковой школе.

– Утрось карасей с Прошкой рыбачить на Парфенову.

Парфеновой звалось озеро, где водились караси с лопату, малую саперную правда.

– Вот и я говорю, иди Гнедка с выгона пригони, завтра утрось залог на займку пахать поедом, там на озере и порыбачишь.

Степа сполз тощей задницей с отполированного до блеска бревна предамбарья, заныл, надеясь отлынить.

– А чё Мишка не может, все я да я.

Когда уже обещал тятя, что в степь к абе Бурядаю могу поехать и вот на тебе бабушка Юрьев день. Даже на рыбалку сходить некогда.

Сергунька полющий с матушкой в огороде гряды, показал Степе язык. Ну что выкусил, это тебе за то что сёдни утрось мне подзатыльника ни за что ни про что отвесил. Подумаешь удочку евоную спутал.

Сергей-старший посуловел взглядом. Это что еще такое. Слово отца закон.

– Мишка жерди рубить поедет. Вон заплот в огороде совсем прохудился, того и гляди соседские свиньи табак помнут.

Табак они конечно жрать не станут, факт, а вот огурцы да картошку пятаками из роют.

На том разговор и закончился. Ни говоря уже больше ни слова Степа взял в завозне наборную уздечку и отправился на деревенский выгон за пасущимся там жеребцом Гнедком, надеясь завернуть на обратном пути к Прошке и сказать, чтобы тот отправлялся завтра на рыбалку один.

Пока сходил на пастбище, нашел ушедшего аж к дальним околкам Гнедка, солнце скатилось за Онон, окрасив небосклон на западе багрянцем вечерней зари. Околок, возле которого Степа нашел пасущегося жеребчика, утопал в белом цвету диких яблонь и развесистых кустов черемухи. В напоенном аромате вечернем воздухе слышались неумолчные трели и посвист щеглов, чечеток и других неведомых мальчику птиц.

Развязав путы на ногах коня, Степа одел на него прихваченную из дома уздечку и огляделся, надеясь увидеть пенек или валежину, откуда он может взобраться на Гнедка. Но ничего подходящего к сожалению не увидел. Пройду за околок, решил он, может там какая коряжина валяется. Обойдя околок он ахнул, увидев на лужайке целую стайку ландышей. Нарву маме, вот обрадуется.

Дело спорилось. Нежные восково-белые цветы оттеняла густая темная зелень ланцетовидных листьев, обрамлявших букет в руке мальчугана. Только сейчас он сообразил, что с букетом ему будет еще трудней взобраться на спину Гнедка. Что же мне делать? Идти пешком до деревни? Нет, пока дойду стемнеет, да и подумает еще кто, что не смог оседлать коня, засмеют, плохой мол казак.

Именно это подзадорило Степу. Воткнув собранный им букет ландышей в развилистую ветку дикой яблоньки, Степа улыбнулся. Полдела сделано. Обвив левой ногой переднюю ногу стоящего как вкопанного Гнедка, он ухватился левой рукой и подтянувшись, обхватил правой рукой шею лошади, после чего закинув правую ногу, очутился на крупе все еще стоящего истуканом Гнедка. Вот ты уже и казак. Выплюнув попавший в рот конский волос, Степа потрепал

---

⁸² Вышка – чердак

Гнедка по лоснящейся потом шее. Молодчага. Подъехав к яблоньке, забрал букет цветов, ударил пятками по бокам верного Гнедка и вперед.

Галопом подлетел Степа к дому Прошки, осадив коня у самых ворот. Перепуганные куры разлетелись квохча по сторонам. Бабки Бугачиха и Солониha, сидящие на лавочке у дома на противоположной стороне улицы, подслеповато щурясь, пытались установить личность лихого наездника.

– Чей такой энтó? – спросила старуха Бугачиха глуховатую соседку. Та, опершись на клюку, прошепелявила беззубым ртом.

– Ась?

– Чей энтó виноходный⁸³ говорю, – закричала Бугачиха прямо в ухо Солониhe.

– Ааа. Марка Нижегородцева внук кажись.

– Ох и оглашенный! Увсех курят передавил, – продолжала орать на всю улицу возмущенная Бугачиха.

– И не говори суседка, никакого понимаешь уважения к старости.

Кого, или что, имела ввиду бабка Солониha, курей ли, или людей престарелого возраста, выяснить из произнесенной фразы не представлялось возможным.

Вышедший Прошка был чернее тучи. Отец укоротил и ему крылья, наказав с завтрашнего дня идти в работники к богатому казаку Якову Потехину. Взял он у него по весне три пуда яричной муки, посулив Якову отправить сына, когда тому потребуется помощь. Вчера заезжал Потехин. Постучав рукоятью кнута в окно, прогудел.

– Присылай пацана, долг платежом красен. Пахать поедем.

Узнав о неудаче постигшей друга, Степа совсем повеселел. Попали мы оба, как кур во щи! Оба погонычами⁸⁴ работать будем!

Так-то оно так, но Прошка будет чертомелить батраком у чужого дяди, а ты Степа трудиться с родным отцом на своей пашне.

Степа никогда не задумывался о том. И даже тогда, когда были они в степи у абы Бурядая. Ему было просто хорошо с Бурядаем и Прошкой, которого нанял к себе подпаском Марк Нижегородцев.

Вернувшись домой в наилучшем расположении духа, Степа застал отца молящимся при зажженных свечах за вспоможение новоприобретенному Липгарту. На аглицкий плуг надейся, но и сам не плошай.

Мать хлопотала в кути, как впрочем всегда. Букет ландышей, подаренный ей Степой, прижала к лицу вдыхая цветочный аромат. Божья благодать!

Чмокнув сына в щечку, поглядела украдкой на мужа. Вон, за плужок то, как истово молится, а вот чтобы цветов мне из лесу привезти никогда не догадается, не то что Степа.

В следующую секунду Анисья уже забыла о мнимой невнимательности мужа и захлопотала, сожалея в душе о том, что Бог не дал им дочку. Была бы и мне помощница.

– Степушка, беги в баню сынок, да кушать будем. Белье и утиральник⁸⁵ в предбаннике лежат.

Выскочив из дома Степа столкнулся нос в нос с Сергунькой, отпрянувшим в сторону. Попотчует брательник еще подзатыльником.

Степа сунул руку в карман портов и вытащил оттуда свистульку, на которую Сергунька уже давно положил глаз.

– На посвисти, токо не сломай.

---

⁸³ Виноходный – иноходец

⁸⁴ Погоныч – (погонщик) от слова погон – кнут

⁸⁵ Утиральник – полотенце

Весь вечер во дворе Нижегородцев слышался соловьиный пересвист Сергуньки-разбойника, пока мать не отобрала ее и отправила свистуна в постель.

Следующим утром поднялись рано, как впрочем и всегда. Нижегородцы относились к раноставам⁸⁶. Не зря же появилась поговорка, кто рано встает – тому бог подает. Анисья, прихватив горбушку хлеба, пошла чилькать⁸⁷ коров, числом в шесть голов. Мужики тоже не сидели без дела. Из сарайки, где сушились заготовки для тележных осей и втулок, изготавливаемых как и многое другое из дерева, железо-то дорого, доносился писклявый звук ручного точила. Мишка крутил рукоятку, отец, высунув от усердия кончик языка, точил топор. Капли пота лились градом с покрасневшего лица Мишки. Ух и тяжело же крутить точило размером с тележное колесо. Синие искры сыпались веером в сумеречном свете, оседая на утрамбованные ногами стружки на земляном полу. Несколько раз попробовал Сергей жало, но все еще не был доволен результатом своей работы. Острие топора проверял он, срезая волосы на руке выше предплечья. После пятой или шестой попытки бритье увенчалось успехом и пучок рыжеватых волос переключался на широкое лезвие плотницкого топора.

– Адали бритва! – проговорил восхищенно Сергей и положив наточенный топор в натопорню из голенища отслужившего свой век валенка, полез в карман, извлекая оттуда жестяную коробку, на крышке которой лишь смутно угадывалось стершееся от времени изображение китайской барышни с веером и замысловатые росчерки иероглифов. Изначально в коробке хранились кисленькие леденцы, но уже давно выветрился их аромат и жилище куртизанки пропахло «наскрозь» ядреным запахом табака-зеленухи.

Нижегородцы были из староверов. Слово «были» точно отражало затухающие семейные традиции, где лишь женщины поддерживались унаследованных от предков порядков, казаки же, отслужив срочную службу возвращались домой «перекрещенными», научившись пить царскую водку и курить табак. Не иначе было и с Сергеем. Свораченный Бахусом, познал он вкус вина, но курить чертовское зелье все же боялся. Матушка учует, на порог не пустит. Но запретный плод как известно сладок. Положить щепоть табака за щеку, это еще не курить, успокаивал грызущую совесть Сергей. Пока не женился прятался, ну а потом. Потом пришлось сажать табак на огороде, чтобы соседские свиньи ломали плетень, Сергей точил топор, а сын Мишка ехал рубить жерди. Все взаимосвязано на этом свете, только пораскинь мозгами, найдется оправдание и выпивке, и щепотке табака во рту.

Собрав Мишку в лес, принялись грузить плуг на телегу. Он хоть и на колесах с железными втулками, но жалко было Сергею волочить его в такую даль своим ходом. У телеги оси и втулки деревянные, намазал их погуще дегтем, что им делается. Ну и про запас повесил сзади на телегу лагушок с дегтем, нехай на колдобинах болтается. А плуг? Это же вещь новая, купленная, беречь надобно. Сотрешь железную ось, где потом новую возьмешь? Это же не телега, из березового чурбака не выстрогаешь. Головой думать надо. Вот она проверенная веками крестьянская психология – бережливому бог вспоможение шлет.

С улицы послышалось протяжное мычание коров, людской говор и звук рожка пастуха, говорившие о том, что пора выпускать коров на пастбище. По устоявшейся традиции хозяева провожали своих буренок до окраины села, дальше они шли пятная росную траву дымящимися лепешками, сопровождаемые хлесткими щелчками кнута и зычными окриками коровьего пастыря «Ты куды поперлась язва!». Этим утром коров в табун провожал Сергунька, довольно посвистывая в свистульку, подаренную ему Степой. Детская обида она как вешний дождик. Прошла тучкой, и вот уже опять светит ясное солнышко. Хороший у меня брат!

Один брат Сергуньки, большак Мишка, трясся в это время уже в телеге, подъезжая к березнику, где он вчера навалил стройных березок на жерди. Деревца, которые потолще, пошли

⁸⁶ Раноставы – люди-жаворонки, поднимающиеся ни свет ни заря.

⁸⁷ Чилькать – доить корову. *Я уж корову-то почилькала.*

на колья, остальные, обтесанные с двух сторон, сверкая девственной белизной, лежали свалены в кучу ожидая своего часа, попасть на изгородь и быть измазанными трущимися о них свиньями. Ивовые прутья лежали на отмочке в лыве посредине околка. Мягче будет заплетать городьбу, может еще и на морду⁸⁸ останется, думал Мишка, сворачивая самокрутку. Курил он лишь изредка, да и то крадучись, боясь быть пойманным матерью или отцом, размышляя однако, как взрослый мужик. Из веток березовых пока не завяли, веников навяжу, чего добру-то зазря пропадать.

Анисья хлопотала возле мужа и сына, собирающихся ехать на заимку.

– Мужики, там поесть собранное в чумашке⁸⁹ стоит. А пить что с собой возьмете?

– Тараг⁹⁰, – ожил Степа.

– Какой еще араг? – не поняв сказанного переспросила Анисья.

– Да простокиши захотел – включился толмачом Сергей. Он, как и почти все казаки в Могойтуйе балакал по-бурятски и монгольски, что было впрочем, что в лес, что по дрова. Пути казаков пересекались с бурятами-пастухами, да и на срочной службе на пограничных кордонах жили они с бурятами под одной крышей, не забывая захаживать в гости к монголам. Казачки же проводили жизнь в кути да огороде, выбираясь по воскресеньям в поселковую церковь, куда как известно последователи учения Будды дорогу не знают.

Анисья, качая головой, пошла к погребу, достать оттуда корчажку с простоквашей. Говорила же, не надо было пускать его к нехристям, наберется там словей всяких непотребных. Араг ему, видишь ли, подавай. Да это еще цветочки. Сусликов есть с дедом Бурядаем научился, надясь пригрудить⁹¹ хотел. Не хватало еще дом поганить. Ох Господи, что творится на белом свете. Понавыдумывают словей всяких, все еще сокрушалась Анисья, одних букв-то скоко – араг, то ли дело простокиша – коротко и вразумительно.

Не скоро получилось в тот день Сергею и Степе Нижегородцевым выехать на заимку. Задержались они в деревне. Повысыпали казаки горохом на улицу, обступили телегу с плугом, ошупывают диковинку, обсуждают, кто на что горазд.

– Мериканский! – заявляет авторитетно один.

– Тю дура, ерманская соха энто! – поправляет другой.

– Заткнись кобылка⁹²!

– Типун тебе на язык, знай паршивец край, да не падай!

Спорят до хрипоты, курят до тошноты, гвалт и дым столбом стоят.

Да не спорьте вы мужики, русский это плуг Липгартъ, как и швейная машинка Зингеръ. Ну почти.

Фабрика «Эмиль Липгартъ и К^о» была детищем российского фабриканта, гласного Московской государственной думы, общественного деятеля Эмиля Липгарта (1838–1907) и занималась выпуском различной сельскохозяйственной техники, а также цемента, извести и алебаstra.

Наибольшую популярность снискали орудия для обработки земли, отмеченные многочисленными призами сельскохозяйственных выставок, получив с 1874–1896 годы шесть золотых и одну серебряную медаль.

В 1918 году по декрету большевиков предприятия Липгартов будут национализированы, наследники эмигрируют в Германию, а плуги Липгартъ, как и многое другое хорошее, почит в бозе.

⁸⁸ Морда – рыболовная снасть, имеющая вид двух вставленных один в другой конусов, сплетенных из ивовых прутьев.

⁸⁹ Чумашек – корзинка из бересты

⁹⁰ Тараг – бурятский кисломолочный напиток, готовится из подогретого снятого молока, куда добавляется закваска «гурэлгэ». Подается холодным, заправленным сливками или свежим молоком.

⁹¹ Надесь – недавно, на днях; пригрудить – привезти

⁹² Кобылка, гужеед или жернова – презрительная кличка крестьян казаками

Ну а пока жизнь прекрасна, малиновым звоном заливаются жаворонки в поднебесье и Нижегородцевы едут на заимку в Рысьей пади поднимать залог, распаханый когда-то их прапрадедом Сергеем Нижегородцевым, основавшим с другими казаками Могойтуевский караул.

Как не спешил Сергей, в день приезда выехать в поле не удалось. Тары-бары-растобары, болтливые мужики, хуже баб возле колодца, пока скатили вдвоем со Степой с телеги тяжеленный плуг, да еще дорогой быки-дурни уперлись, ни взад ни вперед, скотинка бестолковая, но в крестьянском хозяйстве нужная.

Быки являлись в те годы основной тягловой силой в селах Восточной Сибири и Забайкалья. Они более сильнее и выносливее лошади, но отличаются завидным упрямством. Быка, или быков, их запрягают чаще парой, значительно труднее приучить ходить в борозде, чем лошадь. Иной раз перед парой быков тянувших плуг, впрягалась лошадь, которая направляла строптивцев на путь истинный. При кошени сенокосилкой или сгребании сена в валки конными граблями «рогоносцы» были бесполезны. Здесь требовалась сноровка, быстрое и беспрекословное выполнение команд и лошадь являлась прекрасным помощником человека. Тянуть тяжело нагруженные арбу или телегу, перекатывая во рту жвачку, то и дело останавливаясь, неторопливо переступая копытами – такая работа по быкам, подходило под их стать, что с горы что в гору. Боже упаси пробежаться, ежели только за красавицей-коровенкой из соседнего двора. Да и то, маята одна, да и только.

Именно так наверное думали быки, остановившиеся на полдороги. Кое-как, где уговорами, а больше длинным плетеным кнутом на таком же длинном черенке, поучал Сергей рогатых упрямец, не желавших идти к укрывшейся в буйной зелени заимке Нижегородцевых.

Как приехали, не мешкая Сергей поехал на Гнедке к елани, чтобы по-светлому⁹³ отбить загонку. На первый взгляд пахать дело нехитрое, но это далеко не так. Проложишь не так первую борозду, просчитаешься, собьешь все руки потом, клинья да углы выпаживая. Сергей был воробьем стреляным, на мякине не проведешь. Срубив жердь, он вымерял шагами ширину загонки, и забив кол, отесал его с одной стороны. Теперь его издали заметно будет. С другой стороны елани забил такой-же, но уже нетесанный.

Здесь завтра на утренней заре, плуг вонзится в вековую дернину, разорвет ее железными клыками, или, если отбросить пиитический вздор, на этом месте казак Сергей Нижегородцев начнет пахать залог.

Еще черти бились на кулачках, как Нижегородцевы были на ногах. Едва начало светать выехали в поле. Раноставы-перепелки высвистывали в густой траве елани, еще не зная, что им придется искать себе другую квартиру.

Шесть лоснящихся от сытости быков, запряженных попарно в ярмо, помахивая хвостами, равнодушно перекатывали во рту жвачку, косясь на хлопочущих возле плуга хозяев. Впереди быков запрягли Гнедка. Сергей все еще сомневался, что двухкорпусной плуг будет под силу быкам.

– Хошь бы вытянули, – так и сказал он, перед тем как сняв с головы фуражку, перекрестился на восток и промолвил, – ну все, с богом, зачем.

Степа сидел верхом на Гнедке, которому предстояло тянуть нить загонки, направляя быков.

– Держи прямо на жердь сынок, – повторил еще раз Сергей.

Струганный шест, сливающийся с начинающим белеть рассветом, был едва заметен глазу. Степа, напрягая зрение, перевел взгляд на затухающие краски ночного неба.

– На ручку Николиного ковша⁹⁴?

⁹³ По-светлому – до наступления темноты

⁹⁴ Николин ковш – созвездие Большой медведицы

Сергей всмотрелся, ища знакомые очертания. Вот постреленок, глазастый какой. И верно, крайняя звезда висела, словно привязанная над вбитым шестом.

– А ты откель, про ковш-то знашь?

– Аба Бурядай сказку про него рассказывал.

– Ааа, – протянул протяжно Сергей и ничего уже больше не спрашивая хлопнул кнутом. Гнедок дернулся с места, быки налегли на ярмо, и плуг с хрустом распоров дернину, вонзился, уходя в землю. Первый пласт упал на дно борозды, заваленный тут же землей из-под второго корпуса. Прямой, словно по линейке черный след протянулся к ручке Николиного ковша. Плуг шел ровно, словно привязанный, отдохнувшие за ночь быки шли слаженным шагом, не переставая даже жевать жвачку. Сергей был готов петь от заполонившего его счастья. Никакого сравнения с сохой, то и дело выпрыгивающей из борозды, оставляющей за собой невспаханные полоски дернины или жнивья. После первого, самого тяжелого круга стало ясно – быки потянут плуг и без помощи коня. Высвободившегося Гнедка решили использовать на бороновании. Не мешкая перепрягли коня, и работа закипела снова. Передней парой шли быки Сергея, за ними взятые у отца и замыкающей, третьей парой, снова Сергеевы. Бороздовым⁹⁵ шел Чалый, загонным⁹⁶ красно-бурый криворогий Мишка.

Словно добрые казаки на плацу выполняли они слаженно команды хозяина. По окончании борозды окрик Сергея: «Цоб Мишка круче!» и криворогий Мишка опережая Чалого заворачивал резко вправо, пока не раздастся команда «Цоб Чалый, прямо, цобе!» и быки, пара за парой выравнившись, шли, следуя кромки межи до следующего разворота.

По пятам за быками следует Гнедко, волоча деревянную борону. Рядом вышагивает, подражая отцу, чуть расставив ноги Степа, проваливаясь по щиколотку в мягкой земле. Улыбка не сходит с его лица. Хорошо-то как! В кустах высвистывают на всякие лады затейники-щеглы, а лазурной вышине безоблачного неба рассыпаются залиvisto звеня серебряными колокольчиками жаворонки.

А вспаханная полоска растет как на дрожжах, заставляя биться радостно сердце хлебороба. Легко пахать, когда острый как бритва предплужник вспарывает крепкий слой дерна, скидывая его на дно предыдущей борозды. Идущий следом основной корпус заваливает дерн ровным, аккуратным слоем чернеющей вороновым крылом жирной земли. Это тебе не то что пахать деревянной рогалюхой. Расковыряешь, торчит дернина, словно щетина на роже похмельного мужика, радовался Сергей, не в силах оторвать глаз от идеальной глади свежеспаханной курящейся парком земли, очутившись, как бы невзначай, в скоромных мыслях. Гладенько, прям как попочка у поповны! Прости Господи за грешные мысли раба твоего неразумного.

Первый уповод⁹⁷ затянулся чуть ли не до обеда. Давно уже пришла пора распрягать, но Сергей просто не могнарадоваться чудесному плугу и ровненькой пахоте. Не может быть картины краше для земледельца чем эта, так кажется бы и пахал весь день напролет не разгибая ноющей спины и не выпуская чапыг плуга отполированных до зеркала мозолистыми руками.

Солнце стояло уже почти в зените, когда быки помахивая хвостами, отгоняя надоедливых оводов, неспешно ступая, направились в сырую низинку, где возле ключа стояла сироткой оставленная утром телега.

Напившись, быки принялись хватать полным ртом сочную траву, не обращая никакого внимания на хлопочущих пахарей. Сергей разжигал костер, Степа набрал котелок воды, поставив его на закопченный трехногий таган, видевший на своем веку ни один покос и жатву. На дымок костра подошел Гнедок, засунув морду почти в костер. Его одолевала надоедливая

---

⁹⁵ Бороздовой – бык, следующий при пахоте предыдущей борозде.

⁹⁶ Загонный – бык, идущий по кромке невспаханной земли параллельно бороздовому быку.

⁹⁷ Уповод – отрезок рабочего времени в один прием, от перерыва до перерыва.

мошкара, забивающаяся в ноздри, уши, облепляя и выжигая глаза. Так уж пусть лучше дым глаза ест, решила наверно лошадь.

На завтрак, совпавший по времени с обедом, были пшеничные калачи, корчажка сметана, стоявшая в холодной воде ключа, копченое сало, надерганная Степой черемша, росшая в изобилии в ложбинке, и русская простокиша, она же бурятский тараг, кому как глянется.

Крупно порезанную черемшу, перемешанную с солью, мазали на ломти хлеба, поливая сверху холодной сметаной. Вкуснятина! Вприкуску копченое сало, и чтобы лучше скользило – простокваша-тараг. Но это не все. Настоящий забайкалец-гуран не насытится, если не попьет чаю. В закипевшую воду Сергей сбросил кусочек кирпичного чая и щепоть соли. После чего снял с огня, и забелил сметаной. Не мешало бы затурана⁹⁸ конечно, но ничего, и так сойдет.

После сытного обеда, пахари забрались под телегу, вздремнуть часок-другой, пока спадет полуденный зной. От набросанных в костре зеленых веток, по ложбинке тянулся дымок, растворяясь в прозрачном воздухе. Казалось, что все живое попряталось от несносной жары, все вокруг повымерло, затихло, лишь только похрапывание пасущегося Гнедка нарушало воцарившуюся тишину. Быки напаслись, и лежали в тени кустов, вздрагивая широкими спинами и могучими загривками, сгоняя докучавших им кровососущих насекомых. Сергей и Степа крепко спали, не замечая пирующих комаров, лишь изредка, поднималась во сне рука, и сочный шлепок заканчивал жизнь крылатого разбойника маленькой кровавой кляксой.

Уставшие пахари и не заметили, как к их лагерю подъехала группа всадников. Один из них, перегнувшись в седле и ухмыльнувшись, забасил.

– Бог в помощь, станичники!

Застланный врасплох Сергей подскочил, ударившись впопыхах больно головой о днище телеги, и нашарил положенный им в изголовье топор. С наступлением весны среди казаков ходили каждый год упорные слухи о шляющихся по лесам адъютантах генерала Кукушкина⁹⁹. Чем черт не шутит, может появился какой, или хуже того несколько. Свеживающаяся с телеги холстина затрудняла обзор и Сергею были видны лишь торчавшие частоколом конские ноги. Проснулся и Степа, протирая заспанные глаза.

– Сиди тут, – прошептал Сергей сыну, откинул рывком холстину, готовясь с топором наизготовку вылезти наружу.

Лишь показался кончик топора из-под телеги, тот же насмешливый голос продолжил, – счастливый под обед, несчастный под обух, верно племянничек!

Сергей в сердцах сплюнул. Как же он сразу не узнал голоса своего двоюродного дяди Игната Попова. Встав в полный рост, Сергей увидел перед собой с дюжину могойтуевских казаков во главе с отцом Марком. Чего это они сюда таким сугланом приперлись, мелькнуло в сознании недовольного Сергея, но спрашивать об этом он не стал, потирая с явной досадой ушибленное место. Шишак однако добрый вскочит.

Марк погрозил шутнику, по вине которого пострадал сын.

– Попотчую я тебя Игнаха святым кулаком по окаянной шее. Серьга вон головой чуть доску в телеге не проломил.

На голос деда из-под телеги выбрался и Степа, закричав от радости во весь голос.

– Бурядай, аба Бурядай приехал!

И действительно, один из приехавших на стан пахарей был Бурядай. Невозмутимо попыхая своей неизменной длинной серебряной трубкой-ганзой, он удивительно проворно для его возраста, соскочил из бурятского седла с кичимами¹⁰⁰, украшенными серебряными бля-

⁹⁸ Затуран – поджаренная на масле мука, добавляемая в карымский чай.

⁹⁹ Беглые каторжники именовали себя адъютантами генерала Кукушкина (как пришла весна и закукует кукушка – пора в бега).

¹⁰⁰ Кичимы – чепраки, кожаные накладки на бока коня.

хами и кожаными кистями, и качнувшись на дуговатых ногах обнял подбежавшего к нему Степу.

– Сайн байна батыр.

– Сайн байна аба, – ответил обрадованный мальчик.

Марк с некоторой ревностью следил за встречей двух друзей. Вишь как ластится-то к нему, словно к деду родному.

Казачи между тем, принялись спешиваться и подходя поочередно, здоровались со смущенным Сергеем за руку, догадывавшегося, зачем пожаловали незваные гости. Посмотреть новый плуг в работе.

И действительно, Марк Нижегородцев и братья Григорий и Яков Потехины собрались навестить Сергея в Рысьей пади, когда ко двору Марка подъехал Бурядай. Редкий он был гость в Могойтуе, калачом не заманишь, да кончились патроны к бердане, а тарбаганы-насмешники свистят на все лады, в котелок просят. А верный пес Нох-нох, таскал пойманных зверей к своей Дульсине, обходя вниманием старого друга. Так оно и есть, когда семьей обзаведешься, на первом месте жена и дети, друзьям приходится потесниться.

Марк смог уговорить Бурядаю поехать с ними посмотреть чудо-плуг лишь после того, как старик узнал, что он сможет увидеть там и Степу. Любил он обоих пострелять Степу и Прошку как своих внучат, особой нежной любовью, наставляя добрым примером на истинный путь. Ну а хваленый плуг был ему нужен, еще меньше, чем корове седло.

Пока выехали из Могойтуя кавалькада выросла до размера полувзвода. Все новые и новые казаки присоединялись к процессии, узнав о цели вылазки в Рысью падь. Цыганским табором, на разномастных лошадаках, одеты кто во что горазд, с удалым посвистом группа всадников, где мелкой рысцой, а где и в намет, двигалась по полевой дороге, оставляя за собой выющийся дымок взбитой копытами пыли, оседающей серым кисейным покрывалом на пылающее неугасимым огнем великое множество цветущих жарков, растущих в изобилии на разостланном зеленом платком широкой луговине. Нет краше картины для удалых казаков, довольных своей судьбой-судьбиной. Сегодня она родная мать, а завтра – злая война-мачеха.

Ну а пока едут казаки по трое в ряд, распевая дружно песню.

За Аргунью, за рекой
Казаки гуляют.
Э-гей, ой-да не робей,
Казаки гуляют.

Они свои каленые стрелы
За Аргунь пуцают.
Э-гей, ой-да не робей,
За Аргунь пуцают.

Они, братцы, ой-да храбрецы,
В поле разъезжают.
Э-гей, ой-да не робей,
В поле разъезжают.

Забайкальцы, ой-да храбрецы,
Бравыя робяты.
Э-гей, ой-да не робей,
Бравыя робяты.

Они, братцы, ой-да молодцы
Водку пьют, гуляют.
Э-гей, ой-да не робей,
Водку пьют, гуляют.

На этом месте, головы в казачьих фуражках с желтыми околышами, словно подсолнухи на солнце, повернулись разом, как по команде, в сторону Марка, ехавшего во втором ряду, и казаки уставились вождедеющими очами на объемистую сакву, где так призывно бряцали жестяные баночки со спиртом. Казак выпить не дурак, а на дармовщинку, тем более. Да и только ли казак?

Один из попутчиков, Семен Нижегородцев, приходившийся Марку родственником, разве что из-за одинаковой фамилии, рассыпался мелким бисером.

– Марк Сергеич, уважь обшество, плесни чуток, а то в горле пересохло.

Степенный Марк, не торопясь повернулся к худосочному, по его мнению отпрыску, уважаемого в селе семейства, смерил его от головы, покрытой смятой блином фуражки, до пят, облаченных в какие-то опорки из сыромяти, язвительным взглядом.

– Ты кого сунтуришь?¹⁰¹ За кисет решил меня подержать¹⁰² Поршень?

Мужики грохнули дружно смехом, встав единодушно на сторону Марка. Саква-то со спиртом у него. Сконфуженный Семен, он же Поршень, не имевший кстати ничего общего с двигателем внутреннего сгорания, получил свою кличку из-за неудовлетворительного состояния носимой им обуви. Забайкальские казаки сплошь и рядом носили собственноручно пошитые неказистые на вид олочи, но Семен перешеголял всех, сварганив высмеянные всем селом «мокасины», ставшие притчей во языцех и наградившие их создателя пожизненной кличкой.

И хотя казаки поддержали казалось бы Марка, их носы, устремленные на заветную сакву, говорили совсем другое. Не мешало бы выпить и закусить.

Пили прямо в седлах, закусывая по очереди одним шматком соленого сала. Лишь один Бурядай отказался от деликатеса, помеченного следами зубов посельщиков. Спрыгнув с седла, он выкопал пару луковиц сараны, решив стать на один день вегетарианцем.

Неспроста угостил Марк мужиков «дармовой выпивкой», и как покажут дальнейшие события, он окажется и на этот раз прав.

Полностью проснувшийся Сергей, почесывая шипак, пошел за быками, не спешившими подниматься с облюбованных ими лежков в тени раскидистых кустов ольхи. Сдурел хозяин, солнце вон еще едва зенит перевалило, а он уже очередной уповод зачинать надумал. Согласия быков так и не спросили, запрягая их в плуг. Мужики обступили тесным кольцом железную диковину, торчащую красной козявкой на черном брюхе поднятой целины. Полуденное солнце отражалось на зеркальной поверхности отвалок плуга, нарушившего вековой покой залежи. За межой, в траве, стрекотали неугомонные кузнечики, чуть дальше пели перепела нескончаемую песню «Фить-пирю, спать- пора». Но спать желали лишь одни потревоженные быки, даже Гнедко, запряженный впереди, косил тревожно одним глазом на шумевших ульем людей и прядая ушами ждал команды «Но Гнедко, пошел родной!».

Наконец «пахотная процессия» сдвинулась с места, и плуг, разрывая дернину, отвалил пласт лоснящейся жирной земли. Головным шел Гнедко, за ним три пары быков, сопровождаемых гордо вышагивающим рядом с плугом Сергеем, за ними куча галдящих грачами мужиков.

Лишь один Бурядай остался стоять, как прикованный на своем месте, покачивая седой головой. Чудные они эти русские. Такое приволье здесь. Какое хорошее пастбище на елани было, рядом водопой, даже аргал собирать не надо, вон сколько дров много, перерыли все,

---

¹⁰¹ Ты кого сунтуришь? – Что ты сказал?

¹⁰² Подержать за кисет- страсти, ограбить

испортили, *хаара баабгай*¹⁰³ такого не сделает. Не понимаю я этих русских. Как приедут, поселятся, первым делом строят деревянную избу-юрту, землю вокруг изроют, обнесут ее плетнем, огородом называют. Буряты иначе, волю любят, не нарушают природы, оставляя, все как есть.

Степа, помогавший отцу, поначалу и не заметил отсутствия абы Бурядая среди идущих за упряжкой казаков, расхваливающих на все лады «аглицкий плуг». Диву даются, как легко он пашет, оставляя после себя гладь пахоты, всем хочется занять такой чудесный плуг, да кусается он. Корову, а то и две, продай за эту железяку о двух колесах. И действительно плуг Липгартъ стоил по каталогу 43 рубля, но это в европейской части России. Пока довозили его по чугунке¹⁰⁴ до Читы цена выростала в полтора раза.

Так бы наверное и не заметил бы Степа, что Бурядай остался стоять одиноко на краю поля, если бы Семен Нижегородцев, не закричал бы.

– Казаки, глянь, красавка вон!

Все разом отвлеклись от созерцания плуга и пашни, устремив взгляд в указанную вытянутой рукой Семена сторону. Не часто приходилось им видеть даурского журавля.

И действительно, красавец журавль, расхаживал по свежей пахоте, выглядывая добычу. Вот он насторожился, подняв голенастую ногу, сделал шагок, и повернув набок украшенную белым башлыком голову, впился глазом, обрамленным нагой красной кожей в одному ему видимую цель. Все замерли, забытые быки остановились, радуясь случайной передышке, разорванной возгласом, вырвавшимся дружно из нескольких глоток. Журавль дернулся, совершив стремительный удар, и в его клюве оказалось какое-то мелкое животное.

– Жимбуру¹⁰⁵ споймал! – заявил авторитетно Марк. Разгоряченные выпивкой и презентацией, извиняюсь, показом чудо-плуга, мужики согласно закивали. Эх, везет же Марку. Какую лавку отгрохал, все имеет, разве только что птичьего молока у него нет. Вон даже красавка на поле к нему прилетел.

Журавль же, поймавший действительно зазевавшуюся мышшь, сделал несколько шагов и взмыв в воздух, полетел к развесистому осокору, где у него было гнездо с птенцами. Лишь два человека провожали его полет глазами – Бурядай и Степа.

Взметнулся погон, заскрипели ярмом быки, и плуг Липгартъ продолжил путь, распарывая целину железными клыками. Мужики шли следом, торгуясь с Марком в цене за дневную аренду плуга. Каждому из них хотелось заполучить плуг на свою пашню, вспахать такой же залог, сулящий хороший урожай, и соответственно барыши. Хитрец-Марк улыбался в дремучую бороду. Давайте-давайте мужики, пашите. По полтине в день – к осени деньги за плужок верну. А я, раз такой дёр¹⁰⁶, на той неделе смотаюсь-ка в Читу, куплю второго Эмиля Лихарда, чтобы одному не скушно было. Так-то оно верней будет.

Степа, заметив наконец одиноко стоящего Бурядая, припустил к нему во всю прыть. Подбежал, выпалил запыхавшись.

– Аба, видел красавку!

Бурядай закивал, все еще глядя в сторону, где за кронами деревьев скрылся журавль. Степа, рад-радешенек, скакал шаловливым козленком, донельзя довольный нечаянной встрече.

– Аба, а ты сказочку какую-нибудь знаешь про красавку?

– Про красавку? – переспросил Бурядай, витающий в мыслях в безоблачной синеве летнего неба.

– Ну да.

---

¹⁰³ Хаара баабгай (бурят.) – бурый медведь

¹⁰⁴ Чугункой звалась в простонародье Транссибирская магистраль.

¹⁰⁵ Жимбура или жумбура – мышшь-полевка

¹⁰⁶ Дёр – спрос

– Как не знаю, знаю, и не одну.

– Расскажи.

Бурядай посмотрел на межу, разделяющую лоснящуюся чернь пахоты и живую зелень елани. Очертания быков и людей, казавшихся на расстоянии ничтожными букашками, сливались, исчезая в испарениях, струящихся в знойном мареве жаркого дня.

– Ну слушай батыр.

Захотел журавль стать вождем всех птиц. Слетелись все птицы со всего мира, кроме самой маленькой, звали ее Буксэргинэ. Красивая птичка, певунья, как соловей.

Долго ожидали ее птицы. Журавль свою длинную шею вытягивал, смотрел: скоро ли прилетит красивая птичка. Не вытерпел журавль и пошел искать Буксэргинэ. Встретил ее, сердито спросил:

– Почему так долго не летишь? Все птицы тебя ждут.

– Я из далекого края летела, устала. Вот видишь – сижу, отдыхаю, кормлюсь.

Журавль совсем рассердился:

– Из-за тебя я до сих пор вождем не стал! – И начал клевать Буксэргинэ. Правое крыло ей сломал.

Заплакала Буксэргинэ, слетелись птицы, спрашивают:

– Что с тобой случилось?

– Вот журавль на меня рассердился, крыло сломал, лететь не могу.

Тогда птицы зашумели:

– О! Такой злой вождь нам не нужен. Он нам всем крылья переломает.

Птицы стали судить журавля и решили его наказать. Они сказали:

– Когда журавль будет лететь в теплые края и обратно, он должен носить на своей спине Буксэргинэ.

И теперь можно видеть: летит журавль, а маленькая птичка всегда сидит у него на спине.¹⁰⁷

Степа задумался, красавка был без птички на спине, все сходится – на дворе лето, не скоро полетят журавли на юг.

После одного круга быков выпрягли. Все, хватит, посмотрели. Казаки расположились в тени, продолжив дегустацию предложенных Марком напитков, Бурядай, сославшись на занятость поехал обратно, Степу отец отпустил рыбачить на озерко возле заимки.

До заимки Бурядай и Степа ехали вместе. Чуть заметная в траве малоезженная дорога спускалась по неглубокой ложбине, в которой царила приятная прохлада. На открытых солнцу небольших лужайках, в редких прогалинах между раскидистыми кустами черемухи, среди изумрудной зелени нетронутой травы цвели темно-желтые жарки и белые кашки. Их тянущиеся к свету длинные стебельки состязались в росте с лиловыми барашками многочисленных саранок. Чуть выше, по косогору, толпились вековые лиственницы и корабельные сосны. Их корневища, извиваясь причудливыми змеями, сползали по склону, бугрясь из-под земли вдоль и поперек травяной дороги. Чем дальше спускались вниз Бурядай и Степа, тем тише становилось в лесу, тем теснее обступали деревья дорогу и лишь редкие солнечные лучи пробиваясь с трудом сквозь густые кроны деревьев ложились причудливыми очертаниями на усыпанную опавшей хвоей землю. Ни один цветок, ни единая травинка, не оживляли красками неугасающей жизни полумрак мертвого царства, навевая унылые мысли о бренности бытия.

---

¹⁰⁷ По мат. книги В. Стародумова «Омулевая бочка», <http://irkipedia.ru>

Но не у двух путников, едущих стремя в стремя по узкой дороге. Так много интересного знает дедушка Бурядай. Степа, будь его воля, день и ночь находился бы с абой в степи, а еще лучше втроем, с Прошкой. Но увы.

На развилке дороге старый и малый расстались. Бурядай поехал в сторону Могойтуя, чтобы, не доезжая села, свернуть на тропу ведущую в степь, Степа к заимке, накопать в пере-превшей навозной куче удильных червей.

Страсть рыбака заглушила зов степи, и Степа, азартно орудуя трехрожковыми вилами, ковырялся усердно в поросшей лебедой старой навозной куче, вытягивая жирных червей. Гне-док, спутанный мальчиком, пасся возле избушки. От заимки до озера было подать рукой. Накопав пару дюжин дождевых червей, Степа кинул вилы, и схватил удилище. Все, пора на рыбалку, вилы потом уберу, может быть.

Подскакивая от возбуждения, то на одной, то на другой ноге, он припустил к скрывающемуся за развесистыми ветлами озерку, служащему водоемом. Когда-то давно, более ста лет тому назад, Степины предки возвели плотину, перегородившую в узком месте Рысью падь. Зимой на заимке находился скот, и его нужно было поить. Со временем плотина заросла березником и ивами, позже появились сосенки и лиственнички и уже ничего не говорило о том, что когда-то это был всего лишь пруд, где квакали лягушки. Родники подпитывали водоем лето и зиму проточной водой, и было бы грехом не запустить рыбу. Две дюжины карасей хватило с лишком. Уже через несколько лет озерко буквально кишело рыбешкой. Откуда-то появились гольяны, которых так любят щуки. Вот и получилось, как в присказке, на то и щука в озере, чтобы карась (гольян) не дремал.

В этом озере рыбачили только Нижегородцевы. А другим мужикам не было и нужды переться в такую даль, вон Онон под боком.

С ранней весны, когда начинались полевые работы, до поздней осени, когда вывозили снопы с поля, снабжало озерко исправно Нижегородцевых свежей рыбой. Один раз даже зимой, на Крещение поймал Сергей в проруби щуку. Но не как в сказке, ведром, а ударив ее ловко пешней и выкинув на лед. На такое случилось за все годы всего один лишь раз, потому, наверное, и врезалось так в память.

Гольянов ловили ивовыми мордушками, куда попадали и мелкие караси. Гольянов жарили с яйцами, карасиков кидали обратно в озеро, на дорасщивание. Уж больно костлявые они, а мелкие и подавно. Карасей удил на дождевого червя, или как его называют в Забайкалье – удильного. А что, логично. Раз удочка, значит и червяк удильный. Удочками рыбачили дети. Мужикам считалось зазорным сидеть с удочкой на берегу. Как женился, так и кончилась рыбалка. То залог пахать, то копнить, то снопы возить. А коли выдалась свободная минутка, так лучше с дружками пображничать, что и делали дед Марк и тятя Сергей с другими казаками, в то самое время, когда Степа наживив червяка, плюнув на него, произнес известную детскую присказку «рыбка клюй-клюй, на...» и забросил нехитрую снасть в зеркало озерка, надеясь на богатый улов. Кругом всюду цвел шиповник, обещающий хороший клев на карася. И действительно, не успело перышко поплавок освоиться на месте, как заплесало, ходя из стороны в сторону. Степа, несмотря на молодые годы, калачом был тертым, ни одного карася в сметане съел. Он уже знал, что это налетели голодные гольяны, не в силах заглотить жирного червяка. Внезапно поплавок успокоился, покачиваясь слегка на серой ряби воды. Степа насторожился, не сводя глаз. Вот он чуть сдвинулся, и пополз медленно влево, уходя под косым углом в воду. Все, пора! Подсечка, и золотистый карась вылетел пробкой на поверхность, отчаянно молотя хвостом. Не мешкая, Степа выкинул рыбку на берег, закричав во все горло от охватившего его восторга. Есть! Попался голубчик!

Отцепив рыбку, опустил ее в плетеную из ивовой лозы мордушку, стоящую, кверху горловиной, среди розоватых стеблей прибрежных кувшинок. Карась заплескался, привыкая к временному жилищу. Обнаженные до колен ноги Степы были измазаны в иле, комары роились

над мальчиком, но он не замечал в азарте их укусов. Карасей ловить – комаров кормить, еще не родился тот, кто иначе смог.

Четыре часа рыбалки пролетели как один миг. Далеко не каждая поклевка венчалась торжествующим возгласом. Чаше слышались вздохи огорчения, а иной раз «вот заразы, сожрали наживку», или что-то в этом роде.

Неизвестно, сколько бы еще стоял Степа на берегу озера, если бы от заимки не раздался оклик отца «Сына, где ты там? Иди, чаевать будем».

Только сейчас заметил Степа, что солнце спряталось за синеющими в предвечерних сумерках сопками и затухающие краски вечерней зари окрасили белоснежные облачка розовым подбоем цветущего шиповника, времени, когда так хорошо клюют караси.

Удочку пришлось оставить ночевать на берегу, так тяжела была мордушка с пойманными карасями. Отсвечивающими бронзой бляхами, шевелились они горкой в ивовом коробе, приятно тяжеля руки мальчика. Сергей, увидев идущего от озера сына, поспешил навстречу. Подхватив осклизлую мордушку, взвесил в руках. Ого, да в ней карасей фунтов шесть будет. Вот подфартило Степе, так подфартило, с ужином будем. Сын шел рядом с отцом, стараясь идти с ним в ногу. Добытчик растет, будет Сергею достойная смена.

Карасей жарили, как всегда, в сметане. Не зря среди забайкальцев бытовала поговорка *«Караси и шампиньоны любят сметану»*.

Следующим утром, еще не начинало зариться, отец и сын выехали в поле. Сергей пахал на быках, Степа боронил следом на Гнедке. Первый уповод, пока не поднимется жаркое солнце, второй, после того как спадет полуденная жара. В перерыве отсыпались под телегой. И так пять дён, от утренней и до вечерней зари волохали не щадя себя отец с сыном. Крепкий таежный загар покрыл лицо, руки и шею пахарей, одежда пропиталась соленым потом и пропахла дымом. Глянь со стороны – лешаки из лесной чащобы.

На шестой день, в субботу, Сергей отпустил с утра Степу на озеро рыбачить, а сам поехал посмотреть посевы. Ближе к обеду они собирались ехать домой. С пахотой слава богу управились, пора и честь знать.

Подъехав к засеянной пашне Сергей замер, зачарованный представшей перед ним картиной. Ядреные всходы темно-зеленой пшеницы-кубанки и светлой ярицы стояли сплошной щеткой, едва колышущейся под дуновением легкого ветерка.

– Эх, красотища-то какая, – рассуждал вслух он, любясь дружными всходами, – даст господь хорошего дождичка, с хлебушком будем нынешний год.

И действительно, словно услышал всевышний глас землешаца, погода начала меняться. Серые тучи заполонили небо, ставшее похожим на дырявую овчинную шубу, где сквозь прорехи проглядывала васильковая синь. Стремительные стрижи, рассекая потемневший, набрякший воздух узкими крыльями, пронеслись метеорами над поникшей травой и зашумевшими тревожно кустами. Замолкло разом щебетанье птиц, стрекотание кузнечиков, во всей природе чувствовалось перемена погоды, где солнцу не осталось места.

Сергей заспешил обратно к заимке. Поторапливаться надо, а то заждется, застрянешь здесь. Анистья, любушка моя, заждалась нас поди, все очи проглядела, да севодни и в баню надоть, лапотина-то грязна как, воняшь, адали козел-гуран. На этом месте Сергей улыбнулся – гуран. Интересно, кто назвал нас забайкальцев так, гуранами. Рассуждать дальше на эту тему не представлялось возможным. От Онона, от скрытых в серой дымке горных кряжей Могойтуйского хребта, надвигалась стена дождя. Когда Сергей подъехал к заимке упали первые капли, взбив дорожную пыль. Степа уже ожидал отца. Утренний улов – дюжины две карасей шевелились на кукане из ивовой ветки. Перед дождем клевало хорошо, но и Степа соскучился по дому, хлебнув досыта радостей неустроенной походной жизни. Там поди мама пирожков настряпала, да щей наварила, вот попируем!

Все, и даже упрямы-быки, желали попасть скорее домой. Прискучил им, надоел хуже прелой соломы, железный плуг Липгартъ. Пушай его другие быки теперь потягают.

Всю дорогу до Могойтуя шел дождь. Мелкий, забористый, как сквозь сито просеянный дождик, божья благодать для хлебов и их сеятелей.

Прошло пять лет. Пять раз выезжали в поле казаки-хлеборобы, чтобы разбросать щедрой дланью золотистое жито, надеясь собрать осенью хороший урожай, пять раз вырастали островерхие клады снопов и несжатая полоска хлеба красовалась «Никулиной бородкой¹⁰⁸», в благодарность за щедрость к людям житного деда. Казалось все было также, как прежде, но присмотревшись, увидел бы внимательный человек среди желтеющих полос пшеницы, клонящейся к земле спеющим колосом, заброшенные, невозделанные пашни, где растут лебеда и пырей, а не ярища и гречиха, заметил бы некошенные сенокосы, где побуревшие прошлогодние будылья торчат среди красочного разноцветья и сочной бушующей зелени лета. Два года, как не сеются пашни, два года, как не звенят по росным логам косы, не стоят островерхие стога и лобастые зароды сена. Два года как идет проклятая разлучница-война и казаки оседлав коней, умчались по зову Родины, чтобы возможно никогда больше не увидеть милые сердцу края.

Не стало в крестьянском хозяйстве сильных рабочих рук, меньше стали сеять хлеба, меньше накашивать сена, но жизнь, как река, текла неумолимой чередой заполненных заботами дней дальше и дальше, рождались дети, умирали старики, и иногда, гулялись и свадьбы.

Каждый год, перед Петровым днем¹⁰⁹, оживало село, гудя растревоженным ульем. Выбранная на сходе комиссия приступала к дележке покосов. Происходило это следующим образом. Атаман, писарь и три понятых объезжали окрестные луга, определяя качество травостоя, прикидывая на глазок, сколько можно будет накосить сена с того или иного участка. Если травостой был отменным, ложили большее число паев, при низкорослой и редкой траве – естественно меньше. При объезде сенокосных участков производилось измерение площади в оборотах заднего тележного колеса (имеет больший диаметр, чем переднее), на которое прикреплялась метка (привязанная тряпица). После чего измененный участок делился между хозяевами вытянувшими жребий на этот сенокос. Кажущаяся справедливость была мнимой. Сенокосы делились по количеству скота, что было естественно на руку зажиточным казакам.

Кроме того, на отдаленных от села покосах могли косить все желающие. Доставка сена с них была очень трудоемкой, так как она проводилась исключительно в зимнее время. Бить в глубоких снегах дорогу-зимник, переметаемую вьюгой, короткий световой день и крещенские морозы, являлись плохими союзниками в этом деле. Имеющие много скота казаки нашли и здесь выход. Выкашивая дальние сенокосы, они оставляли сено на месте, строя в таких местах заимки, куда перегоняли осенью часть скота (обыкновенно молодняк) на зимовку. Переиначив известную поговорку, можно было бы сказать – если зарод (сено) не идет к корове, то корова идет к зароду (сену). Нанятые работники, обычно пожилые люди и подростки, подвозили сено, чистили навоз, живя по несколько месяцев в зимовьях. Такие заимки основывались казаками и на китайской стороне Аргуни, в Трехречье, но об этом позже.

Нижегородцевы относились к числу зажиточных старожил Могойтуя и в числе немногих имели собственную заимку в Рысьей пади. Просторное, рубленное из толстых бревен зимовье, служило в студеные зимы прибежищем наемных работников старика Андрона Волохина, скотницы и по совместительству стряпухи Дарьи, и одного из сынов хозяина Сергея Нижегородцева, Мишки или Степы, живших переменке с добродушным дедом и хлопотливой Дарьей.

---

¹⁰⁸ «Никулина бородка» – закрученные в пук колосья на нежатом клочке поля, оставленный крестьянами для житного деда (или полевого духа) – божества, сохранившегося в традициях крестьян со времен славянской мифологии

¹⁰⁹ Петров день – день святых апостолов Петра и Павла в народном календаре славян, приходящийся на 29 июня (12 июля по новому стилю). День окончания «купальский празднований», начала летних свадеб и подготовки к сенокосу.

Бывший бобылем Андрон жил безвылазно зиму на заимке Нижегородцевых, приглядывая за скотом и пацанами. Летом, перебивался с воды на квас в своей зиявшей дырами, полусгнившей деревянной избушке, ковыряясь на огороде и глядя с тоской в слезящихся глазах на вековую тайгу, где за увалами скрывалась заимка, влекущая его сметаной и крупяными шаньгами стряпухи Дарья.

Чистое и ухоженное зимовье, с двумя выходящими на южную сторону окнами, земляным полом, застланным свежей хрустящей ржаной соломой, свежо побеленной кутней стеной и дышащей жаром русской печкой, откуда пахнет приятно напревшими шами с жирным мясом, просторные нары, застеленные шубами, со свертками потников в изголовьях, до желта выскобленные дощатый стол и лавки, на полках аккуратно расставленная посуда: глиняные миски и деревянные ложки, рядами чумашки и туски из бересты – такой представлял себе дед Андрон зажиточную жизнь, о которой мечтал он и не смог достичь.

Поздней осенью, еще до Покрова, привозил Сергей Нижегородцев деда Андрона на заимку. Как хороший управляющий, рачительный хозяин, обходил дед все обширное хозяйство, заглядывая в каждый уголок, проверяя, все ли в должном порядке, приготовил ли ему Сергей заделье на долгую зиму. Дед Андрон мял коноплю, суча из нее постегонку¹¹⁰, валял из овечьей шерсти катанки, плел из бересты чумашки и корзинки. Одним словом – на все руки мастер.

Каждое утро вставал дед в потемках и растапливал первым делом печь, после чего шел в стайки, проверить скотину.

– Вот непоседа же, – ворчала вслед ему Дарья, – пошто встал, ни зги не видно на дворе то, – после чего поднималась сама, стряпать колоба, да варить чай.

Убирать скотину¹¹¹ начинали когда рассветает. Дарья доила, или как говорят забайкальцы «чилькала» коров, дед Андрон и Степа гнали скот к водопою на озеро, чистили навоз, подстиляли солому, накладывали душистое таежное сено в кормушки.

Неспроста поднимался дед каждое утро в такую рань. Заглянув в стайки, дед Андрон брал пешню и шел к озерку, чистить проруби. Чтобы они меньше замерзали сплел он маты из соломы и ивовых веток. Набрал воды себе в ведра, попил скот, положил наверх соломку, и потопал с коромыслом в зимовье завтракать.

В случающиеся оттепели укрытые проруби не замерзали, в Крещение не помогали и соломенные латки. То не беда, приговаривал дед Андрон, скинув на снег полушубок, долбя усердно лед пешней. Не забывал он и традиций. Кряжистый, как листовяжный сутунок, перекрестившись, окунулся дед Андрон в ледяную воду и выскочив с вытаращенными как у карася глазами, облачившись наскоро в шубенку и валенки на босу ногу, бежал трусцой в skutаную¹¹² Дарьей баню. Хлеща себя нещадно пихтовым венником, то и дело приговаривал «Ах моя банёночка, ласкова бабеночка!» Напарившись, пил долго чай с сушеной малиной. Как не уговаривал он искупаться с ним ядреную телом Дарью, не соглашалась она. Ну тебя к лешему, а то еще спину в бане потереть попросишь. Степа попробовал разок, окунулся до пояса и вылетел пробкой. Зашлось сердечко у пацана, зуб на зуб не попадает, кое-как добежал до бани.

Дед Андрон поглядел вслед, прогудел в седую бороду, – худоват ишо, жирка не нагулял, – и шагнул смело в прорубь во второй раз.

– Хо-ро-ша водица, адали парное молоко! – только и успел проговорить Андрон, после чего выскочил наружу, потрусив резвой рысцой следом за Степой. Да дед Андрон, старый конь борозды не испортит, но и глубоко не вспашет.

---

¹¹⁰ Постегонка – драгва

¹¹¹ Убирать скотину – ежедневная работа в хлеву; чистить навоз, кормить и поить скот.

¹¹² Скутаная (баня) – натопленная

Каждый день трудились Андрон, Дарья и Степа в поте лица. Эти утром управившись со скотиной дед Андрон и Степа поехали на двух конях за сеном. От широкого проулка, разделявшего крытые соломой вместительные стайки от огороженных березовыми жердями пригонов, куда выгоняли на день скот для кормежки, блестящий зеркалом зимник шел резко в гору. Цокот кованых на полный круг¹¹³ коней нарушил тишину дремлющего под шапками кухты зимнего леса. Мороз на восходе солнца сделался еще крепче. По правую руку, на востоке, порозовела, наливаясь цветом спеющей малины лысая макушка сопки и вот уже первые лучи, пробив себе дорогу сквозь пушистый куржак на ветвях елей, осыпали искрящимися алмазами припорошенную снегом крышу зимовья, над которой поднимался белым столбом печной дым, растворяясь где-то высоко-высоко в лазури бездонного неба. Чуть поодаль, рядом с пригоном, золотился омет ржаной соломы, к которому тянулись через жерди выпущенные на прогулку бычки и нетели.

Подъехав к начатому зароду, дед Андрон встал на воз, Степа сбрасывал сверху пласты спрессованного сена. Несмотря на солидный возраст, седьмой десяток лонись¹¹⁴ разменял, Андрон умело укладывал, перехватывая ловко на лету тяжелые навильники. Зеленое остречное сено, с диким клевером и вязилью, издавало ароматы прошедшего лета, навевая Степе воспоминания о дедушке Бурядае. Зимой отец не пускал его в степь, вон дома работы невпроворот, да и откочевал Бурядай с баранами поближе к монгольской границе, туда, где меньше снега.

Но и на заимке было много интересного. Уложив два воза, придавив нагруженное сено бастриками¹¹⁵ и увязав веревками, свитыми из конопли дедом Андроном, отправились в обратный путь, сделав остановку в осиновом околке, где Степа насторожил петли на зайцев. Еще дорогой сюда проглядел он себе все глаза, надеясь заметить пойманного косога. Сбегать бы поглядеть, но увы. Такой казался бы добродушный дед Андрон был строг, делу время потехе час. Вилами шибче шевелить малый будет. Нагрузим сено – тогда иди смотри.

Положа руку на сердце деду Андрону и самому хотелось бы пойти со Степой, проверить ловушки, но лыжи были лишь одни, да и заморился старик, курнуть лучше, глядишь полегчает. Привстав на цыпочках, пытался он разглядеть, что происходит в осиннике, не забывая давать советы.

– Ты голой рукой не трожь, петлю-то, учует ушкан, отвернет.

Степа, несмотря на свой юный возраст, считал себя уже опытным охотником. Сам с усами. Со знанием дела находил он узкие места, где заячье тропа проходила под поваленным деревом или пробиралась сквозь густые заросли, где косому волей-неволей приходилось трусить набитой тропой. В таких местах и ставил свитые их конского волоса петли.

– Поймался деда! – звонкий крик огласил тишину зимнего леса, и улыбающийся Андрон, оттеребив сосульки с бороды довольно забасил, – в меня пошел Степа то, хваткий, ничего с рук не вывалится!

Верно то было. Пошел Степа в своих прадедов, пришедших, когда-то сюда из-за Большого Камня, в деда Марка, отца Сергея, абу Бурядая и деда Андрона, унаследовав, научившись от каждого из них полезному в жизни.

Круглый год радовала таежная заимка Нижегородцевых, зимой держали там скот, весной сеяли на еланиях хлеб, пахали залоги, летом косили по логам сено, собирали в лесу грибы и ягоды, осенью жали серпами и жнейкой тугие колосья, не забывая оставить «Никулину бородку», и не только. Берегли и заботились о наследстве, оставленном им пятидесятиком Сергеем Нижегородцевым, завещавшим сынам, не рубите лес возле избушки, красоту не губите. С тех пор не упало ни одного дерева возле зимовья рубленного «Первым Сергеем».

¹¹³ На полный круг – все четыре копыта

¹¹⁴ Лонись – в прошлом году

¹¹⁵ Бастрик – прочная жердь для стягивания воза сена, соломы или снопов.

Уже давно нежилое оно, стоит, просев до земли затянутым берестой оконцем, зеленея мхом прогнившей крыши, доживая свой век.

За дровами ездили в соседний лог. Березы ровные как свечи, дрова колются с них как сахар. Дрова готовили либо весной, когда гнало сок, либо в зимнюю пору. А летом, после Ильи¹¹⁶, когда у доброго хозяина сено стояло сметанным в островерхие стога и крутобокие зароды, приезжали Нижегородцы в березовый лог за груздями. И не было еще такого года, чтобы возвратились они домой пустыми. И не лукошками собирали грибы, а телегами, подвозили к озерку, что возле заимки, где грузди мыли и мочили.

Но нынче было еще далеко до этого дня, покос только начался, и раздававшийся по всему селу мелодичный стук перекликающихся токующими тетеревами молоточков, говорил однозначно о том – завтра все село выезжает на покос. Хотя некоторые, самые нетерпеливые выехали в тот же день, когда разделенные на паи участки забелели свежими кольями, отмечающими границы сенокосных участков.

Сергей Нижегородец к таким не относился. Поспешешь – людей насмешишь. Выедем завтра утречком по холодку, соорудим балаган, чтобы все было как у добрых людей, и там уж с богом зачнем.

Участок, выпавший в этом году семье Сергея Нижегородца граничил с одной стороны с деляной казака Петра Короедова, приходившегося Нижегородцевым родственником, как и впрочем и почти все остальные поселщики из Могойтуя.

Петро, невысокий жилистый мужичок, походил на неприхотливую даурскую березу, выросшую всем ветрам назло на скальном утесе Могойтуйского хребта. Его красно-бурое, похожее на переспелую брюквину, побитое оспой лицо говорило однозначно, что его говорливый владелец был не дурак выпить. В детстве из-за уродливых оспин, исказивших истинный облик Петра, бывшего на самом деле добрым малым, дразнили «Короедом». Однако древесно-жуковый псевдоним на даурской березе не прижился, и всему селу, от мала до велика Петр Короедов был известен под кличкой «Значитца». Да вон он и сам, собственной персоной, идет к Сергею Нижегородцеву договариваться насчет покоса.

– Сергей Маркыч, живого видеть! Значитца суседями на покосе будем, – зачистил он скороговоркой, не давая Сергею вымолвить и слова, – балаган-то где нынче ставить решил?

– У Шаманки, возле Николиного ручья думал.

– Вот и я говорю, у Шаманки, значитца. Сундалой-то оно ловчее. Как думаешь?

– Да по мне что ни поп, то батька, вместе плешничать¹¹⁷ будем, – поддержал шуточный тон Сергей, не особенно радуясь болтливому соседу.

– Ну и ладушки, значитца завтрашь утрешь выезжаем.

Ну почему прозвали так Петра Короедова, вы «энтэ значитца» надеюсь поняли.

Степа, присутствовавший при разговоре отца с дядей Петей Значитца, ликовал в предвкушении сенокосной страды. Другим соседом Нижегородцевых по покосу была семья закадычного Степкиного друга Прошки Рукосуева. Степа, шестнадцатилетний парень, мало напоминал того вихрастого пацана, каким он был пять лет тому назад. Коренастый крепыш, старался держать себя солидно, подражая отцу, не соря без нужды словами. Лишь только чуб, лихо зачесанный на козырек сбитой набекрень фуражки, остался прежним, непослушным вихром-казачонком.

Вчера, напросился Степа с отцом, выбранным понятым на обмер и разбивку покосов. Возьми меня с собой, интересно. Сергей не хотел поначалу, непорядок то, лишь члены комиссии во главе с атаманом могли присутствовать при столь важном деле. Станичный атаман Потап

---

¹¹⁶ Илья или Ильин день – церковный праздник пророка Ильи. Отмечается 20 июля (2 августа). От Петрова (29 июня (12 июля) до Ильина дня лучшее время для уборки сенокоса.

¹¹⁷ Плешничать – заниматься ерундой

Потехин, приходящийся Степе дядей, был не против. Пусть едет, подрастет ему булаву¹¹⁸ таскать. Станичных атаманов в Могойтуде выбирали согласно укоренившимся веками традиций из Поповых, Потехиных и Нижегородцевых, самых многочисленных и влиятельных семейств, основавших Могойтуйский караул.

Избоченья в седле, безмерно гордясь оказанной ему ролью, Степа ехал на бегунце среди бывалых казаков кричавших не раз «*Руби их в песи, круши в хузары!*», обрушивая острые клинки на головы врагов Царя и Отечества. Густые травы доходили коням по брюхо, местами касаясь стремени. Воздух был напоен умопомрачительным ароматом множества ярких цветов; красных маков, синих и бордовых колокольчиков, желтых лилий, зовущихся грамофончиками, дикого клевера, и над всем этим бушующим разноцветьем порхают и кружатся бесчисленные мотыльки и бабочки, и неумолчный стрекот кузнечиков звенит в ушах чарующей мелодией лета, песнью нескончаемой жизни.

Поодаль, по широким зеленым еланиям пестрят чуть заметные глазу полоски хлебов. К концу сенокоса обозначатся четко границы пашни, отделятся от леса наливающимся желтеющим колосом поля пшеницы и ярицы, зашумит, заволнуется темнеющими волнами забруневший¹¹⁹ овес и от розовеющих нежным цветом гречишных полей нанесет на покосы ветерком запах меда.

– Копен тридцать с десятины смело будет, – осмелился сказать Степа, прикинув на глазок травостой.

– Через край хватил малый, – осадил его рябой писарь, недовольный присутствующим «посторонним». Проели мне всю плешь эти Нижегородцевы, особливо дед евоный, Марк, лавочник. Ух и жила!

Атаман глянул гневно на являвшегося аховым наездником писаришку, и не особо церемонясь рявкнул рассерженным гураном.

– Чево вертишься, как сыч на колу? Ты мне лайку не распускай! Пиши вон, и помалкивай!

Писарь заткнулся наказанной хозяином собачонкой, строча обслонявленным карандашом в разлохмаченной тетрадке, затаив злобу. Ну погодите у меня, будет еще и на моей улице праздник.

В день выезда на покос, уже после первых петухов задымились в Могойтуде первые бани. Раноставы спешили провести обязательную процедуру помывки в бане и моления в горнице при горящих свечах. Всегда так было у православного люда, так должно и остаться. Весь поселок наполнился скрипом дверей, мычанием буренок, радостного говора людей. Севодни на покос!

Семья казака Сергея Нижегородцева не являлась исключением. Проводив коров в стадо, она в полном составе: отец, мать и пять сынов выехали на трех повозках на покос. Да, вы не ослышались, пять сынов. Три года тому назад, в 1913 подарила Анисья Сергею пятого сына, названного Петром. Уж так хотелось ей дочку, хватит уже мужиков, с Сергеем их пять, но на свет появился Петя. Сидят сыночки на телеге в рядок, словно славные грибочки, один одного ростом догоняет. Михаилу девятнадцать, Степе шестнадцать, Сергей Сергеевичу одиннадцать, тезке Пушкина шесть и Пете-петушку три. Вон сколько помощников у отца и матери.

На телегах находился сенокосный инвентарь: косы, деревянные и железные вилы, ручные грабли, оселки, козелок и молоточек для отбивания¹²⁰ литовок, запасные зубья к граблям. Кроме того, топоры и двуручная пила, потники и два старых полушубка, пайвы и чуманы¹²¹

¹¹⁸ Булава являлась символом власти и являлась неотъемлемым атрибутом власти каждого поселкового и станичного атамана. В Могойтуйской станице, состоящей из одного поселка эти должности были совмещены.

¹¹⁹ Забруневший, от забрунеть – начать спеть (о плодах), созреть наполовину.

¹²⁰ Небольшая наковаленка-бабка, сверху слегка овальной формы, прикреплена для удобства (работы сидя) на скамеечке. При «отбивании» кос утончается режущая кромка, что упрощает последующую заточку косы.

¹²¹ Пайва, чуман – различная берестяная посуда, отличающаяся по форме и размеру.

с собранной на покос едой, лагушок¹²² для питьевой воды, таган, ложки-поварешки и другая хозяйственная мелочь, отсутствие которой обыкновенно замечают при прибытии на место, вспоминая невольно поговорку «мал золотник, да дорог».

С раннего утра потянулись из поселка многочисленные тархтящие по ухабам подводы с людьми, инвентарем, провиантом. Словно пчелы из улья тянулись они, направляемые незримой рукой, к благоухающим цветам сенокосам. Кто-то ехал налегке, старясь попасть первым, другие, не торопясь, делая все солидно. К ним относились и Нижегородцевы. Покос от нас никуда не убежит, вон они стоят колышки, отметившие наш пай.

Приехав на место, взялись первым делом за обустройство стана. Сыны, впятех¹²³, молодцы, один одного краше, схватив три топора и две свистульки отправились рубить березки. Сам Сергей принялся скашивать траву на месте облюбованным им для устройства балагана. Этим он убивал двух зайцев сразу. В траве гнездятся полчища комаров, и скошенная трава была необходима для сенокосного жилища. Анисья приехала на покос всего лишь на один день. Помочь своим мужикам устроиться на месте, и самое главное – сделать зачин.

А пока она сгребала скошенную мужем траву в кучу, поглядывая украдкой на Сергея. Машет-то косою, как оглашенный, муженек мой, сокол ненаглядный. Заметив взгляд жены, Сергей еще шире расставил ноги, стараясь захватить пошире полоску скашиваемой травы. Вжик-вжик, свистит остро отточенная коса, ложатся, поникая колокольчики и ромашки, сбиваясь в тугой, ершавшийся цветами валок, так напоминающий девичий венок. Словно прочла эти мысли Анисья, выбрала из валка цветы, сплела венок, сняв бабий платок, возложила на голову. Никто меня здесь не видит, кроме Сергея, для него это. Берег он свою Анисью, шутя говоря, на другую жену денег у меня не хватит, да к тому же неизвестно, будет ли новая лучше.

Отбросив косу, Сергей сделал лишь пару шагов, намереваясь обнять Анисью за стройный стан, как от околка раздался звонкий голос Сергуньки.

– Тятя, тащить березки?

Остановившись на полдороги, Сергей с сожалением вздохнул, и прокричал в ответ.

– Неси сына, у нас готово!

Очищенные с одной стороны березки, установив шатром, связали макушками, и закидали сначала срубленными ветками, а затем толстым слоем травы. Несрубленные снаружи балагана ветви служили упором и не давали «зеленой крыше» сползти вниз. В балаган натаскали травы на постель, наверх кинули войлочные потники и шубенки, сложили пайвы и чумашки. Прихваченную из дома дерюжку – на вход, готово!

Осталось за малым. Перед сном развести внутри костерок-дымокур, чтобы выгнать зануд-комаров, и вот оно походное жилище сенокосчиков. Сметану в глиняной корчажке поставили в холодную воду ручья. Там она не закиснет, простояв несколько дней, пока Анисья не привезет из деревни свежей.

К полудню на стане Нижегородцевых выросли четыре пузача-балагана. Семьи Сергея Нижегородцева, Георгия Рукосуева, отца Прошки, и двух других могойтувских казаков, приходившего вчера говоруна Значитца и навязавшегося в кампанию Поршня, громогласно заявившего «Одним сугланом веселей будет!»

Сергей покачал лишь головой, зная по опыту, чем кончались встречи Значитца и Поршня. Подвыпив, начинали они выяснять, как это среди дальних родственников водится, степень родства. Приходились они друг другу, то ли троюродными братьями, то ли бог весть кем, величая однако себя кумовьями. После третьей рюмки дрались, после шестой мирились, чтобы затем подравшись во второй раз, заснуть на столе или под столом крепко обнявшись неразлучными кумами.

---

¹²² Лагушок – бочонок конической, суживающейся кверху формы, с двойным дном и втулкой в верхнем дне.

¹²³ Впятех – впятером

Четвертый из посельщиков, Георгий Рукоусев, Прошкин отец, был сослуживцем Сергея Нижегородцева и происходил из разорившейся казачьей семьи, что было среди забайкальских казаков далеко не единичным явлением. Почему, об этом чуть позже.

Биография семьи Рукоусевых началась многообещающе во здравие, и закончилась за упокой. Отец Георгия богатырь Софрон, родом из Зоргольской станицы, женился на могойтуйской казачке из зажиточной семьи Поповых. А что Поповы, что Потехины, что Нижегородцевы – один суглан, переженились, перекумились, сам черт ногу сломит. После шумно отпразднованной свадьбы построили всем гуртом в Могойтуде дом, дав на новоселье наказ – живите, трудитесь, плодитесь!

Домовитая Акулина и жадный на работу Софрон трудились в поте лица своего, вставая до зари, ложились, когда другие уже шестой сон видели, не забывая однако третьего пункта наставления. Неполную дюжину подарила Акулина Софрону, из которых шесть детей выжило – три мальчика, и три девочки. В ежедневных трудах и заботах, стайкой голубей незаметно пролетели годы. Вырастили, подняли на ноги всех шестерых, собрали девчатам приданое, выдали их замуж. Но раскошелиться, три свадьбы справить, все село пригласив, было полбеды. Пришло времечко собирать сынов-казаков на службу, вот тут-то и началось то, что переломило хребет Рукоусевым.

Дело было в том, что призывающийся на службу казак должен был приобрести снаряжение, обмундирование, оружие (за исключением огнестрельного), коня, за свой счет из личных доходов своего хозяйства. От кавалерийского седла¹²⁴, являвшегося самой дорогостоящей частью снаряжения, до флажка на пику и запасных подков, все должен предъявить казак явившийся на смотр, чтобы не пришлось краснеть его отцу перед всем селом. И все это удовольствие стоило 250–300 рубликов, вынь да положь.

Собрал Софрон двух сынов-погодков на службу, разорился до нитки, хоть по миру иди, милостыню собирай. А тут еще третий, Гоша на подходе. Как говорится, хоть яловый, но телись.

Надеялся Софрон, вернутся сыны со службы, наверстают, поднимут пришедшее в упадок хозяйство. Но увы. Большак Тихон, звавшийся дружками Тихоней, учудил, лучше не придумаешь. Втюрился, как тарбаган в петлю в китайнку, женился на ней без благословения родителей и не казав глаз в Могойтуде, остался с ней в китайском городе Хайларе, где русских было пруд пруди.

Средний сын, Иван – того хуже. В 1906 году разгонял, служа у генерала Ренненкамппа, бастующих железнодорожников на станциях Борзя и Чита-1, где и познакомился с некоторыми из них поближе без казачьей нагайки. Вернувшись со службы, переночевав одну ночь под крышей отцовского дома, уехал в Читку, где устроился на работу в железнодорожные мастерские слесарем. Провалилась она в тартары слава казачья, да жизнь собачья.

Решение сына подкосило трудолюбца Софрона под корень. Деповщина – хуже мужика сиволапого, такой позор отцу на старости лет.

Один младший Гоша остался у отца с матерью, последняя надежда в этой жизни. Может хоть он пойдет стопами отца, возродит крестьянское подворье, подарит родителям утешение, внеся успокоение в их исстрадавшиеся души. Но подошло время и Георгию отправляться на ратную службу. Денег в семье не было, оставалась одна дорога – идти в батраки, зарабатывать себе коня и шашку. Но не в родной же станице, стыдно, вот и уехал Гоша Рукоусев в Акшу из Могойтуды, совестно было ему и родителям-старикам перед родственниками – голытьба, с того времени и дала трещину семейная спайка, сторониться стали их посельщики. Но Георгий не сдавался, мечтал, вернусь со службу, раздую кадило, утру нос зазнайкам.

¹²⁴ Кавалерийское седло стоило от 70 до 80 рублей, что превышало стоимость строевого коня.

Служил Георгий в одной сотне с посельщиком Сергеем Нижегородцевым, охраняя строящуюся железную дорогу в Маньчжурии, получившую позже название КВЖД. Служба протекала спокойно, если не принимать во внимание редкие стычки с хунхузами и усмирение китайцев, недовольных засильем иностранцев, к которым относились и русские, на их исконной земле. В свободное от караулов время Георгий и Сергей приучались к чужой культуре, поедая в харчевне паровые пампушки и закусывая их вонючим ханшином.

Одна из стычек с хунхузами изменила навсегда течение жизни забайкальского казака Георгия Рукосуева, направив челн его судьбы в пропахшее болотиной тупиковое русло.

Шесть казаков, охранявших станцию Мяндухэ, приняли бой с бандой хунхузов в тридцать человек. Обнаглевшие безнаказанностью хунхузы напали на станцию среди бела дня. Завязалась перестрелка. Уже первым выстрелом сбил Георгий одного из бандитов. Сергей тоже не зевал, выцеливая мелькавших среди вагонов грабителей. Но силы были неравны. Один из казаков уткнулся, упав ничком на негостеприимную землю, и его земляк положил ему на глаза два медных пятака. Смерть товарища разозлила оставшихся казаков. О том, чтобы отступить, оставить станцию на разграбление, не могло быть и речи. Сблизившись, схватились в рукопашную.

Сергей заколол одного хунхуза штыком, Георгий сцепился с другим. Ловкий, как кошка, прыгнул он на него, взмахнув клинком, распорол, словно подопревший куль с зерном. Огляделся, где следующий? Ага, вон, крадется волком к зазевавшемуся казаку. Несдобровать бы ему, если бы не Георгий, отлично владевший ножом. Вытащив из-за голенища, ловко метнул, угодив точняком в горло. Захрипело, забулькало, потекла кровь злодея на халат, расписанный драконами, огонь из пасти мечущими.

Спас Георгий сослуживцу жизнь, да сам угодил нечистому в лапы. Не ожидавшие такого сопротивления хунхузы бросились врассыпную, отстреливаясь на ходу. И надо же было такому случиться, угодила шальная пуля в правую руку Георгия, перебив кисть.

После госпиталя рука начала сохнуть, не было в ней прежней силы, культия, да и только. Вот так и случилось, что из бравого казака Георгия Рукосуева получился жалкий инвалид Гошка-пахаручка¹²⁵.

Вековал бы свой век искалеченный Георгий извечным горемыкой-бобылем, если не пожалела бы его казачка из бедной семьи, да богатая и не пошла бы замуж за инвалида. Тяжелую работу, пахать да косить, Георгий выполнять не мог, но приловчился к столярному, бондарному и другому ремеслу. Начал с плетения корзинок да туесков, гнал деготь, но уже скоро перешел на маслобойки, прялки и телеги.

Отец Георгия, Софрон, к тому времени уже умер, так и не дождавшись возрождения порушенного хозяйства. Большие надежды возлагал он на младшего сына, но увы. Унаследовав от отца золотые руки, хоть по дереву, хоть по коже, что хочешь сделает, любо-дорого посмотреть, начал Георгий попивать. Да кого там, пил запоями, по две-три недели, не просыхая. Спустит все до нитки, просит прощения у жены Пелагеи и детей Проши и Глаши, все, больше не буду, да кого там, как попадет шлея под хвост, начинается все сначала.

Жили Рукосуевы бедно, очень бедно, другой раз хлеба не было на столе. Вот и пришлось с малых лет Прошка мантулить на могойтуевских богатеев, на троюродных дядек, кумов да сватов, седьмая вода на киселе.

Степа Нижегородцев любил бывать у Рукосуевых. Мал был еще, не бросалось ему в глаза ни скромное убранство избушки, ни покосившиеся, крытые кое-как камышом повети, ни просевшая крыша стайки, в которой мычала жалобно единственная корова. Лошади у Рукосуевых долгие годы не было. Как ехать на покос, или привезти дров из леса, приходил Георгий к однополчанину Сергею Нижегородцеву. Чаще всего после очередного запоя, заросший щетиной,

---

¹²⁵ Пахаручка – однорукий человек

что дикий кабан. Пряча глаза, стыдно, просил коня с телегой. Сергей ему никогда не отказывал, но все же не мог понять. Ну коня нет, а телегу-то мог бы себе сделать. Вон сколько продал их за бесценок.

Посельщики знали слабое место Гошки-Пахаручки, и пользуясь этим, старались покупать у него, когда тот был во хмелю. Дешевле обойдется.

Пить Георгий пил, но совесть ни пропивал. Возвращал Сергею взятого внаем коня с нагруженными на телегу черенками, ручными граблями или запасными осями и ступицами для телеги. Ходовой товар в деревне. Все сделано добротнo, комар носа не подточит.

В этом году Рукосуевы ехали в первый раз на покос на собственном коне, запряженном в свою собственную телегу. Казалось на первый взгляд, услышал бог молитвы Пелагеи, снизошел с небес, милостиво одарив за труды многолетние праведные. Ан нет. Не от благ всевышнего, ни манна то была небесная. Три последних года чертомелил Прошка на богатого казака-скотовода, зарабатывая себе на коня и обмундировку, как когда-то его отец Георгий. Как была несправедливость, так и осталась. Богатому телята, а бедному ребята. Сколь уж казачьих семей разорила служба царю-батюшке, посеяв среди казаков семена раздора, которые дадут вскоре дружные, кровавые всходы.

Мишка Нижегородцев был одногодком Прошки. И ему надлежало этой осенью, как и всем казакам 1897 года срока службы, явиться при полном снаряжении для отправки в полк. Казачья справа для сына была у Нижегородцевых давно собрана. Не нужно было Мишке пасти три года чужих лошадей, вон своих табун, выбирай любого.

Всегда гордились отцы и деды казачьим званием, по первому зову отечества посылая сынов и внуков на службу царю-батюшке. Но нынче не было того задорного огонька, как прежде, когда молодых казаков провожали из станицы. Шли они теперь напрямик в польмя войны, откуда пока вернулись в поселок лишь похоронки.

Если нюхнувшие пороха казаки еще храбрились, защитим от ворога землю русскую, то казачки утирали украдкой слезы, глядя на выношенных под сердцем сыночков.

Так и Анисья, не сводила взгляда с Мишки, отгуливавшего последние денечки. Хоть бы пронесло, молила бога Анисья, целуя оберег, приготовленный ею для уходящего на войну сына.

Зачин Нижегородцевы на этот раз без Степы, отпросившегося у отца помочь Рукосуевым ладить балаган. Сергей кивнул, иди мол, помоги. У забайкальцев помочь завсегда считалось святым делом.

Пока Георгий да сын его Прохор, полтора мужика, рубили и таскали березки, Степа принялся скашивать пятачок травы совсем рядышком с балаганом Нижегородцевых. Сергей обернулся, хотел уже сказать, что места больше не нашлось, но промолчал.

Скошенную Степой траву сгребала сестренка Прохора Глаша. Каких год-два тому назад дергали ее Прошка и Степа за косички, а теперь подтянулась дрыгалка, налились вешним соком волнующие округлости девичьего тела, зарумянилось, зацвело симпатичное лицо, отъемлемое искусно сплетенным венком из белоснежных ромашек и синих как безбрежное небо васильков. Только сейчас заметил Степа, как красива Глаша, встретились их глаза, опустился долу ее смущенный взгляд. Незаметно для себя подобрался Степа, выгнул колесом грудь, держась молодцом, особенно усердно строя балаган, стараясь держаться поближе к Глаше. Неизвестно сколько бы еще крутился Степа возле балагана Рукосуевых, если бы не прибежал братишка Санька, выпалив.

– Где ты там шляешься, тятя велел передать, чтобы косить шел!

С сожалением вздохнув, Степа отправился следом за умчавшимся вихрем Санькой, чувствуя спиной взгляд Глаши. Перескочила искорка, зажгла два сердца первой чистой любовью.

Пока Степа зачинал «балаганные отношения», Нижегородцевы сделали «сенокосный зачин». Повернувшись на восток, Сергей и Анисья перекрестились, Мишка застыл истуканом сзади с фуражкой на локтевом изгибе левой руки, как на полковом молебне. Рядом пристро-

ились рядком, по росту Сергунька, Санька и Петька. Сергунька и Санька, подражая старшему брату, сняли с головы помятые картузы с волосяными накомарниками, пристроив их на руку, Сергунька, на левую, как подобает справному казаку, Санька впопыхах на правую. Трехгодовалый Петька стоял в головном уборе, вытирая некстати побежавший нос.

– Ну с богом, зачем! – проговорил почти с пафосом Сергей, и взмахнул косой. За отцом шел Мишка, оставляя после себя такой же широкий прокос. Третьей косила Анисья. Ее литовка была на номер меньше, и прокос соответственно уже. Сергей, вынося косу до упора вправо, старался захватить пошире. Мотня просторных штанов качалась в такт взмахов литовки. Ичиги, попеременно двигаясь, скользили лодочками по свежескошенной стерне, оставляя за спиной две темнеющие полоски. Такие же оставались после Мишки. Анисья, обутая в легкие чирки, с явным наслаждением махала острой косой, идя вплотную за старшим сыном.

– Эй, шевелись мужики, а то пятки подкошу, – звенел ее по-девичьи задорный голос.

Нижегородцевы прошли по два прокоса, когда пришел Степа. Мишка обрадованно вздохнул. Теперь за ним будет косить матушка, пятки подрезать.

В четыре литовки дело пошло еще веселее. Как прошли по ручке¹²⁶, четыре тугих валка прибавилось к кошенине, глядишь корове на неделю хватит, зиму с молочком и сметанкой будем. Сергунька вжикал маленькой литовкой «по кустам», набивая руку. Год-два, и еще один косарь будет.

Сергей косил, протяжно, с расстановкой, при каждом взмахе делая резкий выдох «Ых!», Мишка и Степа подражая отцу «ыхкали», лишь Анисья косила по-бабьи молча, как это могут делать лишь женщины, выполняя любую, даже самую тяжелую работу.

Пройдя по ручке, точили литовки, Сергей свою и Степину, Анисья и Мишка ширкали оселками сами. После очередного прокоса, Сергей пошарил в кармане широких штанов и вытащил оттуда «голубушку». Открыв крышку, взял щепоть увлажненного, мелко покрошенного табака из жестянки с китайской барышней, положил за щеку, утрамбовал языком, порядок. С табаком во рту попритих Сергей, а с ним и сыновья. Коли отец молчит, не к лицу и нам поперед бабки в пекло лезть. Слово старших всегда было у казаков закон.

Обедать сели поздно. Пока утречком в бане помылись, пока доехали, построили балаган, зачин сделали, полдня, как корова языком слизнула. Покосили, чтобы сбить первую охотку¹²⁷, уже и солнце под скатку покатилося. Накрыв мужикам стол, Анисья заторопилась домой, коровы «с пастуха»¹²⁸ вернутся, а дома никого нет. Вскочила в седло, посадила перед собой Петьку, сзади Саньку, оба счастливые, с мамкой домой едем, и след простыл.

Анисья, как и почти все казачки, умела ездить верхом, и не так, как городские барышни, свесив ноги на одну сторону, а по-казацки, в полный галоп.

После отъезда Анисьи, обещавшей приехать через три дня, привезти свежеиспеченного хлеба, сметаны и другой домашней провизии, Нижегородцевы, пообедав, отправились опять косить. В отличии от некоторых казаков берег Сергей свою жену, отшучиваясь, на другую денег мол не хватит, да это еще и бабушка надвое сказала, будет ли новая лучше прежней. Прав курилка. Так что мотайте себе на ус мужики.

Ближе к вечеру Сергей отправил младшего из оставшихся на покосе сыновей собирать валежник и разжигать костер. Сергунька с радостью отбросил литовку в сторону и побежал к стану. Надоела она ему за неполный день хуже горькой редьки, какой и является настоящая крестьянская жизнь безо всяких прикрас. Пройдя еще по ручке, закончили на сегодня и Сергей

---

¹²⁶ Ручка – прокос, проход

¹²⁷ Охотка – желание

¹²⁸ С пастуха – с пастбища

с Мишкой и Степой. С непривычки ломило все тело, и в особенности правое плечо. Попробуй помаша, узнаешь почем фунт лиха.

– Ничего, через день-два втянемся, – успокаивал себя и сыновей Сергей, оглядывая с удовольствием выпластанную¹²⁹ ими за день площадь. Рядки валков убегали вдаль, сливаясь в сумерках с синееющей линией горизонта, где на западе затухали последние отблески розовеющего багульник заката. Приятная истома окутала усталое тело, хотелось опуститься, лечь на валок и смотреть не мигая в темно-синее небо, незаметно заснув под приглядом выкатившегося гречишным колобом месяца.

Коротки летние ночи, не успеет потухнуть вечерняя заря, как на востоке начинает белеть, и птахи-раноставы, предвестники грядущего рассвета, выводят первые робкие трели. Поднимайся косарь, пора тебе в поле идти. Верно то. Коси коса, пока роса, вот первая заповедь косаря. Неспроста ночует он в балагане, чтобы встать с зарей-заряницей и пойти в поле. Легко косятся росные травы по утренней прохладе. Нет еще изнуряющей жары и беспощадно жалящих паутов. Вечером на смену одним крылатым татям приходят другие – комары и мошка. Вот они, легки на помине, висят тучей, над возвращающимися к стану людьми. Ужинали все четыре семейства вместе, чужое сало оно завсегда вкусней.

После ужина мужики остались чаевать, молодежь потянулась к Шаманке, где на вершине скалы горел светлячком во мраке ночи костер. Там, каждый год, сходились на вечерку парни и девчата с окрестных покосов. Место заметное, притягивающее к себе чародейскую силою.

В старину, по преданьям, собирались у подножия скалы бурятские шаманы для проведения своих ритуалов. Шаманка, или Шаманский камень, был овеян многими былями и небылицами, последних несоизмеримо больше. Некоторые даже рассказывали, что будто бы там, у скалы, приносили людей в жертву. Все это являлось, разумеется, сущей чепухой.

Хотя, согласно одной легенде, однажды молодая шаманка пошла вечером в одиночку к скале, и не вернулась. Отправившиеся на следующий день на ее поиски буряты нашли ее у подножья скалы мертвой. На шее молодой шаманки были следы зубов неведомого чудовища, высосавшего из ее тела всю кровь. Совершенное злодейство припасали анахай¹³⁰. С тех пор буряты обходили Шаманский камень за три версты, пока не появились в этих местах русские. Поселковая молодежь жгла по ночам там костер, рассказывая страшные истории про анахая, охотящегося там по ночам за девушками. Каждый из молодых людей считал своим долгом, хоть раз посетить Шаманский камень, чтобы показать свое бесстрашие, доказать другим, что не трус. Тем не менее в одиночку посещать это место никто не решался, боясь повторить участь молодой шаманки.

Когда молодежь скрылась шумной толпой, оставшиеся на таборе отцы, могли безбоязненно почесать языками, рассказывая глупости, как зачастую делают взрослые люди, когда остаются одни. Четыре наших мужика: Серега, Гоша, Значитца и Поршень, не являлись тому исключением. Именно так обращались они у друг к другу. Первый вечер сенокосной страды сидели у костра особенно долго. Много накопилось о чем поговорить.

Гоша, вытащив из-за голенища ичиг нож, тот самый, который он метнув воткнул в горло хунхуза, строгал им из сосновых кольшкков зубья для ручных грабель. Смолистая древесина сосны ровно кололась, а что недолговечна, то не беда. За вечер между делом я их уйму настрогаю, сломается какой, выбил, новый вставил, и вся недолга. Георгий он вообще не мог сидеть без дела. Что-нибудь, да и мастерил. Уж коли золотые руки достались, чего же им без дела скучать?

---

¹²⁹ Выкошенную, от выпластать – выкосить

¹³⁰ Анахай (бурят.) – бес, оборотень

Остальные мужики чаевничали, потягивая неторопливо гуранский чай, разумеется с солью и забеленный молоком из «самоковочных»¹³¹ стаканов, изготовленных из обрезанных бутылок, обмотанных снаружи берестой. И не сломается, стакан-то, и руки не жжет. Вот она настоящая мужицкая смекалка!

Георгий, привыкший с раннего детства, день дневать, вечер вечерять¹³², слушая вполуха болтовню Поршня и Значитца, гнал упорно сосновую стружку. У Гоши всегда было так, или работает, или пьет, делая и то и другое добросовестно. Оно и верно, чего время то зря терять, или?

Сергей, отхлебывая чаек, улыбался в усы, покачивая головой. Опять кумы пушку заливают¹³³. Похоже поддать уже успели. И действительно, Поршень и Значитца были слегка навеселе.

– Гоша, че ты там гоношишься, забрось килу в саламат¹³⁴, садись к нам, чай пить будем, – откинувшись назад, пробормотал один из кумовьев.

– Тебе Поршень бы токо по елани со Значитца сундулой хлынять¹³⁵, – отложив на момент в сторону работу ответил ему недовольно Георгий.

– Ну чево супорничаешь, припаривайся¹³⁶ к нам, – откинув край войлочной попоны, Поршень извлек оттуда початый банчок спирта.

Гоша вздрогнул. По его лицу скользнула улыбка, с того бы и начинал.

– На паря, глянется¹³⁷? – промолвил змей-искуситель.

Второго приглашения не потребовалось. Выпив, говорили все четверо. Разом. Как водится в таких случаях, стали припоминать забавные случаи с участием некоторых участников пиршества.

А чудачки были Значитца и Поршень еще те. Однажды, после «удачной» гулянки приплелся Поршень домой, лыка не вяжет. Потоптался, жрать хочется, а супружница спит. В кути темнотица, хоть глаз коли. Пошарился Поршень на кутнем столе – ничего, повел синюшной картошиной носа – ух как вкусно пахнет, щти на плите устоялись. А там не «щти», а чугунок с ополосками, да тряпка, какой супружница посуда мыла. Ну пьяному-то известно, море по колено. Взял чугунок, водицу выпил, а тряпку съел, да еще и похохатывает, лён попался, замуж пора¹³⁸.

Наутро его Матрена хватилась, чугунок пустой. Ну думает укипела водица. Глянь туда, а помывочного струмента нет.

Тут и благоверный ее нарисовался, сивушным перегаром разя. Спичку ко рту поднеси, полыхнет, аки Змей Горыныч после дня ангела у Бабы Яги.

– Поршень, – супружница его тоже так величала, – ты чево там вчерась у кути гремел, как кот?

– Жрать искал.

Тут дошло до Матрены.

– Так это ты водицу из чугунка выпил?

– Ну я.

---

¹³¹ Самоковочный – самодельный; шутовское обозначение кустарно произведенной утвари.

¹³² День дневать, вечер вечерять – работать с утра до позднего вечера.

¹³³ Заливать пушку – рассказывать небылицы

¹³⁴ Гоношиться – хлопотать; забрось килу в саламат – заканчивай работу

¹³⁵ Хлынять по елани сундулой – в прямом смысле означает ехать вдвоем на одной лошади, в переносном, как в вышеприведенном случае – бесцельно бродить, отлынивать от работы.

¹³⁶ (За)супорничать – начать спорить, упрячиться; припариваться – присоединиться.

¹³⁷ Глянуться – нравиться

¹³⁸ Лён – сухожилия; в старину в шутку говорилось, если девушка могла прожевать лён, то ей можно было выходить замуж, т. е. она достигла возраста бракосочетания.

– А тряпка где, съел что ли?

– Тьфу ты, а я думал мясо с сухожилиями попало, – ответил Поршень, зычно икнув. Похмелиться бы.

Второй кум, Значитца, тоже не лыком шит. Поставила хозяйка брагу на самогонку, а он надыбал. Брагу выпил, а осадок курам в пригон выбросил, чтобы улики, так сказать, уничтожить. Курицы-то поклевали, не понравилось, бросили, а петух, мужик ведь, нажрался на дармовщинку, да и упал под забор хмельной. Хозяйка вернулась, видит петух сдох. Недолго думая, ощипала с него перо, все прибиток, да бросила куриного мужика на навозную кучу. Утром проснулся петух, глядь, а перья-то стибрили. Взобрался на крышу, и давай кукарекать. Держи вора! Вся деревня животы надорвала, глядя на голого короля.

Посмеялись мужики, вспоминая проделки кумовьев, и незаметно тема разговора перешла на серьезную тему.

Два года уже шла война, и не было ей ни конца и ни края. Осенью двоим из них, Сергею и Георгию, провожать сынов в армию. А с фронта приходили в станицу неутешительные известия. Не до смеха тут.

Грудь в крестах или голова в кустах, наставляли отцы и деды по устоявшейся привычке молодых казаков, вспоминая свою удалую молодость, когда оцетинившиеся пиками и клинками кавалерийские лавы сносили вешним половодьем преграды на их пути. Ушли в небытие те времена, когда одно слово «Казак!» приводило врага в трепет. Изрыгающие огонь железные чудовища – танки, несущие с неба смерть драконы-аэропланы, озаменовали закат казачьих соединений. Уже в русско-японскую войну стала в первый раз заметна уменьшающаяся роль казаков в современной войне машин. Казаки оказались задвинутыми на задворки.

Не минула сия горькая участь и забайкальских казаков. Основанное на многовековых традициях российского казачества, Забайкальское казачье войско являлось среди своих собратьев по оружию, других казачьих войск Российской империи, в своем роде уникальным творением, сплавом из русских, бурят и тунгусов, выделялось сочетанием бесшабашности и вольности первых казаков-землепроходцев с трудолюбием и хозяйской сметкой крестьян, влившихся позже в состав Забайкальского казачьего войска.

Интересно услышать мнение современников о забайкальских казаках. Для сравнения два из них, в чем-то противоположные и сходящиеся в главном.

Для начала слова начальника Хайларского отряда генерал-майора Орлова, командовавшего казаками во время похода в Китай на усмирение восставших ихэтуаней:

«Забайкальский казак невзрачен на вид, но вынослив, превосходно ходит, ездит, довольствуясь немногим, самолюбив. Он, например, будет курить при начальстве, и надо ему долго внушать, что этого делать не следует. Он отдает честь и, вместе с тем, ласково кивает головой. Но когда начальство ему что-нибудь приказывает, особенно идти против неприятеля, под огнем, он отлично исполняет приказание. Так что как воины забайкальские казаки прекрасны¹³⁹».

Несколько иное, здесь нужно обязательно отметить, первоначальное мнение, составил о забайкальских казаках бывший драгунский офицер Рейтерфен, назначенный на должность командира 2-й сотни 1-го Верхнеудинского полка, описывая в воспоминаниях свое прибытие в казачью часть:

«...Непривычен был вид казачьего бивака. Удивлял вид 500 лошадей, похожих то ли на коз, то ли на лошадь Пржевальского, стоящих в коновязи в полковой сотенной колонне.

¹³⁹ Н.Н. Смирнов «Забайкальское казачество», 2008

Между сотнями равными рядами были разложены седла, перевернутые для просушки потниками вверх.

Невдалеке от коновязи разделявали бычью тушу, здесь же валялись внутренности, копыта.

Казаки называли друг друга «паря». Они сидели небольшими компаниями вокруг котелков и молча «чаевали». Вид у них был какой-то странный, я ожидал встретить уныние или, наоборот, подъем духа, усталость или бодрость, распущенность или подтянутость – все, что угодно, но по их лицам и манерам я не мог никак найти в них чем-нибудь выдающееся настроение. Они «чаевали», вот все, что можно было сказать о них.

В лагере был порядок – это было видно по разбитым ровным коновязям, по седлам, по несению внутренней службы, этот порядок, казалось, чем-то нарушается.

А нарушается этот порядок удручающим видом казаков. Начиная от козырька фуражки на «паре» и кончая его ичигами, на нем было какое-то тряпье. Они и ставили в тупик каждого, кто глядел на него или на лагерь. Не то солдат, не то оборванец.

Обидно было за этот чудный боевой состав. Эти лучшие в мире солдаты, всосавшие с молоком своей матери воинский дух, доблесть, военную смекалку, заброшены, как негодный самородок. Этому истинному воину вместо боевой лошади дан какой-то козел, вместо седла – какая-то куча, про обмундирование и говорить нечего...¹⁴⁰»

Уже скоро мнение самоуверенного драгуна о «козле» поменяется и он живо сменит своего породистого рысака на неприхотливую забайкальскую лошадку. На таких же лошадках воины Чингисхана дошли до Вены, повергнув Европу в ужас.

Все, кому приходилось служить и воевать с забайкальскими казаками, единодушны в их оценке – они прекрасные воины.

Но слова Рейтерфена без прикрас говорят и о неудовлетворительном состоянии Забайкальского казачьего войска, в каком оно находилось в начале XX века. Приобретение снаряжения за свой счет поставило многие казачьи хозяйства на грань катастрофы. Именно это сослужит плохую службу, внесет раскол между забайкальскими казаками, оказавшихся по вине близорукости царского правительства по разные стороны баррикад.

Удивительно также, как Рейтерфен при первом же знакомстве заметил некоторые особенности забайкальских казаков.

«Казаки называли друг друга «паря». Они сидели небольшими компаниями вокруг котелков и молча «чаевали».

Этим все сказано. «Паря» – это доверительное отношение между товарищами, стоящими друг за дружку горой. Ну а «чаевать» – одна из спаек, основ их совместной жизни, так сказать, чайная церемония по-зabayкальски.

Теперь нам ясно, почему, так долго сидят у костра «пари» Серега, Гоша, Поршень и Значитца, потягивая из «самоковочных» стаканов карымский чай, отбросив в сторону пустой банчок из-под спирта.

Молодежь тоже не теряла времени даром. Искрящийся смех девчат и задорный хохот парней перекрывали время от времени оглушающие крики перепуганных носительниц сарафанов, доносящиеся затухающими в ночи отголосками до табора косарей.

– Анахай однако заглянул на огонек, – обернувшись на звук, произнес хохотнув Поршень, – вишь как девки-то пищат.

И действительно, собравшаяся с окрестных покосов молодежь развлекалась. Песни попеть, поводить вокруг костра хороводы, ну и девчат напугать, как же без этого. Отойдя в

¹⁴⁰ Н.Н. Смирнов «Забайкальское казачество», 2008

сторонку, какой-нибудь парень напяливал на себя вывернутую наизнанку шубенку да лохматую шапчонку, вот и готов анахай. У страха глаза велики. Выскочит из темноты с диким ревом, прокричит что-то нечленораздельное, девчата готовы от страха в костер заскочить, или, на что и рассчитывали парни, искать спасения в их объятьях. А что, недурно придумали. И волки сыты, и овцы целы.

Прошка крутил любовь с Нюркой Калашниковой, целуя ее без стеснения возле костра. Другие парочки прятались от посторонних глаз в темноте. А ну как тятя о том прознает, живо вязья-то пообломает¹⁴¹, или того хуже, ежели обмажет какой незадавшийся ухажер ворота дегтем, так и вожжами шкуру спустит.

Кичиги повернули уже на утро, когда молодежь принялась расходиться. Завтра, да нет, уже сегодня, опять на покос, хоть часок-другой вздремнуть. Анахай похоже тоже напился досыта невинной девичьей крови и больше не кричал истошным голосом.

Обратно к стану Степа шел вдвоем с Глашой. Мишка и Прошка, многозначительно подмигнув, скрылись с любушками, надеясь получить от них вышитый кисет или носовой платок¹⁴².

Тихая теплая ночь окутала парным молоком таежные пади и елани, с покосов тянуло терпким ароматом подвядшей кошенины. По черному бархату ночного неба протянулся мерцающей дорожкой Млечный Путь, а вокруг царит божественная тишина, и лишь изредка кричит где-то вдали запоздавшему путнику перепел «Фить-пирю, спать-пора». Но не Степе с Глашой. Идут они рядышком, рука в руку, ступая неслышно по росной траве, бьются в унисон два сердца в начале пути. Весь вечер провели они вместе, водя хоровод, распевая знакомые с детства песни.

Внезапно, за спиной, раздался пронзительный крик и чей-то темный силуэт проскользнул над головами молодых людей.

– Анахай! – закричала в ужасе Глаша и прильнула к Степану. Он сразу узнал в налетевшей птице охотящегося филина, и уже открыл рот, замерев на полуслове. Жаркое тело прильнувшей к нему Глаши, заставило его промолчать и Степа, обняв возлюбленную, поцеловал ее в пылавшие цветущими жарками губы. Первый поцелуй был недолгим. Глаша отпрянула испуганно в сторону, оттолкнув дерзкого ухажера обеими руками.

– Но-но, не балуй! – и побежала по направлению к стану.

Уже возле балаганов нагнал Степа резвую как лань девушку. Схватив за руку, повернул рывком к себе.

– Глаша, Глашенька, мила ты мне!

– Пусти, а то тятя услышит, будет тебе и мне нагоняя, – чуть слышно прошептала Глаша, не пытаясь вырвать сжатую Степой руку.

– Завтра, придешь к Шаманке?

– Не знаю, – были последними словами Глаши, перед тем как за ней опустился полог балагана Рукосуевых.

Еще долго не мог уснуть Степа в ту ночь, забывшись тревожным сном лишь перед рассветом. Снилось ему, как он шел с Глашей по цветущей степи, и не было ей ни конца и ни края.

Разбудил его отец, сдернув бесцеремонно полушубок.

– Вставай полуношник, косить пора.

Рядом со Степой спал без задних ног брат Мишка. Степа и не заметил, когда он вернулся.

– Просухарили с девчатами всю ночь, – ворчал добродушно отец, – и схватив за ногу, потянул, безвольного, словно тряпичная кукла, Мишку.

¹⁴¹ Обломать вязья – укоротить нрав

¹⁴² Девушка подарившая платок или кисет уходящему служить молодому казаку, сигнализировала этим свою верность и готовность ждать его возвращения со службы.

Продирая спросонья глаза, Мишка и Степа, позевывая, выбрались из балагана наружу. Сергунька крепко спал, разметав во сне руки. Хорошо ему, позавидовали братья, младшенький.

Отец Глаши отбивал косы, и как показалось Степе, поглядел на него этим утром иначе, не как всегда, по-отечески заботливым взглядом.

Нравилось Степе бывать в гостях у Рукосуевых живущих на Акатуе в бедной избушке. Не смущало его ни бедность, царящая в гостеприимном доме, ни убогость хозяйственных построек, так разительно отличавшихся от отцовского подворья, и паче того двора и дома деда Марка. У дяди Гоши всегда находилось для него время, и даже если Прошки не было дома, не бурчал он, как некоторые отцы «Чево? Нету ево, шляется где-то», а звал Степу «Проходи, гостем будешь», проводя его за собой в святая-святых, свою мастерскую, где так приятно пахло древесными стружками, чуток дегтем и распаренной берестой. Часами мог наблюдать Степа за руками отца Прохора, именно за его волшебными руками, создающими из обыкновенной чурки, каких сжигают несчетное количество в печи, настоящие творения, будь то простое топориче или вершина столярного искусства – самопряха. Исподволь, запоминал он, как и чем работает дядя Гоша, беседующий с другом сына между делом на казалось бы на пустяковые темы, а из-под его старательных рук рождалось в это время ступица или спицы тележного колеса.

Много их было таких мастеров по деревням Забайкалья. Приноровились мужики-переселенцы да казаки к суровостям жизни на новой родине. У каждого за плечами опыта, воз и маленькая тележка. Голь на выдумки хитра, русского мужика, как ивовый кол, куда не воткни, везде корни в землю пустит.

Что ни возьми, сделает умелец своими руками. Взять хотя бы ту же ось для телеги. Почти все делалось из дерева, железо дорого. Борона или соха, плужок какой, зубья или лемех металлических, остальное из дерева. Гвозди – на вес золота. Так что наготовит мужик березовых кряжей, со знанием дела в теньке их высушит, и настрогает осей про запас с десяток. Все делает со знанием дела, умом-прикидом.

Взять, к примеру, болтается на телеге сзади лагушок с дегтем, неспроста то – смазывать ступицы колес, да другую хозяйственную утварь, чтобы от «мокроты» не портились. Добрый мужик сапоги дегтем так наскипидарит, что запашище за версту. Ладно бы обул, а то свяжет, да несет на хворостине за спиной, босиком по грязи шлепает, сапоги вишь ему жалко. Да оно и верно, у сапог новая подошва не вырастет, а у ног да, еще и какая. На покосе шурует босиком, косит, любая стерня нипочем.

Или вот заготовки для копыльев, дуг, или полозьев на сани, как гнуть? Да закопал их в сырой, горячий навоз, денька два-три полежали, вынимай, и гни, приходи кума любоваться.

Нерчинский камень у дороги лежит, валяется, кому ненужная каменюга, а для умельца, мастера золотые руки – клад. Он и точило, величиной с тележное колесо соорудит, топоры да ножи точить, или ручные жернова, гречуху молоть, будет из чего хозяйке колоба стряпать. Ручные жернова в каждом крестьянском доме имелись. Мужики побогаче ладили себе водяные мельницы. Опять прибыток, сдал в наем, мучица сама тебе в ларь течет. А самые-самые богатые, имели и паровую. Ну у этих зимой снега не выпросишь, ни о них речь.

Практически все предметы домашнего обихода, одежда, обувь, и прочее-прочее производилось кустарным способом. Кое-что покупали у контрабандистов, китайскую дрель, кашемировую шаль супружнице, ну и спирт в банчках, хозяину утешение. Унты, олочи и олочки шили из шкур диких зверей, нитками из гураньих жил. Валенки подшивали самодельной драгвой (постегонкой) из сученого конопляного волокна. Вожжи и веревки делали из конского волоса, конскую упряжь – сыромяти. Выделанные шкуры, на пошив шуб и дох, отдавали бурятам, они являлись великими мастерами этого дела. Шапки шили из лисьих лап и шкур молодых зверей, от волчат до ягнят.

С малого учились ребятишки у отцов, дедов и таких вот мужиков, как Георгий Рукосуев. Начинали со детской свистульки, потом черенок для лопаты, а там глядишь и тележное колесо.

Позже, годы спустя, вспомнит Степа о виденном им в мастерской Рукосуевых. Никогда он не станет таким же мастером, как дядя Гоша, но это не так и важно. Его наглядные уроки помогут Степану Нижегородцеву в предстоящей, порой такой непростой, взрослой жизни.

А пока живет он каждым наступающим днем, не думая о будущем, живя настоящим, как делают все молодые люди в этом прекрасном возрасте, когда кажется, что твоя первая седина, далеко-далеко, за семью горами.

Едва забрезжил рассвет нарождающегося дня и багровое солнце еще и не думало выкатываться мельничным жерновом на небосклон, как Сергей Нижегородцев с сынами принялись косить. Первая пройденная ручка прогнала остатки сна. Прохладная роса приятно щекотала босые ноги парней, Сергей, боящийся змей, косил всегда в ичихах. В детстве его ужалила змея, с тех пор он никогда не выходил босым за пределы села. А змей действительно водилось в окрестностях Могойтуя уйма. Неспроста назвали буряты эти места «змеиной падью».

В отличие от русских буряты, как, впрочем, и монголы, до появления русских в этих местах не готовили сена. Лето и зиму паслись их табуны в приволье степей на подножном корму. Но в снежные зимы и весной, когда пускали палы, скот тысячами падал от бескормицы, устилая трупами степь.

Беря пример с русских, некоторые буряты и монголы занялись сенокосением, предпочитая однако выполнять привычную им работу – пасти скот. Чтобы иметь на зиму запас кормов монголы стали сдавать русским переселенцам сенокосные участки *исполу*, т. е. брать в оплату половину накошенного сена. Кроме того, русские казаки арендовали сенокосы на китайской стороне Аргуни, в Трехречье, входя в доверие к цинским мандаринам проверенным способом – сунув им по несколько самых что ни на есть обыкновенных российских рублей, имевших хождение в Китае и Монголии. Вот времена-то были!

К числу счастливых-взяткодателей относился и Марк Нижегородцев, имевший заимку на берегу Хаула, ближней к русской границе реки Трехречья. Завел он ее скорее из прихоти, заразившись всеобщим настроением. Раз другие богатые казаки имеют, почему и мне иметь. Кроме того, на то была и другая причина. В Трехречье, по слухам, предприимчивые казаки мыли золотишко, манящее к себе Марка дьявольским желтым глазом. Было у него рыльце в пушку, но о том дельце знали лишь два человека – сам Марк, и его верный друг Бурядай. Частенько Марк оглаживал серебряную серьгу, висящую в его левом ухе, улыбаясь одному ему известным мыслям.

Ну а сенокосов Марку хватало и в Могойтуе. Станичный атаман, рука руку моет, свояк. И земли у меня, что деньжат – куры не клюют. Вон сыну Сергею заимку в Рысьей пади отдал. Бери, пользуйся, ничего мне не жалко.

С основным, принадлежащим Марку Нижегородцеву стадом; несколькими тысячами иргенов, борокчанов¹⁴³ да двумя сотнями горячих степных скакунов, Бурядай откочевывал с наступлением первых холодов в малоснежные степи верховых караулов лежащих на границы с Монголией, попадая иной раз со стадами и на сопредельную территорию. Барану какая разница, где траву щипать, а Бурядаю и подавно. Везде у него друзья – у казаков на пограничных кордонах, среди бурятских и монгольских пастухов, так любящих слушать мудрого Бурядаю, когда он играет на морин-хууре.

Марк доверял Бурядаю как себе. Бурядай являлся хранителем и умножителем его стад. Не зря гласит бурятская пословица «*хайн нүхэр шулуун хэрэмхээ бүхэ, хайн морин харсага шубуунһаа түргэн*» – «Хороший друг крепче каменной стены, хороший конь быстрее сокола», а Бурядай был верным другом, растившим к тому же коней, быстрее сокола.

---

¹⁴³ Ирген – кастрированный баран; борокчан – кастрированный бычок в возрасте от 1,5–2 лет.

Сергей Нижегородцев, как и другие могойтуйские казаки из русских, тоже пользовался услугами бурятов-пастухов. Платили им деньгами или баранами, кто как договорится. Ну а крупнорогатый скот и лошадей летом пасли на выгоне, зимой держали в стайках и стойлах, накашивая для них большое количество сена. Чем и занимаются сейчас отец с сыновьями, махая как заведенные косами.

Первый прокос после бессонной ночи дался Мишке и Степе особенно тяжело. Мало того, что хотелось спать, да еще болели после вчерашнего натруженные мышцы рук и плеч. Ногам-то чего сделается, плетутся, шаркают по стерне за косой следом. Сергей шел первым, задавая тон. Два часа косила без роздыха троица, делая лишь короткие передышки поточить литовки. Наконец Сергей дойдя до конца очередной прокос, полез в карман за жестянкой с табаком.

Сыны ожили, никак батя перекур сделать хочет. Разом, как по команде, замахали веселее литовками, стараясь поскорее пройти ручку.

Сергей расправил с хрустом плечи, поглядывая из-под полуопущенных век с добродушной ухмылкой на наследников. Глянь-ка, как закопытили мои жеребчики, адали ноги им подбили¹⁴⁴. Севодни не пойдут поди на вечерку, вишь как ухайдакались. Заложив за щеку щепоть табака, он терпеливо ждал, пока сыны закончат прокос и подойдут к нему.

– Все, хорош, поразмялись на голодушку, для первого уповода хватит, пошли к табору, завтрикать. Литовки-то с собой берите, отобью, легче идти будут.

Закинув косы на плечи трое Нижегородцевых направились по тропке к стану, угадывавшемуся по дымку поднимающемуся из-за раскидистых кустов тальника. Еще издали услышали они мелодичное постукивание молоточка. Кто-то из сенокосчиков отбивал косу. Настойчивое урчание желудков проголодавшихся косарей перемежалось с доносящимся от стана металлическим звуком и ржанием лошадей, пасшихся спутанными на луговине.

Подойдя вплотную к стану Нижегородцевы увидели нарушителя тишины. Им являлся Георгий, отец Глаши. В другой раз Степа подумал бы, увидев дядю Гошу, о Прошке, но не этим утром. Пряча взгляд, Степа пошел напрямиком к своему балагану, ступая босыми ногами по росной траве, приятно остужавшей загоревшее жгучим огнем тело. Ему было стыдно, словно его уличили в чем-то непотребном. За спиной слышались приглушенные голоса отца и дяди Гоши. О чем они говорили, Степа, от охватившего его возбуждения, разобрать не мог. Раздавшийся окрик дяди Гоши, прозвучал в ушах Степы заставившим вздрогнуть выстрелом.

– Степа, соколик мой, ты чего же, литовку в балаган с собой понесешь?

Только сейчас заметил Степа, что отец и Мишка оставили свои косы на отбивку у дяди Гоши. Вернувшись, он подошел робко к Георгию, боясь поднять на него глаза.

– Здравствуйте дядя Гоша.

– Здравствуй, здравствуй. Проходишь мимо, своих понимаешь не замечаешь.

– Да я это... – замялся Степа, не зная, как выкрутиться ему из неловкого положения, если бы ему на выручку не пришел выросший как из-под земли Прошка.

– Степа, дружище, чего такой смурный, иди сюда, – махнул он приглашающе рукой и так же быстро скрылся, как до этого появился за травяной копной балагана.

Извиняюще пожав плечами, обрадованный представившейся оказией, Степа незамедлительно последовал другу. Тот ждал его за балаганом. Уже по его расплывшемуся масляным блином лицу, было ясно – ночь удалась. Подбоченясь, Прошка вытащил из кармана штанов вышитый петухами кисет, подаренный ему любушкой-зазнобой.

– Зырь, Нюрка подарила, посулила, ждать будет. Как вернусь со службы, свадьбу сыграем.

¹⁴⁴ Подбить коням ноги означало – отколоть молотком прилипший к подковам снег, что положительно сказывается на скорость передвижения.

– Зарится¹⁴⁵ глаз сокола ясного, да зуб неймет – раздался позади насмешливый девичий голос.

Парни и не заметили, как к ним подошла Глаша.

– А ты откель взялась, как на камушке родилась, – парировал доморощенный пиит, в отличии от Степы, ни сколь не смутившись посторонней слушательнице.

Глаша, ничего не ответив, вскинула гордо голову и пошла по направлению к ручью, куда она, собственно, и собиралась идти. Чаевать пора, мужиков кормить. Она, как и Степа, была уже с раннего утра на ногах и откосила с братом первый уповод. Для своих пятнадцати лет, исполнившихся ей на Троицу, выглядела Глаша старше ее одногодков-подруг. С малых лет пришлось ей впрячься в тяжелую крестьянскую работу, замещая отца. Часто болевшая в последнее время мать хлопотала по домашнему хозяйству, Прохор был последние три года в работниках, зарабатывая себе на казацкую справу, вот и пришлось девчонке взяться за гуж, не жалуясь, что не дюжа. Отец ее, Георгий, терзался этим, но с одной здоровой рукой работник был из него аховый. Целыми днями, с утра до позднего вечера гнал он рубанком стружку в мастерской, а получив расчет, пускался во все тяжкие, чтобы пропившись до нитки, начать все сначала.

Степа, вспомнил кстати, что и ему пора к ручью за водой, и оставив друга стоять, поспешил в балаган за ведерком. Уже возле бывшего из-под замшелого валуна родника нагнал он скорую на ногу Глашу. Несмело дотронувшись до ее округлого плеча, Степа проговорил вполголоса.

– Здравствуй Глашенька.

Отбросив прядь волос Глаша повернулась, обожгя озорным взглядом. Ее тугая грудь, выпиравшая из-под сатиновой кофточки, заставила забиться сердце Степы кузнечным молотом. Волна неизведанных доселе чувств охватила его, затмив разум. Не помня себя, он приблизился к ней, и их губы слились в долгом поцелуе. И также как прошедшей ночью, Глаша оттолкнула его от себя, и схватив ведро с водой побежала по тропинке к стану.

– Глашенька, приходи вечером к скале, – крикнул ей вслед Степа, но его слова остались без ответа.

Весь день был Степа сам не свой, представляя себе, как они будут водить хоровод у Шаманского камня и ночью, он будет идти вдвоем с Глашей по спящей степи, и одинокая перепелка будет петь им нескончаемую песню «Фить-пирю, спать – пора».

Но все его мечты полетели в тартары. Глаша не пришла ни этим, ни следующим вечером к скале, и старалась избегать встречи с ним. Спросить о ней Прохора Степа стеснялся, и пребывал в неведении, что же послужило причиной столь странного поведения Глаши.

Лишь на третий день, утром, он смог увидеть ее и переброситься несколькими словами. Как ни в чем не бывало, Глаша заговорила с ним первой, подарив ослепительную улыбку.

– Уморилася я Степа те дни. Два дня пластались с Прошей, чуть ноги доносила до балагана. А ты-то ходил на вечерку?

– Был, но скушно было мне без тебя.

Еще краше улыбнулась Глаша, да так, что сердце Степы готово было от радости выпрыгнуть из груди.

– Вечером приходи к Шаманке, – промолвила она, и опустив долу лучистые глаза, вскинув на плечо грабли, пошла к ожидающему ее Прохору.

В этот день копнили и Нижегородцевы. Утром, еще не успела обсохнуть роса, приехала из поселка Анисья, привезя с собой целый короб домашних разносолов. Поднявшись до первых петухов настряпала она пышных шанег с творогом, пирожков с осердием, нажарила большую латку¹⁴⁶ свежей баранины. Вчера вечером пришлось одному иргену расстаться со шкурой.

---

¹⁴⁵ Зариться – смотреть с завистью, с желанием иметь что-либо недоступное

¹⁴⁶ Латка- чугунная сковорода в форме корытца с высокими краями.

Анисья резала сама. Вжик по горлу, ноги на крюк, шкуру на забор. Настоящая казачка – коня на скаку остановит, барана в горящую печь покладет. Ни убавить, ни прибавить.

Кроме того, в коробе нашли себе место малосольные огурцы, сметана, зеленый лучок, ну и простокиша-тараг, которую так любит сыночек Степа.

Напрасно думал Степа, что его ночные похождения остались никем незамеченными. И Георгий, отец Глаши, и Сергей, оба были молодыми, знали откуда дует ветер, ветер первой любви.

– Забрунел однако наш Степа, – зашептал, щекоча усами щеку жены Сергей.

– С кем? – вскинулась Анисья.

Сергей лишь мотнул головой, указав на соседний балаган Рукосуевых.

– Ты это доглядывай, как бы чего не вышло. Молодые ишо.

Сергей довольно осклабился. В меня пошел сынок, ртом мух не ловит. Глядишь и породнимся с однополчанином. А Глаша-то молодцом, на работу хваткая, хорошей женой ему будет.

Отведав привезенных Анисьей кушаний, принялись сгребать сено. В пять граблей работа спорилась. Сергей, Анисья, Мишка, Степа и младшенький Сергунька бегали споро вдоль валков, сгребая их в кучки. Скошенное в зачин было полностью сухим, что попало под косу во второй день было еще понизу зелено.

– Вертай, к обеду подсохнет! – дал команду Сергей, орудуя ловко граблями, что кочегар лопатой у паровозной топки.

А поднявшееся в зенит солнце жгло все нещадней. Анисья натянув до бровей головной платок, утерев с лица пот, окинула довольным взором сенокос. Сдвоенные валки протянулись колбасами, сбегая в лощину. Много нагребли, копен шесть добрых будет. Поди хватит, поедим, да копнить надо. Ну да, мужикам моим видней. А бронзовые от загара Нижегородцевы мужеского пола, мелькали, снуя кузнечиками, не думая откладывать в сторону ручные грабли. Сергунька, вертелся व्यюном возле матери, следуя ей по пятам. Анисья и сама соскучилась по сыновьям и мужу, глуша тоску расставания работой. С раннего утра и позднего вечера мелькал ее платок в огороде, в пригоне, во дворе дома. Все последние дни не выходило у нее из головы мысль о старшеньком Мишке. Ох господи, хошь бы пронесло, и зачем люди воют? Кто эту войну проклятую выдумал. Чтоб ему ни дна ни покрывки.

Наскоро пообедав, принялись копнить. Отдохнувшие за три дня кони похоже даже обрадовались возможности потаскать волокушу.

Конная волокуша (или толкающие грабли) представляла из себя бревно квадратного сечения, длиною примерно в полторы сажени. На концах бревна располагались два катка (лыжины). По всей длине бревна имелись восемь отверстий, куда были вставлены плоские заостренные деревянные зубья, длиною в сажень. К верхней части (бревна) были прикреплены стойки с оборудованными перилами, служащими для задержки собираемого сена. С обеих сторон бревна-волокуши при помощи постромок были впряжены лошади. Волокушу-грабли устанавливали в начале валка и тащили зубьями вперед. Сено, удерживаемое перилами, собиралось на гребне. При заполнении волокуши ее подвозили к месту складирования в стог.

Такой метод уборки сена имел преимущества, позволяя значительно сократить объем ручного труда, имея однако недостаток, заключающийся в весьма неудовлетворительном качестве сгребания сена. Попросту говоря, после прохода конной волокуши часть сена оставалась лежать на своем месте или вываливалась на пути к стогу, «радуя» ручных грабельщиков.

Этим и занималась сейчас Анисья, подскребая оставшееся несобраным и выпавшее из волокуши сено. Конями правил Сергунька, Мишка и Степа орудовали деревянными вилами, подавая навильники пахучего сена на копну. Из ближних валков к копне носили вручную, с дальних подвозил волокушей Сергунька. Сергей стоял на стогу, топча и укладывая сено. Такие «топтаные» копны меньше садились и проливались дождем. Работа кипела, и неизвестно, кому из Нижегородцевых было легче; снующей пчелкой Анисье, мечущим навильники на копну

Мишке и Степе, или укладывающему сено Сергею. Но одно можно было сказать точно – самым важным на покосе чувствовал себя Сергунька, управлявший двумя лошадьми. Его неокрепший голосок звенел серебряным колокольчиком, заставляя других улыбаться и трудиться с удвоенной силой. Сила солому ломит, сообща осилим. И действительно, словно по мановению волшебной палочки, преобразился сенокос. Семь копен-добрых молодцов выстроились в неровный ряд, один одного краше.

С хорошим настроением уезжала до смерти уставшая и счастливая Анисья в село. Глянув напоследок на своих мужиков, взобралась, посаженная мужем в седло, и покачиваясь от усталости, пустила Рыжку рысью по направлению к дому. Садящееся солнце окрасило киноварью макушки далеких сопок, а мимо тянутся вереницей колосающиеся поля, пестрящие цветами елани, скошенные покосы, и где-то там, за спиной, остались их первые в этом году копны. Сколь их нужно будет еще поставить, сколь пота пролить, чтобы казачке Анисье Нижегородцевой быть счастливой как в этот, самый заурядный в череде забот день.

Две недели сенокоса пролетели для Степы и Глаши как один миг. Весь день работали они не покладая рук на покосе: косили, гребли, копнили, ожидая с нетерпением вечера, чтобы жечь костер у Шаманки и идти вдвоем под луной, взявшись за руки к стану. Неумелые поцелуи ночных свиданий, и говорящие больше любых слов взгляды, при казалось случайных встречах на стане и у ручья.

Последние три дня Степа с Глашей были вместе весь день. Завершая страду, метали сено в зароды. Могойтуйцы, как добрые казаки, всегда выполняли тяжелую работу сообща, помогая друг другу. Первый день Нижегородцевы, сметавшие свое сено в копны, пришли на помощь Рукосуевым. С раннего утра гребли сено в валки, ближе к обеду принялась копнить. Словно муравьи набегали помощники, волоча сено к стогу-муравейнику, росшему не по дням, не по часам, а по минутам. К вечеру весь покос был утыкан «муравейниками», а усталые и счастливые муравьи провожали глазами вечернюю зарю, сулящую им и на завтра жаркий солнечный день. Погода не подвела, стояла ведренная, радуя хозяев зеленым сеном.

Следующие два дня метали сено в зароды. Сошлись в один веселый суглан четыре семейства, чаевавшие у одного костра. Сено, что есть тащи, все в зарод мечи!

Ребятишки подвозили на лошадях копны, подтаскивая их обведенной вокруг веревкой. Мужики и бабы взялись за вилы, девочки подскребали клочки сена. На зароде стоял Сергей, любивший и умевший вершить зароды. То еще не сено, что стоит в копнах. Оставь его так, постоит месяц-другой, и останутся почерневшие под дождем лепехи, а сложенное в хорошо заверченный зарод обрадует оно хозяина зимой, когда придет он на лошадке и скидывая кипы пахнувшего медовым разнотравьем сена, вдохнет полной грудью духмяный аромат лета и скажет довольно «Ух и приятственный дух же, сам бы ел!».

Кипит работа, мелькают вздымаемые навильники, подхватываемые на лету Сергеем. Умело подать наверх – полдела, перехватить и уложить – вторая. Один к одному ложатся пласты сена, улежавшегося в копнах.

– Середину, середину забивай, чтоб не пролило! – слышится совет Поршня. Сергей улыбнулся в усы. Вишь как переживает, когда его зарод мечут. Не бойсь, не впервой.

Отвечать Поршню Сергей ничего не стал, сенной трухи полный рот будет. Живчиком ходит он по качающемуся зароду, показывая вилами, куда подать очередной навильник. Не успел и глазом моргнуть, как очередной пласт сена, поданный умелой рукой, нашел себе место, зовя следующий. Раз, раз, еще раз, и так бессчетное количество. Взмокли от пота рубахи мужиков да парней, потемнели кофточки баб да девчат. С головы до ног облеплены сенной трухой.

– Ничего бабоньки, поднажмем ишо чуток, значитца зиму с сеном буренка будет! – подзадорил известный всем балагур. Редкая фраза соскользнет с губ, мелькают грабли, вилы и вот уже поплыл над головой очередной навильник сена.

Чем выше выростал стог, тем меньше становились навильники. Теперь подавали одни мужики и парни, взяв в руки вилы с длинными черенами. Теперь требовалась сила, навык и особая сноровка.

В этом году в первый раз работал такими вилами и Степа. Жидковат еще, полмужика, но коли подскребает за тобой красавица Глаша, пушинкой взлетают наверх навильники, сила молодецкая так и плещет через край. Анисья краем глаза следила за молодыми. Хоть бы чего не сотворили по глупости. Рановато им ишо. Степе шестнадцать, Глаше пятнадцать, молодозелено.

Когда завершили последний зарод, уложив на него связанные вершинками березки, солнце уже скрылось за горизонтом. Тихая и теплая ночь опускалась на землю, на темнеющем на глазах небе зажглись сотнями светлячков звезды, и баюкающая слух тишина действовала умиротворяюще на вымотавшихся за день людей. Повисли плетью изможденные руки, хотелось упасть на стерню и лежать без единого движенья до рассвета. Ручные грабли и деревянные вилы оставили, прислонив к последнему зароду. Завтра разберем, где чьи. Весело переговариваясь, пошли к балаганам, где стучали топорами ребятишки, разжигая костер. Последний вечер молодежь осталась со «стариками», не пойдя к Шаманке. Пили подсолненный карымский чай и пели дружно старинные казацкие песни.

То про Аргунь, про реку:

За Аргунью, за рекой
Казаки гуляют.
Э-гей, ой-да не робей,
Казаки гуляют.

Про ластушку-касатушку:

Занималась алая зоря,
Ты не плачь, маяшенька зазря
Ластушка, касатушка, не плачь,
Кари глазки от меня не прячь.

Степа был бы не прочь, если сенокос затянулся еще на неделю-другую, чтобы побыть рядом с ластушкой-касатушкой, ненаглядной Глашей. Никогда ему еще не было так жаль расставаться с дымным балаганом, где над ухом всю ночь вызванивают комары.

Одно утешало, сговорились они с Прошкой после сенокоса съездить в степь к абе Бурядаю. Отец Степы, узнав о затее, был не против. Съездите, развейтесь, когда еще придется свидится. И действительно, давно не бывал Прохор у Бурядая. Последний раз год тому назад, когда приезжал в Могойтуй на побывку.

Три года, лето и зиму мантулил Прохор Рукосуев на богача-казака зарабатывая себе казацкую справу, не ломая себе голову о творящейся несправедливости. Всегда так было, ничего не поделаешь. Ради великого дела, претерпеваем. Отцы наши, и мы сыны, гордые казаки, не посрамим себя на службе царю и отечеству.

Через два дня, как раз на Илью, Степа и Прохор выехали спозаранку в степь, отправившись искать Бурядая, кочевавшего по слухам где-то в верстах двадцати восточнее Могойтуйа. Хоть и велика степь, найдем, а нет у бурятов-пастухов спросим, они все знают.

Прошке и Степе повезло. Солнце еще не стояло в зените, когда они увидели в колыхающемся степном мареве юрту Бурядая. Ее они не спутали бы с никакой другой. Дико гикнув, полетели они наперегонки в бешеном галопе, оставляя после себя клубы рыжей пыли.

Бурядай и не знал от радости, куда ему усадить дорогих гостей.

Для начала угостил их сушеными пенками-урмэн¹⁴⁷, которыми так любили лакомиться пострелята, гостя у Бурядая будучи детьми. Кроме того, конечно же, простокиша-тараг, введшая в заблуждение мать Степы Анисью.

Бурятская кухня покоится на двух ногах – молочных и мясных блюдах. При этом угощение гостей начиналось обязательно молоком или какой-либо молочной пищей, именуемой бурятами *саган эдээн* – белая пища. Бурядай конечно же был воробьем стреляным, точнее говоря опытным кречетом славного бурятского рода харгана, которого не учить тонкостям этикета кочевников.

После *урмэн* и *тарага* Степа и Прошка уплетали за обе щеки *хурууд*¹⁴⁸, ожидая, пока сжарится на костре *ореомог*¹⁴⁹. Сегодня в первый раз Бурядай угостил их и молочной водкой-архи. Подросли орлята, пусть попробуют напиток богов. Говорили исключительно на бурятском. Соскучились Степа и Прошка – по абе Бурядаю, его легендам, рассказам из жизни.

Одних только пословиц знал Бурядай великое множество, на все случаи жизни. Одной из его любимых являлась: «*Хүн болохо багаһаа, хүлэг болохо унаганһаа*» – «Аргамак уже в жеребенке виден, хороший человек с детства сказывается».

Ну а чем плохи следующие:

Эбтэй уладууд эрьеын арһанда багтаха.
*Дружные люди под бараньей шкурой помещаются*¹⁵⁰.

Түргэн горхон адагтаа хүрэхэгүй.
Быстрый ручей до устья не дотечет.

Өөдэнь хаяһан шулуун өөрынъ толгой дээрэ унадаг.
Брошенный вверх камень упадет на свою же голову.

Могойн эрэн газаагаа, Хүнэй эрэн досоогоо.
Пестрота змеи – снаружи, коварство человека внутри.

Бага шулуугаар томо шулуу сохижо хүдэлгэдэг.
Большой камень бьет маленьким камнем.

Амбаар хэдышье ехэ хаа, дүүрэг, Аман хэдышье бага хаа, дүүрэдэггүй.

---

¹⁴⁷ Сушеные пенки «урмэн» готовятся из цельного молока. Молоко кипятится в течение 15–20 мин., после чего ставится в прохладное место. Через 10–12 час. деревянной лопаткой снимаются пенки (сливки), которые затем сушатся.

¹⁴⁸ Хурууд – сухой творог. Высококалорийный продукт, удобный в дороге. Кусочки творога в форме лепешек заворачивают в тряпочки, прессуют, затем сушат. Готовый продукт хранится в тканевых мешочках, темном сухом, хорошо проветриваемом месте, чтобы уберечь от плесени.

¹⁴⁹ Ореомог – длинные полоски брюшины, внутреннего жира, диафрагмы переплетают в виде косы длиной 25–30 см. Варят в подсоленной воде или запекают на костре в бересте, или жарят как шашлык на раскаленных углях.

¹⁵⁰ Бурятские пословицы и поговорки; <http://baikal-tales.ru>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.